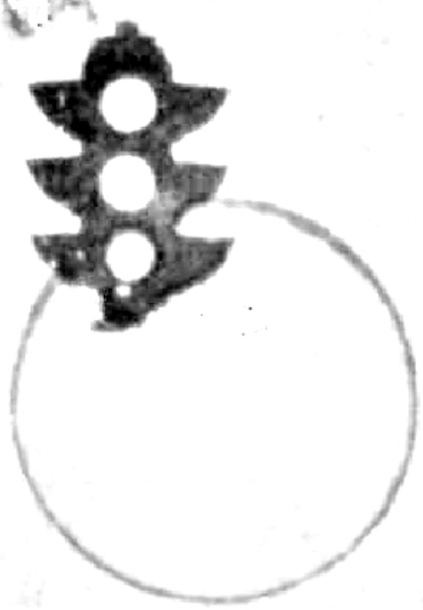
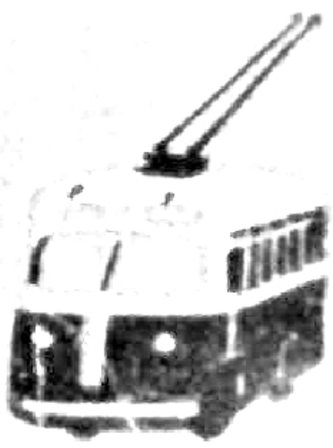
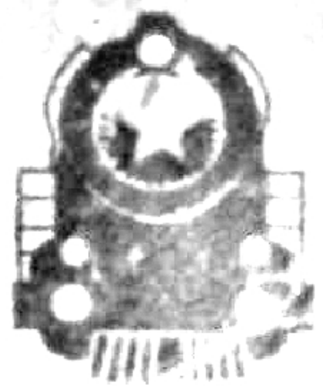


Сергей Розанов

ПОДКИДНАЯ ДОСКА





Р64
1
Р64

СЕРГЕЙ РОЗАНОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТРАВКИ

ПОВЕСТЬ

1956.

Рисунки И. Гринштейна

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1954

ПЯТНАДЦАТОЕ ИЗДАНИЕ

ПРО ТРАВКУ

Травка — это мальчик. Он маленький. Про всё ему хочется узнать.

Как первая весенняя травка в поле, смотрит он на цветы, на солнце, на облака в небе, на весь мир.

Если самолёт летит над Травкой, он смотрит на самолёт и думает: «Почему самолёт не машет крыльями, как птица? Он ведь очень похож на птицу. Как же это он летает, не шевеля крыльями?»

А когда в вечерний час вся Москва вдруг озаряется электрическим светом, он думает: «Откуда взялось столько электричества, чтобы разом осветить целую Москву?»

Однажды Травка покрутил чёрный регулятор на радиоприёмнике и услышал голос: «Внимание! Гово-

рит Киев!». Потом послышалась музыка. Он уже давно задумал узнать, почему это: в комнате никого нет, только один небольшой ящик, а кто-то разговаривает, играет и поёт. Он выбежал на улицу и стал слушать. Но на улице было тихо. Как музыка из Киева попадает в Москву — неизвестно.

Сколько удивительного на свете! Надо обязательно про всё узнать.

Травка знает, что когда человеку два, три или даже четыре г о д а, он ещё может оставаться неграмотным, но когда ему исполняется сколько-нибудь л е т, то он обязательно должен уметь читать и считать. Поэтому Травка выучил все буквы и научился складывать из них слова. А считать он умеет до ста и даже больше, когда понадобится.

Очень ещё не скоро Травка будет большим и станут его важно называть Трофимом Михайловичем или как-нибудь ещё.

И к тому времени, конечно, он будет знать решительно всё.

А пока зовут Травкой.

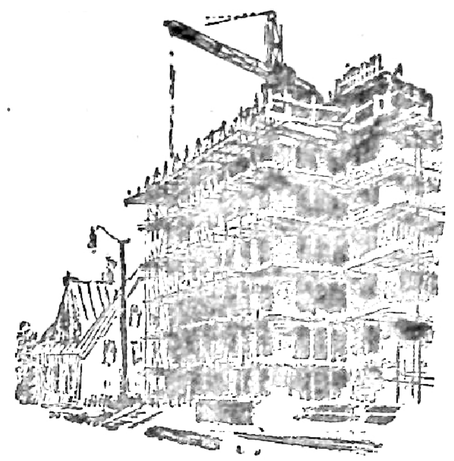
Ну что же. И очень хорошо.

О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО СО СТАРЫМИ ДАЧАМИ

Травка с папой и мамой живёт в Москве, в Петровском парке. Он живёт там всю жизнь. И хоть совсем не длинная у него жизнь, но он уже успел перевидать много удивительного.

Он помнит, как ходил с папой и мамой гулять к старым дачам. Сами дачи были похожи на древних старушек. Но зато возле них были деревья, на полянке росли цветы и летали разноцветные бабочки.

И вдруг туда стало невозможно пройти. Появился забор, понаехали машины.



А летом из-за забора выросли красные стены домов.

Как в сказке.

Но только они не сами выросли.

Травка видел, как на стенах работают люди. Они хватали красные кирпичи руками в серых брезентовых рукавицах и быстро укладывали их один к одному.

Уложат ряд кирпичей, покроют его цементным раствором, похожим на густую серую сметану, и тотчас же кладут на раствор новые кирпичи. И получается ещё ряд. Когда цементный раствор застынет, кирпичи не сдвинешь с места никакими силами. Цемент держит крепче всякого клея. Люди кладут кирпичи ряд на ряд. Так и растут стены.

Сколько рабочих людей трудилось на стройке, Травка не смог сосчитать: люди работали и снаружи строящихся домов и внутри них. А главное, вместе с людьми работали их помощники — машины. И каждой машиной тоже управляли люди.

Машин было множество.

Высились подъёмные краны. Стрелы подъёмных кранов доставляли кирпич и всё нужное для стройки на любой этаж.

Приходили и уходили грузовики.

Грузовики казались совсем тихонькими рядом с другими машинами, которые шипели, лязгали, рокотали, а иные тарахтели, как из пулемёта: тра-та-та-та-та...

Люди работали внимательно, не суетясь, но быстро, чётко и весело. Каждый знал своё место. Каж-

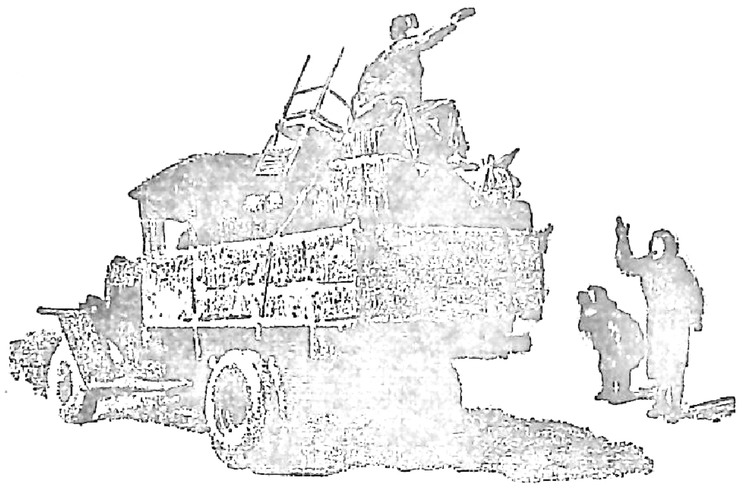
дый знал своё дело и старался исполнять его как можно лучше.

Вот так и росли стены домов, пока не выросло на месте старых дач четыре новых восьмиэтажных дома.

О ТОМ, КАК ИСПОЛНИЛОСЬ ТРАВКИНО ЖЕЛАНИЕ

Рабочие выкрасили стены голубой краской. На балконах поставили узорные решётки, а под самой крышей сделали широкий белый карниз с украшениями.

Травке очень хотелось посмотреть, что делается внутри домов, но мама боялась ходить с ним на



стройку и одного его туда тоже никак не пускала. А папа всегда был очень занят. Но всё-таки он сказал:

— Хорошо.

А если папа сказал «хорошо», так оно и будет.

Так оно вышло и на этот раз.

Папа получил ордер на квартиру в новом доме.

Однажды утром к старому дому, в котором жил Травка с папой и мамой, подъехал грузовик.

Мама засуетилась. Папа начал укладывать книги. Затопали грузчики. Заскрипели шкафы. Зазвенела посуда. Откуда-то появились рогожа и толстые верёвки. Запахло пылью. Начали выносить вещи. И скоро комната, в которой жил Травка с папой и мамой, совершенно опустела. А всё их имущество оказалось на грузовике.

Папа залез в грузовик и уселся там на столе.

Конечно, Травке очень хотелось поехать на грузовике вместе с папой. Но не стоило и проситься: рядом с Травкой стояла мама и крепко держала его за руку.

Грузовик дёрнулся, папа чуть качнулся на своём высоком сиденье и задорно махнул Травке рукой: смотри, мол, какой я храбрый!

— Пожалуйста, не потеряй ничего по дороге! — крикнула мама. — И сам не свались!

— Хорошо, постараюсь! — прокричал папа в ответ. — А ты, Травка, не потеряй маму!

Травка понял, что папа шутит, и весело крикнул:

— Хорошо! Постараюсь!

Все трое были сегодня особенно веселы. Ещё бы! Они переезжали в Новые дома.

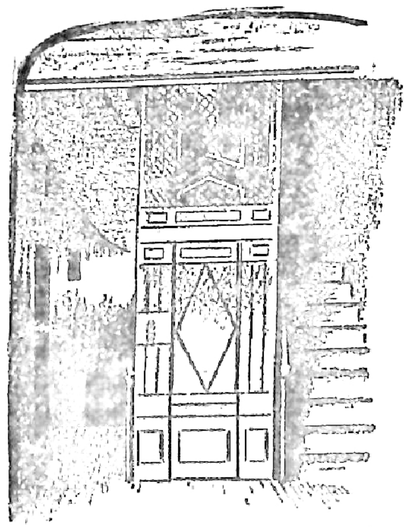
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЭТАЖАМ

И они стали жить в Новых домах.

Адрес: Петровский парк, Новые дома, корпус «Б», квартира № 68. А по этому адресу всякий может их разыскать.

Новые дома видны отовсюду. Корпус «А», корпус «Б», корпус «В», корпус «Г». Стоят рядышком, как буквы в азбуке.

Квартира № 68 на шестом этаже. Очень весело бежать вверх по лестнице и при этом считать ступеньки



и этажи. Шестнадцать ступенек, поворот... Двенадцать ступенек, площадка — этаж... Шестнадцать ступенек, поворот... Двенадцать ступенек, площадка — ещё этаж...

Но ещё интересней подниматься на лифте. Лифт затем и устроен, чтобы можно было подниматься на любой этаж быстро и не уставая. Подниматься нужно в кабинке. Это такая маленькая комнатка. Войдёшь в неё и прямо в комнатке поднимешься вверх. В кабинке — дощечка, и на ней восемь кнопок. Столько же, сколько этажей в доме. А самая верхняя, девятая кнопка — с надписью «Стоп».

Травка ехал в лифте с папой. Кроме них, в кабинке никого не было. И, конечно, папа позволил своему сыну перепробовать все кнопки.

По правилам, спускаться вниз на лифте посторонним не разрешается. Но этот лифт строили на том самом заводе, на котором работал Травкин папа. И папе всё равно нужно было проверить, хорошо ли работает лифт. Поэтому он и катался с сыном.

Сам папа только наблюдал за работой лифта. А кнопки-то нажимал Травка!

Они поднимались на восьмой этаж и опускались на первый. Останавливались против своей квартиры, но не выходили, а спускались в самый низ.

Наконец папа сказал:

— Не пора ли нам возвращаться домой? А то мама забеспокоится.

— Пора возвращаться, — согласился Травка.

Он нажал шестую кнопку, кабинка пошла кверху и остановилась перед квартирой № 68.

Дверь квартиры отворилась, и появилась мама. Она сказала:

— Что это вы так долго, друзья? Я без вас успела соскучиться. А вы разве не соскучились?

— Мы не успели, — чистосердечно признался Травка.

А мама продолжала:

— Мне сказали, что вы уже полчаса как вышли из детского сада домой.

И правда. Детский сад рядом, в корпусе «Г», на самом первом этаже. И они с папой давно были бы дома, если бы не катались на лифте. А ещё раньше, по дороге, они любовались, как, стоя в глубокой канаве, работают водопроводчики. Там был огонь такой силы, что на него невозможно было смотреть. Да ещё и кругом летали искры.

Они катались на лифте сколько угодно и любовались необыкновенным огнём, а мама, оказывается, ждала их и сочиняла для них загадки. Она хотела, чтобы они поскорее пришли и начали разгадывать. А они всё не шли. Поэтому она и соскучилась.

МАМИНЫ ЗАГАДКИ

Теперь, когда они наконец явились, мама сразу загадала свою первую загадку. Такую:

— Ну-ка, кто знает?

Маленькое, кругленькое,
Посерёдке пуговка.
Если пуговку нажмёшь
И немного подождёшь —
Дверь приотворяется,
Мама появляется...

— Я знаю! — крикнул папа и поскорее поднял руку, чтобы его вызвали.

Но мама сделала ему знак молчать и взглянула на сына:

— Это знает мой сынок...

— Электрический звонок! — подхватил Травка, подбежал к двери, поднялся на цыпочки и четыре раза нажал ту самую кнопку, которую мама назвала в своей загадке пуговкой.

Раздались весёлые звонки.

Травка перестал нажимать кнопку, а в квартире всё ещё что-то звонило. Но теперь настойчивые звонки раздавались не у входной двери, а где-то там, в комнате.

— Неужели телефон? — спросил папа.

— Да, да! — радостно сказала мама. — Догадался. А я-то сочинила для вас загадку! Нам поставили телефон, и уже звонил Лёва Измайлов. Он зовёт нас в воскресенье к себе кататься на лыжах. И это, наверно, опять он звонит. Слышите?

И правда: в квартире всё ещё раздавались телефонные звонки.

Травка подбежал к телефону и взял трубку. Действительно, это звонил Измайлов. Травка закричал:

— Здравствуйте, дядя Лёва Измайлов! А я выучился спускаться на лыжах с горы! И с палками и без палок! Даже от папы не отстаю, а про маму и говорить нечего. Дядя Лёва, вы слушаете? Мы в детском саду сделали поезд! Только он не катится сам. Нужно возить его за ниточку. А остальное всё как

настоящее, и вагончики и всё!.. Дядя Лёва! Вы слушаете?

Дядя Лёва Измайлов слушал. Но у него так звенело в ухе от Травкиного крика, что он велел поскорее отдать трубку папе.

А кричать в телефон вовсе и не нужно. Он устроен не для крика, а для обыкновенного разговора.

Папа поговорил с Измайловым, положил трубку, а потом спросил:

— Ну что же, поедем к Измайловым в воскресенье?

Измайловы были их друзья. Они жили на даче и летом и зимой. У них на Пролетарской — леса, горы, приволье. Летом — лодки, зимой — лыжи.

А в лесах, говорят, водятся зайцы с такими длинными ушами, что бедняжкам приходится их постоянно поджимать — того гляди, волк заметит: где зайцы, там и волки. Но волки сами трусливы. Людей-то они боятся!

Травка готов был хоть сейчас ехать на дачу.

Мама сказала огорчённо:

— Жаль, что я не могу поехать с вами. Воскресенье — единственный свободный день. У меня кружок пения. К экзаменам нужно готовиться. А кроме того, по хозяйству масса дел. Я поехала бы с вами хоть часа на три, но поезда так редко ходят на Пролетарскую!

— Это новая линия, — сказал папа. — Погоди, скоро и туда пойдёт электричка.

Мама улыбнулась:

— Хорошо, я подожду полгодика. Но вы-то обязательно поезжайте.

— Мы расскажем тебе всё-всё, — утешил её Травка. — И я привезу тебе настоящую сосновую ветку.

НА ТРОЛЛЕЙБУСЕ ПОД СВЕТОФОРАМИ

И вот наступил этот радостный день. Они собрались. Лыжи для папы должны были найтись у Измайловых на даче. А детские, Травкины, лыжи пришлось захватить с собой.

Мама тоже оделась и пошла проводить папу и Травку до троллейбуса.

Стоял лёгкий морозец. Над головой было синее небо. Только кое-где виднелись прозрачные облака. Будто по синему небу кто-то громадной кистью пробовал белую акварельную краску. Солнце не забралось ещё высоко, а светило прямо в стены домов. Казалось, что дома сами сияют и радуются. На карнизах крыш повисли первые сосульки. А под крышами почирикивали воробьи.

— Замечательная погода для лыж! — сказал папа.

Откуда-то издалека прилетел ласковый ароматный ветерок.

— Весной пахнет... — сказала мама.

А Травка ничего не сказал. Он радовался молча.

Они вышли на шоссе и стали ждать у остановки. Остановка троллейбуса была обозначена огромной буквой «Т». А на этом самом «Т» стояли маленькие цифры. Они обозначали, какие номера троллейбусов останавливаются здесь.

Травка первый увидел, что издали приближается троллейбус. Длинные удочки на крыше троллейбуса скользили по проводам. На концах удочек изредка вспыхивали и разрывались голубоватые электрические искры.

Когда громадный троллейбусный вагон с шуршаньем подошёл к остановке, мама сказала папе:

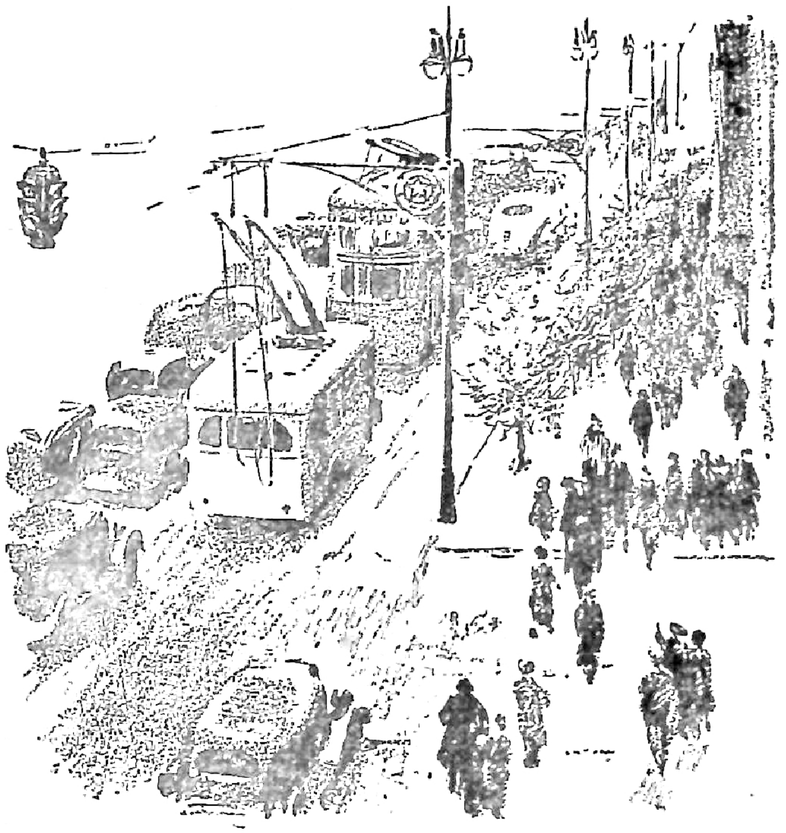
— Смотри, пожалуйста, чтобы ничего не случилось.

Папа ответил:

— Хорошо.

А если папа сказал «хорошо», так оно и будет.

Травка промолчал и наскоро расцеловался с мамой. Он-то знал, что ничего не случится.



Они с папой вошли в троллейбус и уселись в мягкие кожаные кресла. Папа держал Травкины лыжи между колен.

Кондукторша нажала кнопку электрического звонка. Водитель троллейбуса взялся за руль и нажал ногою педаль. Троллейбус мягко качнулся и зашуршал по асфальту.

Травка прижался носом к оконному стеклу. Ино-

гда его слегка подбрасывало на сиденье, и тогда он довольно чувствительно стукался носом о стекло. Но он не обращал внимания на такие пустяки.

Навстречу неслись автомобили, троллейбусы, автобусы, открытые и закрытые грузовики. Закрытые грузовики были ярко раскрашены. На некоторых были нарисованы красивые картины. Вот быстро промчался грузовик с надписью «Хлеб». За ним другой, ещё интереснее, с надписью «Игрушки». И ещё — «Мороженое». Наконец попался даже грузовик с надписью «Кукольный театр» и с нарисованными куклами-артистами. А вот навстречу пополз двухэтажный троллейбус. Он был совсем похож на лакированный двухэтажный дом на колёсах. Только на крыше у него вместо трубы были две коротенькие удочки. Травке очень хотелось покататься в таком движущемся доме на втором этаже. Но и здесь, в одноэтажном троллейбусе, тоже было интересно.

Травка принялся считать, сколько машин попадается навстречу. Он сосчитал до тридцати девяти и сбился. Машины замелькали так быстро, что уследить за ними не было никакой возможности.

Тогда он достал карандашик и начал ставить палочки на своём троллейбусном билете. Сосчитает десять автомобилей, помочит карандаш языком и ставит палочку. Но и тут у него ничего не вышло. Он забыл, что карандаш чернильный, и живо выпачкал себе рот. Папа хоть и не рассердился, но отобрал у него карандаш и долго тёр ему язык и губы своим чистым полотняным носовым платком. Да так и не оттёр.

Тогда Травка начал считать только те автомобили, которые обгоняли его троллейбус. Это были большие, красивые и стремительные машины. Они двигались по асфальту так легко, что, казалось, им ничего не стоит перегнать не только троллейбус, а хоть бы и самый

быстрый самолёт. У каждой машины на носу был приделан значок, похожий на развевающееся по ветру красное знамя. Это были «ЗИСы».

Травка спросил:

— Папа, «ЗИСы» ведь тоже автомобили, почему же их называют машинами?

Папа не сразу понял вопрос, потому что, наверно, думал о другом. Потом он посмотрел в окно и сказал:

— Великолепная машина! Да и как же может быть иначе? З — завод, И — имени, С — Сталина. Отсюда и название «ЗИС». А если автомобиль построен на заводе имени Сталина, разве он может быть плохим?

— Значит, «ЗИС» всё-таки автомобиль? — обрадовался Травка. — А то мы спорили в детском саду...

— Автомобиль — машина, — объяснил папа. — И паровоз — машина, и лифт — машина, и троллейбус — тоже машина. Машинка для стрижки волос — и то машина. Много человек изобрёл разных машин. И всё для того, чтобы людям легче было работать.

— Смотри-ка! — крикнул Травка.

Он увидел автомобиль, нагруженный целой горой ящиков. Сто человек не могли бы поднять сразу столько ящиков. А тут их везла одна машина. Да ещё как быстро!

В это время троллейбус остановился. Сразу же его догнали два «ЗИСа», две «Победы» и «Москвич». Но автомобили не стали перегонять троллейбус, а остановились рядом с ним.

Травка сразу сообразил, в чём дело. Высоко посередине улицы был подвешен на туго натянутых тросах светофор, похожий на трёхэтажный домик. В первом этаже светофора загорелся круглый красный фонарь.

Он был виден водителям всех автомобилей.

Пересекая дорогу под самым красным фонарём,

наперерез троллейбусу шли вправо и влево автомобили. Их было так много и шли они так быстро, что пересчитать их нечего было и думать.

Водитель троллейбуса терпеливо ждал, пока проедут все автомобили. Если бы троллейбус поехал вперёд, автомобили сшибли бы его, повалили и разбились бы сами.

Через некоторое время красный фонарь потух, и над ним сейчас же засветился жёлтый. Водитель троллейбуса взялся за руль. Жёлтый фонарь сменился зелёным. Дорога перед троллейбусом оказалась свободной. Троллейбус тронулся и пошёл. На поперечной улице, и вправо и влево от него, неподвижно стояли автомобили, готовые вот-вот снова ринуться в путь.

Троллейбус пошёл своей дорогой, но как только он дошёл до следующего перекрёстка, снова зажёгся красный фонарь, и, пересекая дорогу троллейбусу, снова помчались вереницы автомобилей.

Папа забеспокоился:

— Если будем так стоять перед каждым светофором, на вокзал не приедем и к вечеру.

— А как же быть? — сказал Травка. — Тем автомобилям ведь тоже нужно ехать. А если бы не было светофоров, на каждом перекрёстке сталкивались бы машины.

Папа посмотрел на часы и сказал:

— Вот мы сейчас пересядем на метро, там перекрёстков нет. И поезда останавливаются только на станциях. Там зря время не теряют.

ТРАВКА СПУСКАЕТСЯ ПОД ЗЕМЛЮ

Над входом станции метрополитена ещё издали была видна большущая буква «М».

Внутри станции стоял ряд одинаковых коричневых

шкафчиков. На некоторых из них светились таблички с надписью «Включён».

Травка раньше никогда не видел в метро таких шкафов.

Это были автоматы для продажи билетов. А надпись «Включён» обозначала, что автомат работает.

— Я сам возьму себе билет, — сказал Травка и полез было в карман, где у него хранился настоящий бумажный рубль.

— Твой рубль не годится, — сказал папа. — Не пролезет сюда твой бумажный рубль. Сюда годятся только металлические монеты. Опустишь на пятьдесят копеек мелочи — и получишь билет. Видишь щёлочки? Эта — для двугривенных, эта — для пятиалтынных, эта маленькая — для гривенников. А вот эта, самая большая, — для пятачков.

Папа достал из кармана мелочь. Травка выбрал для каждой щёлочки по одной подходящей монете.

Он опустил в автомат двугривенный, пятиалтынный, гривенник, и как только опустил ещё пятачок, внутри автомата что-то заурчало, защёлкало — и трык... замолчало. В корытце, приделанное к автомату, упал билет.

Травке это очень понравилось. Хорошо, что нужно было брать ещё один билет, для папы. Но у папы на ладони остались только одни двугривенные.

— Ничего, опускай какие есть, — сказал папа.

Травка опустил в щёлочку с цифрой «20» одну монету, другую, третью — автомат снова заурчал, пощёлкал, что-то выбросил в корытце и замолк.

Тут Травка достал из корытца билет и вместе с ним совсем новенький, блестящий гривенничек.

— Вот так машина! — с удивлением проговорил Травка. — Сама считает, продаёт билеты, да ещё и сдачу выдаёт... Умная машина!

Билеты были аккуратненькие, с дырочками по краям. Травка решил обязательно показать их в детском саду вместе с новым гривенничком, полученным из автомата.

Папа взял сына за руку, и они пошли садиться.

— С лыжами мы в метро не пускаем, — остановила их контролёрша.

— Но ведь это детские лыжи, — объяснил папа,— они никого не могут стеснить.

Контролёрша посмотрела на Травку, на лыжи у папы подмышкой, улыбнулась и сказала:

— А, пожалуй, вы правы...

Она и не посмотрела на Травкины билеты, а просто смяла их и оторвала чуть не половину, хотя нужно было отрывать только синий краешек с надписью «Контроль».

Травке стало даже немного обидно. Он на ходу начал разглаживать билеты, но пол под ним вдруг двинулся. Травка чуть покачнулся и поехал вперёд.

Он невольно посмотрел себе под ноги и увидел, что стоит на дорожке, сделанной из узких деревянных полосок. И дорожка эта едет.

Он попал на дорожку эскалатора — движущейся лестницы.

Конечно, Травка не впервые ехал на эскалаторе. Но каждый раз он с интересом наблюдал за его работой.

Дорожка под ним начала переламываться, опу-

скаться вниз и вдруг превратилась в лестницу. Травка и шагу не сделал, как оказалось, что он стоит на лестничной ступеньке.

Дальше он даже не шевелился, но всё равно опускался всё ниже и ниже. Лестница двигалась вниз сама и на одной из своих ступенек опускала Травку.

Рядом другая лестница поднимала вверх, ему навстречу, целую вереницу людей.

Какая-то девочка поравнялась с Травкой и помахала ему рукой в смешной зелёной рукавичке. Она улыбалась. Улыбались и другие дети. Иные взрослые и то улыбались: всем было приятно проехаться на эскалаторе.

Когда спустились на неподвижный пол, Травка стал просить, чтобы папа позволил ему разочек подняться на эскалаторе наверх, а потом опять опуститься сюда же.

— Некогда, некогда! — сказал папа и взял Травку за руку.

Травка оглянулся на эскалатор.

На лестнице стояла длинная очередь людей и плавно спускалась вниз, будто с высокой, но не очень крутой ледяной горы.

Некоторые, особенно нетерпеливые, бежали вдоль всей очереди вниз, быстро пересчитывая ногами ступеньки. А вверх поднималась теперь совсем пустая лестница. Люди, которые поднимались на ней раньше, уже ушли, а новые ещё не приходили. Рядом была ещё лестница. Она не двигалась ни вверх, ни вниз. Это была запасная.

«И по такой лестнице хорошо бы побегать, — подумал Травка. — Интересно, сколько в ней ступенек?»

Но папа потянул его прочь от эскалатора.

ПОДЗЕМНЫЕ ЧУДЕСА

Здесь, под землёй, был громадный белый зал. Он был такой длинный, что Травке захотелось пробежать его до самого конца. Он пожалел, что здесь нет Вовки-морячка из детского сада. Тогда бы уж они перестали спорить, кто бегает быстрее. А то на дворе только разбежишься, а двор уже и кончился. Неизвестно, кто кого обогнал.

Громадные бронзовые изваяния — статуи — подпирали своды зала. Статуй было очень много.

Колхозница кормила петуха. Студент читал книгу и что-то чертил. Физкультурница собиралась плавать. Ребята-пионеры стояли с моделями самолётов. Папы и мамы поднимали высоко вверх своих маленьких детишек. Футболист в полной форме держал в руках туго надутый футбольный мяч.

Травка вспомнил, как мама рассказывала ему сказку о подземелье, в котором стояли пленники подземного чудовища, превращённые в каменные статуи. Тут, в этом подземном зале метро, тоже стояли статуи: это были изображения людей, которых Травка очень много раз видел, а с некоторыми даже и разговаривал.

Но Травка нарочно стал представлять себе, будто он в сказочном подземелье и вот-вот прилетит чудовище. А вокруг стоят заколдованные пленники.

Поднялся ветер, и Травка покрепче сжал папину руку. Раздался гул и грохот вроде того, какой бывает, когда надвигается гроза.

Травка начал смотреть в ту сторону, откуда должно было появиться чудовище.

Из подземной пещеры вырвался, поднимая ветер и гром, чудовищный сказочный змей. Он сверкал глазищами, шипел, фыркал, кричал неистовым голосом и поднимал подземный вихрь.

— Вот и поезд идёт, — сказал папа совершенно спокойно.

И действительно, подходил поезд метрополитена. Он гнал перед собой воздух из узкого тоннеля — вот и получался вихрь.

Змей зашипел и остановился. Вблизи он совершенно не был похож ни на подземного сказочного змея, ни на тот поезд с паровозом впереди и с ватным дымом из трубы, который ребята сделали в детском саду.

Впереди не было никаких паровозов. Первый вагон с виду был совершенно такой же, как и все остальные: сверху — жёлтый, снизу — светлоголубой. Во всех вагонах горели яркие электрические лампы.

Снова раздалось шипенье, растворились двери вагонов.

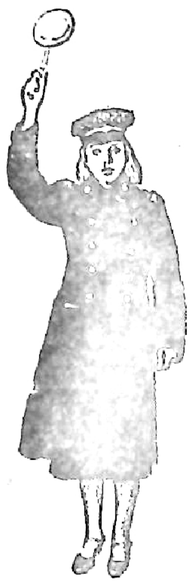
Из дверей стали выходить пассажиры, и рядом с поездом вмиг образовалась толпа.

Просто удивительно, как много пассажиров помещалось в одном поезде!

ЧТО МОЖЕТ НАДЕЛАТЬ САМЫЙ ОБЫКНОВЕННЫЙ ВОЗДУХ

Травка уже давно выпустил папину руку. Он независимо осматривался по сторонам, будто ему каждый день по нескольку раз приходилось ездить в метро. Ему хотелось показать папе и всем пассажирам, что он ничему не удивляется. Он даже отошёл немного в сторону, чтобы не мешать пассажирам выходить из вагона. Они все очень спешили.

Прямо над Травкой склонилась громадная бронзовая фигура матроса. Матрос притаился в засаде и подкарауливал врага. В руке у него был револьвер.



— Поскорее, граждане, посадочку, поскорее! — раздался громкий женский голос.

Травка обернулся к поезду. Папа уже стоял в вагоне и испуганно звал его. Травка бросился к папе, протянул ему руку, но в это время кто-то крикнул: «Готов!», дверцы вагона сами собой сдвинулись и зажали Травкину руку. Травке не было больно, но он по-настоящему испугался и дёрнул руку изо всей силы.

Дверцы были обложены мягкой резиной и кое-как выпустили Травкину руку.

Раздался гудок. Поезд тронулся.

Травка видел, что папа пытается открыть дверь с той стороны, но дверь не подавалась. Тогда папа стал что-то кричать Травке, тыкать себя пальцем в грудь и указывать в окно.

А поезд шёл всё быстрее и быстрее. Вот он скрылся в тоннеле, и на стене тоннеля зажёгся красный огонёк.

— Оставайся здесь, он сейчас вернётся, — сказала девушка в красной фуражке и с пышными кудрями лимонного цвета.

Она держала жёлтый сигнальный диск с железной ручкой. На оборотной стороне диск был красный. Девушка была одета в шинель с погончиками. Это она наблюдала за посадкой пассажиров и всем распоряжалась. И, конечно, она-то уж знала все порядки на метро.

— А скоро он вернётся? — спросил Травка. — Это мой папа.

— Минут через десять будет здесь обязательно,— уверенно ответила девушка.

Травка сам знал, что папа непременно вернётся, и скоро. Наверно, как раз это папа и старался объяснить при помощи пальцев, когда стоял в вагоне. По крайней мере, Травка так понял его.

Но всё-таки Травка растерялся. Уж очень неожиданно всё случилось. Он спросил у девушки:

— А почему же поезд меня не подождал? Две секундочки хотя бы...

— Расписание, дружок, — ответила девушка. — Ты подумай сам: если на каждой станции поезд будет задерживаться на пять секунд, что же будет с расписанием? А? Вот и приходится торопить пассажиров.

Травка невольно проникся уважением к девушке с лимонными кудрями: она здесь решительно всё знает. И он смело спросил:

— А как это двери в вагоне закрываются сами собой?

— Это воздух работает, — ответила девушка. — Самый обыкновенный воздух, только очень туго накачанный машиной. Мотор-компрессор называется машина. Трудная. Я её сдавала.

— Куда сдавала? — удивился Травка.

— Обыкновенно, на экзамене, — ответила девушка. — Пятёрку получила. Ведь я готовлюсь на машиниста.

Травка ещё больше удивился:

— А разве на метро бывают машинисты?

— А как же! В переднем вагоне кабина. В ней и сидит машинист. А рядом с ним ещё и помощник. Это помощник кричит: «Готов!» И машинист тотчас первым делом поворачивает кран и затворяет двери. Машинист — самый главный. Он ведёт поезд... Ну, жди папу!

Девушка кивнула Травке и пошла встречать следующий поезд.

ТРАВКА НИЧУТЬ НЕ ИСПУГАЛСЯ

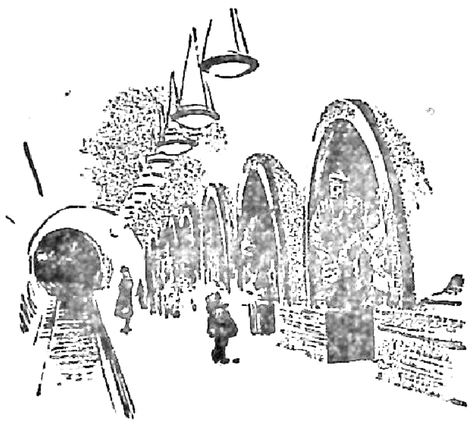
Папа должен был вернуться через десять минут. Это значит — нужно было десять раз медленно сосчитать до шестидесяти. Как до шестидесяти сосчитаешь — загибать палец. Когда все пальцы на руках будут загнуты, тогда и пройдёт десять минут.

Травка начал было считать, но его потеснила толпа пассажиров, сошедших с нового поезда. Он сбился и решил пока поискать, нет ли среди подземных статуй машиниста метро.

Но машиниста не попадалось, и он стал осматривать другие статуи.

Больше всего ему понравился пограничник с собакой: внимательный, строгий и, наверно, очень храбрый. У собаки уши подняты — прислушивается. Собаку зовут Вихрь.

Вот в лесу хрустнула ветка. Вихрь насторожился. Пограничник (Травка будто бы сам сделался пограничником) покрепче сжал тяжёлую холодную винтовку. Какие-то шаги слышны всё ближе и ближе... Вот-вот Вихрь выскочит, как из-под земли... Пограничник пригнулся и шагнул вперёд...



— Что, испугался? — неожиданно спросил его кто-то.

Травка вздрогнул и поднял голову.

Перед ним стоял папа.

Травка даже рассердился. Он ответил коротко и довольно сурово:

— Ничуть!

Так он никогда не разговаривал с папой.

Но папа заговорил весело:

— Ну конечно, не испугался! Главное — не теряй присутствия духа. Будь всегда самостоятельным. Действуй решительно и быстро. И никогда не пропадёшь. Пойдём скорее. Вон подходит ещё поезд.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПОД ЗЕМЛЁЙ

Руки у папы были заняты Травкиными лыжами. Он приспособил их под одну руку, а другой крепко схватил Травку. На этот раз он сначала поставил сына в вагон метро, а потом уже вошёл туда сам.

— Готов! — послышался чей-то отрывистый возглас.

Травка теперь знал, что это командует помощник машиниста.

Дверцы сдвинулись, и поезд помчался. В тоннеле было неинтересно. Быстро мелькали белые стены, кое-где горели не очень светлые электрические лампы. По стенам ползли толстые серые провода.

Травка стал осматривать вагон. В вагоне было светло и радостно. Блестели стёкла, металлические стойки и поручни. Под самым потолком были приоткрыты длинные форточки, и оттуда веяло свежим ветерком. Рядом с дверью была укреплена блестящая металлическая трубка. Она кончалась таинственной красной ручкой. Ручка была завязана бечёвкой, а бечёвка запечатана маленькой свинцовой печатью. Над ручкой под стеклом висело грозное объявление.

— Стоп-кран, — объяснил папа. — Повернёшь его — воздух ринется по трубам, с силой придавит к колёсам тормозные колодки, и — стоп! — поезд остановился. А вот если повернёшь без надобности, будет неприятность. Я хотел остановить поезд, когда ты от-

стал, да подумал: есть ли в этом надобность? Я ведь могу за тобой вернуться. Вот если бы с тобой что-нибудь случилось, тогда другое дело.

Травка весело рассмеялся:

— Да что ты, папа! Что со мной может случиться?

Пассажиры, стоявшие поближе, слушали и улыбались.

Поезд мчался.

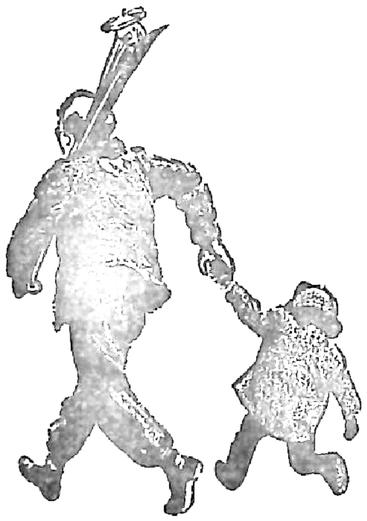
Травка не успел ещё всего осмотреть, а папа уже сказал:

— Сейчас нам сходить. Готовься.

Они вышли из вагона и очутились на другой подземной станции. Здесь по стенам были укреплены хрустальные вазы с сияющими в них электрическими лампами, с виду похожими на обыкновенные свечи. Но казалось, что здесь ещё светлее, чем в поезде. Под вазами стояли красивые мраморные скамьи.

— Папочка, — попросил Травка, — давай посидим здесь на скамейке. Здесь всем можно?

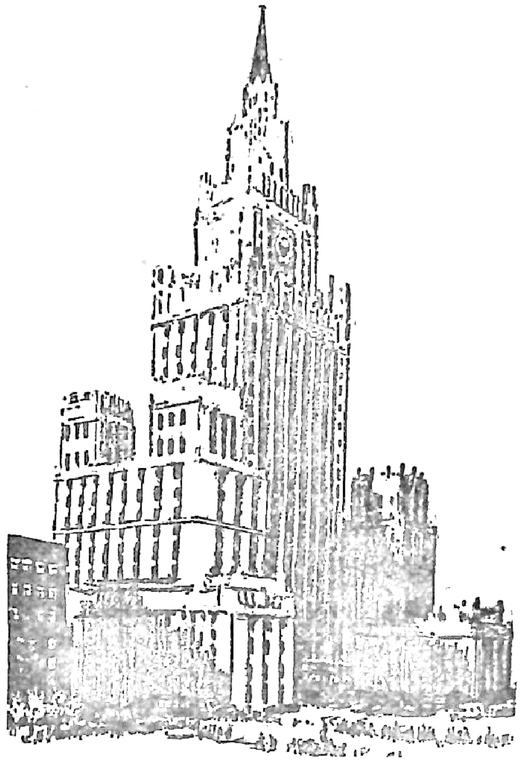
— Конечно, всем, — ответил папа. — Всем, кому нужно чего-нибудь ждать. А нам с тобой нужно торопиться. Посмотрим лучше, как выглядит дом-великан. Кстати сказать, он почти твой ровесник, хотя и моложе тебя. Когда ты родился, московских домов-великанов ещё не было на свете. Ты рос, а они строились. Вот интересно: маленький мальчик, а старше великана!..



— Папочка, пойдём! — нетерпеливо произнёс Травка и схватил папу за руку.

Лестница эскалатора вынесла их наверх.

ДОМ-ВЕЛИКАН



Дом-великан, «высотное здание», как их называют в Москве, находился поблизости от станции метро. Вот это была громадина! Правда, он напоминал за́мок какой-то сказочной феи, но что́ сказочный замок по сравнению с этим домом! Пустяки, детские игрушки.

Осмотреть его сразу, стоя на одном месте, Травка никак не мог, как ни старался. Он был выше всех самых высоких домов, которые Травка видел в своей жизни. Яркое солнце освещало его сильнее и ярче, чем смогли бы осветить все фонари подземных станций метро. Он весь сиял стеклами, розовым полированным мрамором и гранитом.

Обежать дом вокруг нельзя было и думать. Вереницы автомобилей мчались наперегонки вокруг него, да, наверно, так и не могли объехать. Ни один проехавший автомобиль не возвращался обратно.

У его стены неподвижно в ряд стояли «Москвичи», «ЗИСы», «ЗИМы» и ещё разные машины, одна красивее другой. Наверно, они ждали здесь своих хозяев, которые работали в доме-великане.

Травка стоял как зачарованный. Он даже забыл сосчитать, сколько этажей в великане.

— Смотри, — сказал папа, — и гордись тем, что ты старше дома-великана. Он должен тебя уважать, как старшего. Ты, наверно, сейчас кажешься ему меньше самой маленькой козявки, а он смотрит на тебя, улыбается и помалкивает.

Травка задумался. Он припомнил все подходящие к случаю мамины рассказы и уверенно сказал:

— Ты шутишь, папа. Дома и замки никогда не улыбаются, даже в сказках.

Папа не стал спорить:

— Ну, люди улыбаются, которые сейчас, наверно, смотрят сверху на тебя.

— А как они туда попали? На лифте — правда?

— Конечно, на лифтах. И эти лифты ходят гораздо быстрее, чем наш. Пешком туда разве дойдёшь!

— Я дойду, — поспешно сказал Травка. — Шестнадцать ступенек — поворот, двенадцать ступенек — площадка... — И он потащил папу за собой.

— Нет, дорогой, погоди. Сейчас нас с тобой туда вряд ли пустят. Пойдем-ка лучше посмотрим здание, тоже высотное, куда тебя пустят наверно.

— Сейчас?

— Нет, тоже не сейчас.

— Ну-у! — протянул Травка.

— А ты разве забыл, товарищ, про дачу Лёвы Измайлова?

— Нет, не забыл, ни капельки.

ЕЩЁ ВЫСОТНОЕ ЗДАНИЕ

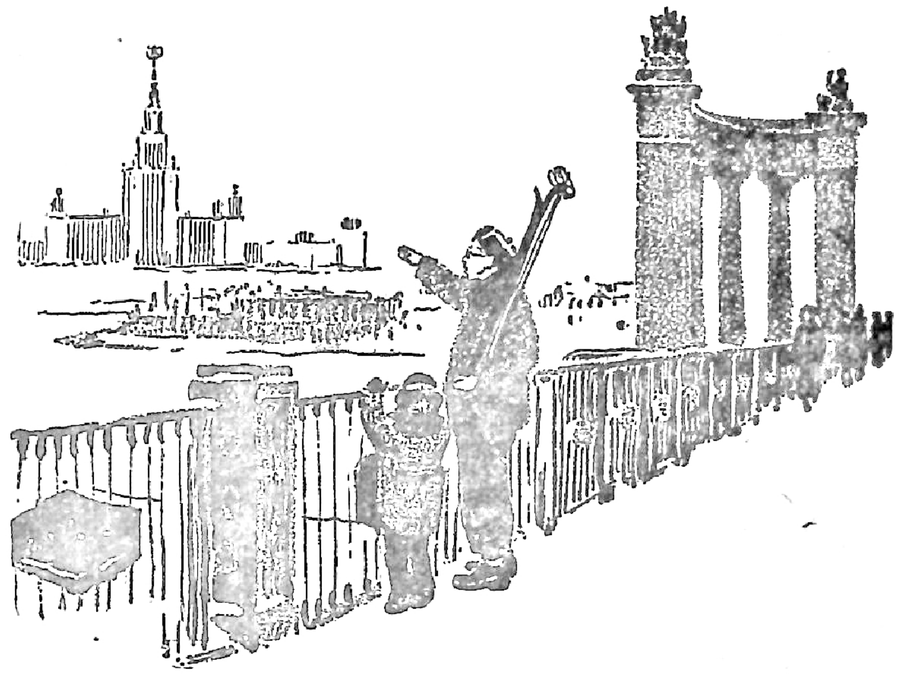
Они пошли по широкому мосту, украшенному серыми колоннами.

— Это мост через Москву-реку, — сказал папа. — Под нами река Москва, видишь? Сейчас она покрыта льдом и снегом.

— Вон лыжники! — крикнул Травка.

И верно, по снеговому покрову реки одна за другой, цепочкой, быстро шли чёрные фигурки, разом взмахивая палками.

— А под ними, под рекой, проложен тоннель метро, — сказал папа. — В нём, наверно, сейчас идёт поезд, который привёз нас сюда... Вернее, он уже дошёл до вокзала и сейчас возвращается обратно.



Травка посмотрел вниз. Никакого поезда не было видно. Впрочем, верно: он ведь шёл под землёй, а над ним текла река.

Река, чистая и белая от снега, как простыня, уходила вдаль. А там, далеко, белело ярче снега здание, тоже сказочное. На своём золотом шпиле оно поднимало в самое небо венок с золотой звездой.

Травка вопросительно посмотрел на папу.

— Да, да, — сказал папа, — это высотное зда-

ние — Московский университет. Ты будешь в нём учиться, когда окончишь школу. Конечно, если окончишь с пятёрками или по крайней мере с четвёрками. Ты будешь там жить высоко, где-нибудь в комнате на тридцать втором этаже. Комнатка у тебя будет отдельная и очень удобная, только учись.

— А чему я буду учиться?

— Всему, чему захочешь. Мы с мамой будем ходить к тебе в гости.

— Конечно, приходите почаще, а то я соскучусь... А лифты там быстрые? А то ведь когда вы доберётесь до тридцать второго этажа!

— Лифты там ещё быстрее, чем в доме-великане, который мы с тобой видели.

— Папа, так ты приходи ко мне в гости, когда будешь свободен от работы, и один, без мамы. Вот мы с тобой покатаемся! Управлять-то лифтом я уже сейчас умею.

— Конечно, конечно, — сказал папа. — Только ведь это ещё не скоро будет.

— А сейчас нам нужно на вокзал, — подхватил Травка. — Пойдём побыстрее.

Папа и Травка быстрым шагом отправились на вокзал.

НА ВОКЗАЛЕ

На вокзале была суета. Люди вбегали в здание вокзала, обгоняя друг друга. Входили носильщики и несли по пяти чемоданов, а некоторые и ещё больше.

Но только они недолго несли. Подъехала тележка, и носильщики сгрузили на неё все чемоданы. Тележку никто не вёз — она сама везла работницу в белом фартуке. Работница стояла на краю тележки. Сзади неё были две ручки вроде маленьких оглобель. Держась за эти ручки, она управляла тележкой и пускала

её в ход. А ногой она настойчиво нажимала большую кнопку звонка, чтобы ей уступали дорогу.

На тележку нагрузили целую гору ящиков, чемоданов и мешков. Работница позвонила и отправилась в путь.

— Что это за машина такая? — спросил Травка.

У него разгорелись глаза. Он раньше никогда не видел таких самоходных тележек на низеньких пузатых колёсах, обтянутых толстой резиной. Главное, что можно стоять на самом краю тележки, видеть весь путь перед собой и нестись куда хочешь. Вот бы ему такую!

— Это электрокар, — сказал папа.

— Почему «электро»? — удивился Травка.—А где провода?

Он твёрдо знал, что электричество идёт по проводам. Как же оно попало в этот необъяснимый «кар»? По воздуху, что ли? Но тогда обязательно было бы видно, как в него прыгают искры.

Папа хотел ему объяснить, но кругом так шумели, волновались и спешили, что папа посмотрел на вокзальные часы и тоже заспешил. Маленькая стрелка на часах показывала почти десять, а большая — девять.

Папа поставил Травкины лыжи к стене и строго сказал:

— Стой здесь и жди меня. Никуда не уходи. Я пойду брать билеты.

И он быстрыми шагами, чуть не бегом, направился к кассе.

* * *

Травка стоял около лыж и тоже начал смотреть на вокзальные часы. Большая стрелка скакнула, как на пружинке, с одной чёрточки на другую. Потом постояла минутку на месте и опять — скок!

Травка никогда не видел таких часов, у которых стрелки скачут. Он решил обязательно спросить у папы про это.

Тут заработало радио, и отчётливо послышалось:

Продолжается посадка
на поезд номер пятьдесят семь
до станции Пролетарская!
Отправление
в десять часов пятьдесят три минуты.

Народу стало ещё больше. Травка увидел папину меховую лыжную куртку и бросился за ней. Папа шёл под руку с незнакомой тётей и о чём-то с ней разговаривал. Они спешили. Травка сказал:

— Папа, а как же лыжи?

Папина спина что-то буркнула в ответ, и папа ещё быстрей зашагал вместе с тётей на перрон, где все садились на поезд. Травка уцепился за папину куртку и побежал за ними.

Когда дошли до свободного вагона, папа сказал не своим голосом:

— Ну, Петька, лезь!

Он взял Травку за руку и хотел подсадить на ступеньку. Но тут Травка увидел, что это вовсе не папа, а какой-то чужой дядя с рыжей бородой и без очков. Дядя сказал довольно сердито:

— Откуда ты, мальчик? И где же Петька?

Сзади стояла полная женщина — наверно, няня. У неё на руках сидел мальчик ростом чуть-чуть поменьше Травки. Няня заговорила нараспев:

— Петечка — вот он! А я смотрю — вы мальчика ведёте. Думаю: знакомый, что ли, какой?

Мальчик, сидевший на руках, почему-то заплакал.

Травка не успел ничего сказать и, конечно, не стал плакать. Он только подумал, что очень стыдно такому большому мальчику сидеть на руках у няни.

В это время раздался свисток и в ответ загудел паровоз. Поезд двинулся и ушёл. На поезде уехали рыжий дядя, его знакомая, Петя с няней и все остальные пассажиры.

На перроне остались только начальник станции в серебряных погонах и Травка.

ТРАВКА ПОТЕРЯЛСЯ

Папа взял билеты и вернулся на то место, где оставил Травку. Лыжи валялись под лавкой, а мальчика не было. У папы сразу упало сердце. Он посмотрел под лавку, потом залез на неё, чтобы ему было лучше видно сверху, и крикнул громко:

— Травка! Травка!

Некоторые пассажиры обернулись и засмеялись. Важный швейцар в синей шубе с золотым галуном на воротнике подошёл к папе и сказал:

— Гражданин, а ну, слазьте с ореховой мебели! Ногами становиться не положено.

— Я мальчика потерял. Понимаете, сына! Маленький такой, на ладошке родинка, и рот испачкан чернильным карандашом. Вы его не видали?

— Нет, не видал, — огорчённо сказал швейцар. — Вот ведь какое происшествие... А вы посмотрите на площади. Может быть, он туда вышел, ваш мальчик. Да вы не волнуйтесь, найдёте сынишку...

Папа бросился на площадь.

На площади перед вокзалом всё так же спешили люди. Пришёл поезд, и толпа пассажиров с кульками, чемоданами и вещевыми мешками за спиной выходила из вокзала.

Папа спрашивал пассажиров, троллейбусных вожатых, трамвайных кондукторов. Он догонял мальчиков и даже девочек и заглядывал им в лицо.

Но Травка ему не попадался.

Тогда папа снова побежал на вокзал.

На том месте, где он оставил Травку, не было ни Травки, ни лыж.

«Он в детской комнате! — вдруг подумал папа. — Как же это я раньше не догадался! Сначала он спрятал лыжи под лавку и пошёл туда на минуточку без лыж, а потом и лыжи захватил...»

И папа через весь вокзал помчался к детской комнате.

На дверях детской комнаты висело объявление:

КОМНАТА МАТЕРИ И РЕБЁНКА
ЗАКРЫТА НА РЕМОНТ
Для пассажиров с детьми
временно отведён зал ожидания № 1

Папа бросился в этот зал ожидания.

У самого входа в зал он чуть не сбил с ног мальчика лет четырёх, в вязаных рейтузах, в полосатом свитере, похожем на Травкин, и со спутанными светлыми кудряшками на голове.

Мальчуган задрал кверху мордочку и спросил:

— Дядя, вам кого? Здесь никого нет, дядя. Здесь только одни матери и ребёнки. А я еду к бабушке в Киев.

Папа обратился к пассажирам. Всё это были мамы с маленькими детьми. Был, правда, один военный, да и тот с грудным ребёночком на руках.

Папа сказал:

— Товарищи! Не приходил ли сюда мальчик чуть побольше этого? (Он указал на стоявшего рядом с ним мальчугана.) С детскими лыжами...

Военный ответил:

— Нет-нет, не приходил сюда мальчик. Ни с лыжами, ни без лыж. Я здесь уже часа два сижу.

И остальные пассажиры подтвердили, что не видели Травки.

Папа ещё раз взглянул на детей в зале ожидания. Самый старший из них, тот самый мальчонок с светлыми кудряшками, смело бегал по всему залу и всем рассказывал, что он едет в Киев, к бабушке. Он только изредка подбегал к своей маме.

Травка был гораздо старше этого мальчонки и гораздо самостоятельнее.

«Уж не уехал ли он один? — подумал папа про Травку. — Конечно, уехал! Дорогу от станции до дачи Измайловых он ведь знает. Вот и уехал, не дождавшись меня!»

И папа чуть не бегом поспешил на перрон.

— Ваш билет! — обратился к нему контролёр, как только он добежал до решётчатой двери перрона. — Не видите разве надпись: «Приготовьте билеты»?

Папа дрожащей рукой протянул контролёру билеты — свой и Травкин.

— Вам на Пролетарскую? — спросил контролёр.— Ваш поезд давно ушёл.

— А вы не заметили, здесь не проходил мальчик? — спросил папа, стараясь сделать приятное лицо. — Маленький такой, ротик в чернилах... точнее — в чернильном карандаше. Вот его детский билет.

— Здесь много мальчиков проходило, — ответил контролёр. — И я, право, не обратил внимания.

Папа осмотрел через решётку весь перрон. Травки не было видно.

«Он, конечно, уехал на поезде, — решил папа. — Нужно скорее отправить телеграмму вдогонку поезду».

Он подошёл к окошечку телеграфа. Телеграфистка дала ему синий листок бумаги. Папа написал на нём всё, что нужно, заплатил за каждое слово и стал смотреть, как телеграфистка отправляет телеграмму.

Она подошла к маленькому столику, на котором стояло двойное колесо. Внутри колеса, как на катушке, была намотана узкая бумажная лента. Около колеса были круглые металлические коробочки и небольшой аппаратик с деревянной головкой. Телеграфистка взялась за деревянную головку и начала выстукивать: «цик, цик, циик, цик, циик, циик, цик, цик, циик, циик, цик, цик...»

По проволоке, которая протянута на высоких столбах вдоль железной дороги, быстро-быстро побежал невидимый электрический ток. Быстрее поезда, быстрее автомобиля, быстрее самолёта, быстрее ветра...

На железнодорожной станции, где сидела другая телеграфистка и стоял такой же телеграфный аппарат, с катушки поползла бумажная лента. На ней стояли чёрточки и точки. Это электричество, посланное телеграфисткой из Москвы, то прижимало маленькое пёрышко к ленте, то отпускало его. Прижмёт, подержит немного и отпустит — получалось тире. Прижмёт только на секундочку — получалась точка.

У телеграфистов своя азбука. Одна точка и одна чёрточка (·—) обозначают букву «А». Одна чёрточка и три точки (—···) — букву «Б». И так каждая буква обозначается только чёрточками и точками.

Телеграфистка, принимавшая телеграмму, стала смотреть на бумажную ленту и писать на бланке вместо телеграфных букв обыкновенные.

Получалось вот что:

«П-О В-С-Е-М С-Т-А-Н-Ц-И-Я-М П-О-Е-З-Д-О-М П-Я-Т-Ь-Д-Е-С-Я-Т С-Е-М-Ь С-Л-У-Ч-А-Й-Н-О У-Е-Х-А-Л М-А-Л-Ь-Ч-И-К В-Е-Р-Н-И-Т-Е Р-О-Д-И-Т-Е-Л-Я-М»

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ТРАВКОЙ

Когда поезд ушёл и Травка остался один, он почувствовал беспокойство: а вдруг папа уехал на дачу и оставил его одного? Да нет, быть этого не может! Папа никогда бы так не сделал!

В это время к Травке подошёл начальник станции в серебряных погонах и спросил:

— Послушай, мальчик, ты что же, провожал кого-нибудь? Такой маленький — и вдруг один! Вот что значит настоящий пионер!

Для пионера Травка был ещё мал. Но он почувствовал себя совсем большим. Он заложил руки в карманы своей лыжной курточки и важно ответил:

— Я не очень маленький. Я средний. Папа говорит, что я старше дома-великана. Шутит, конечно.

Он даже взял меня с собой кататься на лыжах. Но только потерялся.

Начальник станции широко раскрыл глаза, поднял кверху брови и наклонился к мальчику. Издали его можно было принять за вопросительный знак.

— Кто потерялся?

— Мой папа.

Начальник станции почему-то улыбнулся, но не обидно, а по-хорошему. Потом он задумчиво помычал: «Мм-мм-мм-мм...»

— Ну, мы сейчас его разыщем, — сказал он наконец, взял Травку за руку и повёл через калитку с вывеской, на которой было написано:

СЛУЖЕБНЫЙ ПРОХОД

Он провёл его через несколько комнат и довёл до двери с другой вывеской:

СЛУЖЕБНЫЙ КАБИНЕТ
НАЧАЛЬНИКА СТАНЦИИ
Посторонним вход воспрещается

Начальник станции смело отворил дверь.

А Травка волей-неволей остановился. Ему приходилось ждать, хоть и не хотелось оставаться одному.

Но начальник обернулся к нему и сказал:

— Ну, иди! Что же ты стал? Иди, не бойся.

— А здесь написано: «Посторонним вход воспрещается».

Начальник станции опять улыбнулся:

— Со мной никто не посторонний. Иди!

Травка вошёл в комнату. Там стояли странные машины. Таких Травка раньше никогда не видел. Он хотел спросить у кого-нибудь, зачем они, но все были очень заняты.

То и дело раздавались негромкие звонки и гудки. Железнодорожник в форме распоряжался по телефону:

— Двадцать шестой примите на девятый путь. Маневровый отведите в тупик...

Начальник станции взял телефонную трубку с другого аппарата и приложил её к уху. Крючок, на котором висела трубка, поднялся, концы проводов в телефонном аппарате соединились, и по ним побежал электрический ток прямо на вокзальную телефонную станцию. Там стояла большая чёрная доска с крошечными гнёздышками. К этим гнёздышкам подходили провода всех вокзальных телефонов.

На доске загорелась малюсенькая лампочка. Перед доской сидела телефонистка. На голове у неё был обруч со слуховыми наушниками и чёрной трубкой, в которую она говорила. Телефонистка увидела горящую лампочку, присоединилась к телефону начальника станции и сказала:

— Центральная.

В ответ она услышала голос начальника станции:

— Дайте радиоузел.

Телефонистка взяла шнур с блестящим наконечником. В этом шнуре оканчивался провод телефона, по которому говорил начальник.

Перед телефонисткой на доске было сто шестьдесят четыре гнёздышка. Это очень много. Но она отлично знала, в каком именно гнёздышке оканчивается провод каждой комнаты вокзала, и, почти не глядя, вставила наконечник шнура в нужное гнёздышко. Потом она нажала кнопку, и в комнате радиоузла раздался звонок.

Этот радиоузел был устроен для того, чтобы пассажиры, находящиеся на вокзале, могли слышать разные железнодорожные справки и распоряжения.

Здесь был служащий — диктор, который говорил по радио всё, что нужно было услышать пассажирам.

Диктор взял телефонную трубку. С ним заговорил начальник станции:

— Мм... мм... Видите, какая штука: я подобрал на перроне мальчика. Он говорит: папа у него потерялся. Нельзя ли этого папу разыскать? А мальчик у меня здесь, в кабинете.

— Сейчас я дам оповещение, — сказал диктор, положил трубку и подошёл к маленькой коробочке — микрофону.

Диктор начал говорить, и заработали громкоговорители, установленные на вокзале.

Начальник станции взял Травку за руку и вышел с ним за дверь. Из большой посеребрённой трубы радио послышался усиленный голос диктора:

Внимание! Граждане пассажиры!
Отставший от родителей мальчик
находится в кабинете начальника
станции...

Травка слушал и ничего не понимал: какой мальчик? От каких родителей?

Радио будто знало, что с первого раза Травка ничего не поймёт, и заговорило опять:

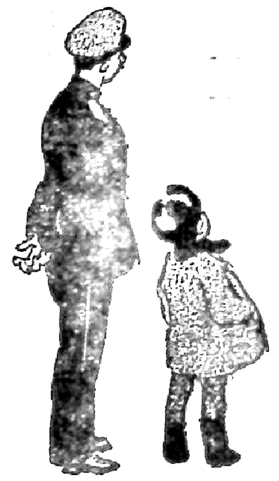
Внимание! Повторяю! Граждане
пассажиры! Отставший от родителей
мальчик находится в кабинете
начальника станции...

— Это о тебе говорят,—сказал начальник станции.

«Верно ведь! — подумал Травка. — Если папа уехал без меня, значит я от него отстал. А папа — мой родитель».

Во всех помещениях вокзала были такие же трубы — громкоговорители. Голос диктора раздавался и

в первом, и во втором, и в третьем зале, на перроне и в вокзальных коридорах.



Пассажиры, сидевшие с детьми в зале ожидания, порадовались за папу: вот и нашёлся пропавший сынишка. Даже тот мальчонок со светлыми кудряшками и то порадовался.

Остальные пассажиры слышали голос диктора и при встрече осматривали друг друга. Каждый будто хотел спросить другого: «Скажите, не от вас ли отстал мальчик?»

А Травкин папа отправил телеграмму и снова бегал в это время по вокзальной площади — всё искал своего сына. Он совсем не слышал извещения по радио о мальчике, отставшем от родителей.

Если бы работала мощная московская радиостанция, начинающая передачу певучими колокольчиками: «Широка страна моя родная...» — её голос был бы слышен по всей Москве и даже по всему СССР. Невидимые электромагнитные волны несутся с неё во все стороны без всяких проводов. Они задевают антенны и заставляют звучать радиоприёмники, соединённые с этими антеннами.

А на вокзале работал совсем маленький радиоузел. Голос диктора передавался по проводам и был слышен только внутри вокзала. И даже на площади перед вокзалом из-за городского шума его было слышно плохо.

Травка стоял рядом с начальником станции. Они ждали.

Но никто не шёл в кабинет начальника отыскивать отставшего мальчика.

Травке стало скучно. Ему надоело всё ждать да ждать. Он заговорил с начальником станции:

— А скоро он придёт, как вы думаете?

— Ммм... не знаю.

— А я придумал! — сказал Травка. — Знаете что? Пойдёмте к нему навстречу. Он будет идти сюда, а мы — в его сторону и первые увидим его по дороге.

Начальник внимательно посмотрел на Травку, опять улыбнулся, но согласился с ним:

— Ну что ж, пожалуй пойдём. Я только скажу здесь, что мы пошли на вокзал.

НАПАЛИ НА СЛЕД

Травке было очень приятно, что такой важный человек провёл его через служебный проход и даже впустил в свой кабинет, куда посторонним вход воспрещается.

Он решил стать совершенно самостоятельным. Когда они вышли из кабинета, Травка шёл с гордо поднятой головой. Но всё-таки он незаметно поглядывал по сторонам, не покажется ли где-нибудь папа.

Они пришли на вокзал. Травка без труда узнал то место против вокзальных часов, где он стоял с лыжами и дожидался папу. Он остановил начальника станции и попросил его минуточку подождать, чтобы посмотреть на часы.

Большая стрелка прыгала попрежнему. Она подходила к цифре «6». Маленькая стрелка застряла где-то между цифрами «10» и «11».

Около лавки не было ни папы, ни лыж.

Начальника станции все знали и здоровались с ним. Он спросил швейцара с золотым галуном про Травкиного папу.

— Да-да! Точно, товарищ начальник. Бегал гражданин, искал мальчика. А вот куда он делся — право, не могу знать. Что же вы мне раньше-то не сказали? Я бы спросил, куда он пойдёт.

Другой служащий, сторож, долго прислушивался, как Травка рассказывал про папу и про лыжи, и наконец вмешался в разговор:

— Видел я твоего папу. Лыжи он взял в охапку— и бегом на поезд. Я уж подумал: свои ли лыжи он взял? Он всё смотрел по сторонам. Теперь понятно: видно, он искал тебя. Не нашёл и уехал.

Травке стало обидно, что папа всё-таки уехал один.

Но нужно было действовать решительно и быстро. Вот поэтому-то Травка очень решительно обратился к своему другу — начальнику:

— Товарищ начальник, у меня есть рубль и ещё гривенник из автомата. Дайте мне, пожалуйста, билет до станции Пролетарская. Оттуда я дорогу знаю. По правой стороне, как пруд пройдёшь, против колхозной палатки, дача номер шестнадцать.

Начальник улыбнулся и сказал:

— Билетами я не торгую. И поезд туда идёт только вечером.

— Как же нам быть? — спросил Травка, закинул голову и посмотрел начальнику прямо в лицо.

Начальник станции почесал кончик носа, подумал, помычал и наконец решил эту задачу:

— Ну, да ладно. Хоть это не по правилам и не полагается, но раз уж такой случай... Скоро туда идёт служебный паровоз. Посажу тебя — к обеду успеешь. Не боишься ехать на паровозе?

— Я даже на автомобиле рядом с шофёром не боюсь. И потом, я сегодня сам ездил на эскалаторе и дожидался папу в метро. И прямо ни капельки не испугался.

Делать нечего, начальнику станции приходилось помочь Травке.

ТРАВКА ПУСКАЕТСЯ ВДОГОНКУ ПАПЕ

И вот начальник станции повёл Травку куда-то в сторону от перрона. Идти было трудно. Один раз Травка больно ударился ногой о рельс. Хотелось заплакать, но Травка не заплакал, а только потёр ногу.

— Почему так много рельсов? — спросил он. — То и дело попадаются под ноги.

— А это потому, что тут много поездов собирается. Для каждого поезда свой путь. Видишь, сколько паровозов стоит?

— Вижу. А скоро наш паровоз?

— Да вот он.

Они подошли к громадному чёрному паровозу. В паровозе что-то громко шипело. Пахло раскалённым металлом и горячим смазочным маслом.

Травке сделалось немножко страшно. Он крепко схватил начальника за руку.

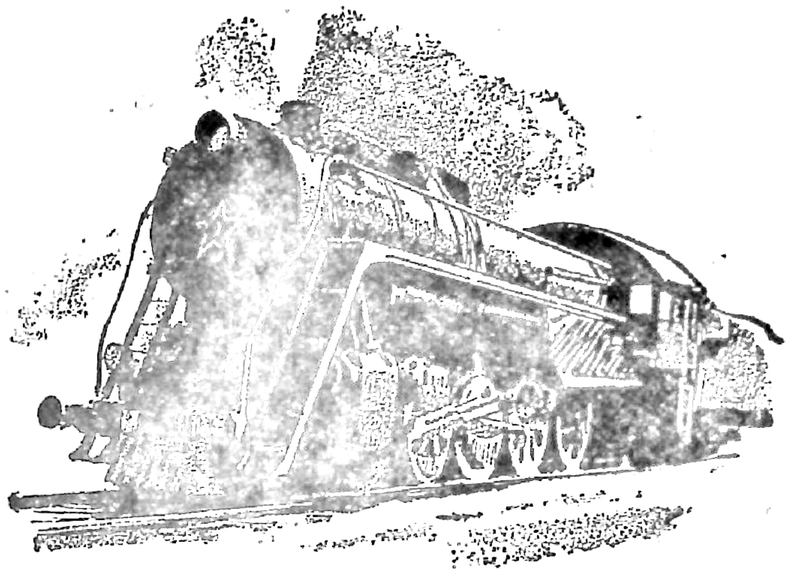
— Ну-ну, не бойся, малыш! — ласково сказал начальник, совсем как папа, и громко закричал: — Эй, Беляков!

Травка только хотел сказать, что он ничуть и не боится, как в паровозном окошке показался человек, с виду совсем не похожий на Белякова. Травка думал, что Беляков должен быть обязательно белым, а на этом человеке были чёрная кожаная куртка, чёрная фуражка, в руках он держал тряпку с чёрными пятна-

ми, и даже лицо у него было не белое, а загорелое, красноватое, с чёрными усами.

— Что скажете, товарищ начальник? — закричал чёрный Беляков, стараясь перекричать свою машину.

— Вот, пассажира тебе привёл. Возьми его с собой. На Пролетарской ссадишь. Только смотри не потеряй его по дороге, как родной папаша потерял. Скоро отправляетесь?



— Семафора ждём, товарищ начальник. Пока полную протирочку сделал своему красавцу.

— Ага... мм... — промычал вместо ответа начальник и протянул Травке руку. — Ну, прощай, брат! — сказал он. — Да как тебя звать-то?

— Травка.

— Травка? Чудно́ что-то. В честь кого же тебя так назвали?

— Не знаю. Просто так. А вас как зовут?

— Меня Николай Иванычем зовут, — ответил начальник станции.

Он взял Травку подмышки, высоко поднял на руках и посадил на паровоз.

— Ну, прощай, брат Травка. Не забывай! Кланяйся своему папаше.

Травка решил никогда не забывать Николая Ивановича и даже подумал: как жаль, что он раньше не познакомился с этим хорошим человеком! Вот было бы интересно! Мама никогда ничего не позволяет и всего боится. Папа редко когда бывает свободен. Травка ходил бы к Николаю Ивановичу в гости и всё-всё узнал бы про железную дорогу.

На площадке паровоза было темно и жарко. Прямо перед Травкой оказалась громадная чёрная машина с ручками, с ярко начищенными медными трубками и кранами, с круглыми коробками вроде часов. Всё это сияло, шипело и полыхало жаром. Железный пол трясся. Травка стоял перед машиной и боялся пошевельнуться.

Вдруг сзади него раздался громкий голос:

— Ну-ка, с дороги! Зашибу!

Травка и не заметил, что, кроме Белякова, на паровозе был ещё один человек, наверно помощник Белякова. Он подошёл откуда-то сзади. В руках у него была большая чёрная лопата, похожая на совок. Он открыл круглую чугунную дверь машины, и Травку обдало таким светом и жаром, что он поневоле отскочил, закрыл лицо руками и отвернулся.

Незнакомый человек стал быстро подхватывать лопатой чёрный блестящий каменный уголь и бросать его в топку машины. Запахло чем-то вроде газа из кухонной газовой плиты на новой Травкиной квартире. От скрежета и лязга у Травки зазвенело в ушах. Наконец круглая дверь с грохотом закрылась, и Травка осторожно обернулся.

Незнакомый человек смотрел на стрелку машинных часов и постукивал по ним пальцем. Беляков вытер руки тряпкой, высунулся наполовину из паровозного окошка и совсем как будто забыл о Травке.

Травка подошёл к Белякову и решился заговорить. Он тронул Белякова за ногу. Беляков склонился к нему.

— А это ваш красавец? — спросил Травка, незаметно показывая на незнакомого человека. — Вы говорили, полную протирку ему сделали.

— Да нет, что ты! — улыбнулся Беляков. — Это мой помощник. Он же и за кочегара ездит. А красавец — вот он! Видишь, как блестит! Видишь, как сияет! — И он любовно хлопнул тряпкой по машине.

Потом он выглянул ещё раз в окошко и сказал:

— Ну, можно отправляться. Есть семафор.

— Вы быстрее поезжайте, — попросил Травка. — А то мы не догоним папу.

Беляков повернул рукоятку. Паровоз заревел так, что у Травки даже задребезжали зубы. Беляков повернул какое-то колесо, потом потянул к себе рукоятку, и паровоз медленно тронулся со станции.

ПАПА ДЕЙСТВУЕТ РЕШИТЕЛЬНО И БЫСТРО

В это самое время папа ходил быстрыми шагами мимо телеграфного окошка. Он очень волновался. По телеграфу должен был прийти ответ со станции Пролетарская.

Но ответа всё не было.

Папа хотел уже посылать вторую телеграмму, но аппарат перед телеграфисткой вдруг застрекотал, и из него поползла узкая бумажная лента. Тут папа не выдержал. Он открыл дверь с надписью:

Посторонним вход воспрещается

и бросился к аппарату. Он схватил ленту в руки, но на ней стояли только точки и чёрточки, чёрточки и точки.

Телеграфистка удивлённо посмотрела на папу и сказала:

— Гражданин, прочли? Нашёлся ваш мальчик?

— Но я не понимаю... по-вашему, — произнёс папа. — Прочтите мне, пожалуйста.

— А... Не понимаете, тогда подождите, — сказала папе телеграфистка, положила перед собой ленту и начала писать, ворча себе под нос: — Привыкли к буквопечатающим аппаратам... А здесь железнодорожный телеграф... Здесь азбуку Морзе знать нужно.

Она говорила так потому, что существуют телеграфные аппараты, печатающие на ленте вместо точек и чёрточек сразу обыкновенные буквы. Тогда каждый может легко прочесть, что напечатано на ленте.

— Вот вам ответ! — громко сказала она и протянула за окошко сложенный листок.

Папа вышел из комнаты, стараясь ничего не задеть на ходу, и взял с полочки у окошка листок. Это был телеграфный бланк. На нём было написано:

Обыскали весь поезд поисках случайных мальчиков точка таковых не обнаружено точка нахождении вышлем точка

Ответ был написан непонятно. Но папа всё-таки понял, что Травки в поезде нет.

«Уж не поехал ли он домой? — подумал папа. — Соскучился по маме, захотел кушать, встретил знакомого... мало ли что ещё могло случиться... вот он и решил поехать домой. Ведь он у меня самостоятельный... Нужно позвонить домой по телефону».

Он просунул голову в телеграфное окошко и попросил тихим и жалобным голосом позволения поговорить по телефону. Телеграфистка видела, что папа очень расстроен, и позволила.

Папа снова вошёл в комнату, взял с рычага телефонную трубку и приложил к уху. В трубке раздался гудок.

На телефонном аппарате был чёрный диск с отверстиями. В каждом отверстии виднелась цифра, а на самом диске стояли выпуклые буквы. Папа вставил палец в отверстие возле буквы «Д» и повернул диск. Только он вынул палец — диск сам собой повернулся обратно. Тогда папа вставил палец туда, где была цифра «4», повернул, отпустил, и диск снова встал по-старому. Так папа поворачивал диск у цифр «1», «8», «6», «8», пока не набрал номер телефона своей квартиры: Д 4-18-68.

Тогда по проводу побежал электрический ток, и вокзальный телефон соединился с телефоном папиной квартиры.

Провода всех московских телефонов подходят к автоматической телефонной станции. Здесь, на автоматической станции, люди только наблюдают за работой автоматов. А соединение происходит само собой, если только на телефонном аппарате поворачивать диск так, как нужно, то-есть, как говорится, правильно «набрать» номер.

Папа услышал в трубке гудки, будто громадный шмель пожужжал-пожужжал и перестал. Потом снова принялся жужжать и опять перестал. Папа понял, что соединение произошло правильно. А эти шмелиные гудки показывали, что в их квартире раздаются звонки.

Мама взяла трубку, и между ней и папой начался разговор:

— Я слушаю.

— Скажи, пожалуйста, ты Травку уже накормила?

Мама не узнала папиного голоса. Она подумала, что говорит её брат (Травкин дядя), и ответила:

— Травки нет дома. Он уехал с папой на дачу кататься на лыжах.

Папин голос:

— Да нет... Он решил вернуться... Встретил знакомых... Вспомнил, что ты без него скучаешь... Захотел кушать... Мало ли что могло случиться... Это говорю я — папа!

— Он не возвращался... Как же ты отпустил его одного? — прошептала мама очень испуганно и чуть не выронила трубку из рук.

Папа хотел рассказать всю правду, объяснить, что Травка потерялся нечаянно. Но мама не откликалась.

Папа ещё и ещё нажимал рычаг, потом начал колотить по нему так, что телеграфистка заступилась за телефонный аппарат:

— Гражжжжданин!..

Папа присмирел, посмотрел на телеграфистку виноватыми глазами и тихонечко продолжал слушать.

В трубке раздавались какие-то шорохи и тихие стуки. Вдруг ему представилось, что как раз в это время в их квартиру в Новых домах вернулся Травка. Поэтому мама и не отвечает. А может быть, он и не сам вернулся, а его привели... или даже... принесли...

Папа быстро положил трубку на рычаг и бегом бросился из комнаты.

* * *

У железнодорожного склада стоял грузовой автомобиль. Рабочие уложили на платформу грузовика много мешков с мукой. Погрузка кончилась. Рабочие

закрывали железными крюками откидной борт платформы.

Папа подбежал к рабочим. Он очень волновался. От волнения он с трудом выговаривал слова:

— Братцы! Товарищи! Вы не в Петровский парк?

— Ну да, в Петровский, — ответил один рабочий. — Муку везём на хлебозавод.

— Может быть, меня подвезёте? — попросил папа. — На трамвае очень долго, от метро квартира далеко, такси, как на грех, возле вокзала нет. А у меня несчастье, видите ли...

Наверно, и впрямь было видно, что у папы случилось несчастье. Старший рабочий сказал:

— Ну, садись, что ли. Довезём.

Папа залез на мешки.

Шофёр сошёл со своего места, завёл ручкой мотор, потом сел за руль. Рядом с ним была рукоятка с круглой чёрной головкой. Шофёр передвинул эту рукоятку, нажал ногой педаль, и машина тронулась. Вскоре она понеслась по улице, широкой, как река. Улица до самых берегов была наполнена мчащимися автомобилями.

Через двадцать минут папа уже звонил у дверей своей квартиры. Он нажимал кнопку ещё, ещё и ещё.

Никто не откликался.

Тогда папа своим ключом отпер дверь и вошёл.

Все три комнаты были пусты.

Мамы не было нигде.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С МАМОЙ

Когда папа спрашивал по телефону про Травку и мама поняла, что Травка пропал, она очень испугалась. Она чуть не выронила трубку из рук, да так и сидела с трубкой в руке.

Потом она немного оправилась от испуга, положила трубку на место и решила, что Травка, конечно, поехал к дяде. Она часто возила его туда в гости. Особенно по воскресеньям. Там у Коли, Травкиного двоюродного брата, был очень интересный живой уголок. Коля учился уже в третьем классе, и Травка любил бывать у него в гостях. Жили они недалеко от вокзала.

И если папа с Травкой опоздал на поезд, то вполне естественно, что он должен был отправить сына к дяде. Но только почему же папа спрашивал, не вернулся ли Травка домой и покушал ли он? Неужели папа думал, что у дяди Травку не покормят?

Телефон разъединился. Откуда звонил папа — неизвестно. А у Травкиного дяди (маминого брата) телефона в квартире не было.

Она подождала, не позвонит ли папа ещё раз.

Однако никто не звонил.

Вдруг снизу, со двора, донёсся такой шум и треск, будто стреляли сразу из десяти пистолетов.

Мама открыла дверь на балкончик. Ключ от балкончика она всегда носила с собой, чтобы он не попал в руки Травке.

Внизу, на дворе, комсомолец Володя налаживал свой мотоцикл.

— Володя! — крикнула мама. — Подождите меня минуточку!

Она оделась и спустилась во двор.

— Ну что, работает ваш мотоцикл? — спросила мама.

— Работает! — с гордостью ответил Володя. —

Вот, собираюсь его обкатать, чтобы он не застаивался.

Володя только недавно получил премию на заводе, добавил к ней свои сбережения и купил мотоцикл. Он каждую свободную минуту разбирал свою машину, чистил её и обкатывал.

— У меня к вам просьба, Володя, — нерешительно начала мама. — Вам ведь всё равно, куда ехать. Не съездите ли вы в Дорогомилово, не отвезёте ли записку? Дело в том, что там, очевидно, Травка...

— Пожалуйста! — с готовностью воскликнул Володя. — Да зачем записку! Садитесь, у меня вместо багажника второе седло. Я вас с удовольствием доставлю и туда и обратно. Далеко ли здесь! Всего каких-нибудь восемь километров. А я развиваю шестьдесят. За двадцать минут обернёмся.

— А ничего? — робко спросила мама.

Володя стал её уговаривать:

— Конечно, ничего. Великолепное ощущение! Правда, это не автомобиль «Москвич», но и в мотоцикле есть своя прелесть. Главное — сидите совершенно спокойно. Можете держаться за мои плечи. Я вот получу ещё премии три и обязательно куплю «Москвич». Но и это тоже машина.

Мама поудобнее уселась на «второе седло». Володя нажал педаль, начал вертеть ручки, послышались взрывы, и мотоцикл осторожно выехал со двора.

Ехать было не страшно. Маму слегка подбрасывало на мягких пружинах седла, и это было только занятно.

Но вот мотоцикл вышел на шоссе, по которому ходили троллейбусы. Володя повернул ручки. В моторе мотоцикла стали всё чаще раздаваться взрывы. Мотор заработал быстрее. Володя повернул ещё, и мотоцикл

взревел так, что не стало слышно отдельных выстрелов и хлопков — один сплошной дикий вой.

Ветер рванулся маме в лицо. Шапку с неё сорвало, волосы растрепались; с непривычки ей стало трудно дышать. Душа ушла в пятки.

Мама забарабанила кулаком Володе в спину и барабанила до тех пор, пока Володя не остановил машину.

Мама спрыгнула с запасного седла и запросила пощады:

— Я больше не могу! Вы уж, Володя, лучше отвезите записочку.

— Как хотите, — обиделся Володя. — Правда, это не «Москвич»...

Мама написала на клочке бумаги красивым почерком, нарочно поразборчивее, чтобы мог прочесть Коля: «Нет ли у вас Травки? Ответьте немедленно».

Мама не была трусихой. Она поехала бы и дальше, разве только попросила бы Володю ехать не так быстро. Но она подумала: «Вдруг Травка сейчас уже вернулся, а квартира заперта! А вдруг его привели чужие люди... или даже... принесли...» Она сказала:

— Поезжайте, Володя, скорее. А то у меня сердце не на месте. Но только, Володя, если он там, ни за что не берите его с собой. Пусть он просит, обещает сидеть спокойно, а вы не берите. Скажите: «Мама не разрешила», и всё.

— Ладно, не возьму, — успокоил её Володя. — Хотя он у вас, кажется, не трус. Не такой, как... — Володя замялся немного, покраснел и продолжал: — Вы уж извините, что мотоцикл вам не понравился. Правда, конечно это не «Москвич», но и это тоже вполне машина...

— Помните, Володя! — перебила его мама. — Вы дали слово!

Володя только кивнул, нажал педаль; мотоцикл затарахтел, заурчал и помчался так быстро, что вскоре скрылся из глаз.

А мама быстренько пошла домой.

По дороге она подобрала свою шапку.

ТРАВКА, КАЖЕТСЯ, НАШЁЛСЯ

Бледный и взволнованный, папа встретил маму в дверях. Он был весь в мукé. Он не мог выговорить ни слова. Всё не знал, как начать.

Мама хотела его поругать за то, что он так неосторожно отпустил Травку одного, но увидела, что папа очень расстроен, и промолчала. Она только произнесла печальным голосом:

— Ты хоть бы почистился! — и дала папе щётку.

А когда папа рассказал всё по порядку, рассказал про телеграмму, про то, что лыжи исчезли, мама опять сильно заволновалась: что же, наконец, случилось с Травкой?

Вдруг на дворе раздался такой стук и треск, будто стреляли сразу из десяти пистолетов. Мама вышла на балкончик, взглянула вниз и увидела Володю с мотоциклом. Она сказала, немного повеселев:

— Это ответ от дяди. Сейчас мы всё узнаем.

И действительно, послышался гул поднимающегося лифта. Лифт остановился. Не дожидаясь звонка, мама бросилась к дверям и впустила Володю.

— Всё в порядке! — сказал Володя. — Получите ответ.

И он протянул маме бумажку, на которой не очень красивыми, но разборчивыми буквами было написано:

Травка ест сколько угодно. Завтра утром привезу.
Коля

— Ну вот, я же говорил, что он проголодался! — сказал папа с невольной радостной улыбкой. — Нагулял на воздухе аппетит. Я всегда говорил, что загородные прогулки полезны.

— И как это тебе не пришло в голову купить ему по дороге хоть пирожок! — сказала мама и обратилась к Володе: — Ну, как он там? Видели вы его? Он ничего на словах не передавал?

— Да нет, я его не видел, — ответил Володя. — Там столько собралось ребятишек вокруг машины, что я никак не решился её оставить. Это не то что у нас: сдал машину Вовке-морячку или тому же Травке с Ваней — и спокоен. А там — кто их знает, какие они. Но услужливые. Записку чуть не все бросились относить. Я хотел, чтобы и Травку вызвали, да ведь вы сами сказали, что не надо... Вот если бы у меня был «Москвич»...

Володя ушёл.

Ждать до завтра было невозможно. Папа и мама посмотрели друг на друга и без слов решили: нужно ехать к дяде сейчас же.

— Едем? — спросила мама.

Папа ответил: «Хорошо», и оба они начали спешно надевать калоши. Мама всё попадала правой ногой в левую калошу и очень сердилась, что калоша не надевается. Папа не смел сказать ни слова.

— Это всё ты! — сердито проговорила мама, нагнулась и надела наконец калоши как следует.

На шоссе троллейбуса очень долго не было.

Недалеко от троллейбусной остановки стоял серый

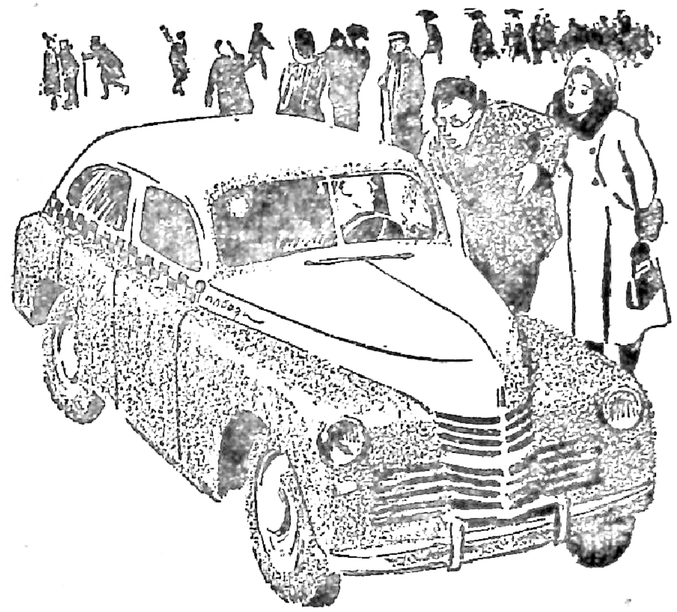
автомобиль, опоясанный полосой из белых и чёрных шашечек. За стеклом, рядом с шофёром, горел небольшой зелёный фонарь.

Папа сказал:

— Хочешь, поедем на такси? Это гораздо скорее и не очень дорого.

Мама кивнула головой. Она любила ездить на такси.

Они подошли к автомобилю.



Шофёр открыл им дверцу. Они уселись, сказали, куда ехать. Шофёр включил счётчик, и сразу потух зелёный фонарь, показывая этим, что автомобиль занят.

Тогда шофёр завёл мотор. Ему не нужно было для этого вылезать и крутить ручку. В его автомобиле был маленький электрический моторчик, так называемый «стартер». Шофёр нажал кнопку стартера. Стартер провернул большой мотор, а дальше большой мотор стал работать сам собой. Шофёр передвинул рукоятку

с круглой белой головкой, нажал педаль. Колёса автомобиля завертелись. Автомобиль проезжал километры, а колёсико в счётчике отщёлкивало цифры.

Когда папа и мама садились на такси, в окошечке счётчика были видны белые цифры и буквы: «00 руб.». А когда подъезжали к дядиному дому, появились новые цифры, и получилось: «12 руб.».

Это счётчик показал, сколько нужно платить за проезд.

УЧЕНИК ТРЕТЬЕГО КЛАССА

Дядя был дома и читал газету. Коля работал в своём живом уголке. Он красил ящик с какими-то всходами. Учёная галка Галина Карковна посматривала на него то одним, то другим белёсым глазом. Ёжик Махрютка проснулся сегодня в первый раз за два месяца и, не обращая ни на кого внимания, похрюкивал и уплетал из блюдечка молоко с белым хлебом.

Раздался звонок.

— Коля, отопри! — сказал дядя.

Коля побежал отпирать, и следом за ним заковыляла галка, помогая себе на ходу одним крылом. Другое у неё было подшиблено.

— Галина Карковна, на место! — крикнул Коля.

Галка послушно заковыляла обратно и принялась таскать куски хлеба из-под носа у ежа. Махрютка удивлённо поднял на неё свою свиную мордочку, ничего не сказал и пошёл, стуча коготками, в своё гнездо, сделанное из газет. Наверно, снова спать.

Коля отпер дверь. В переднюю торопливо вошли Травкины папа и мама. Ещё не раздеваясь, мама спросила:

— Ну, как Травка?

— Сейчас, сейчас! — ответил Коля, будто только и ждал этого вопроса.

Он побежал к себе и через некоторое время торжественно вынес аккуратный, только что выкрашенный ящик, в котором росла густая, высокая, яркозелёная трава.

— Сам растил! — сказал Коля, сияя от удовольствия. — Вы, наверно, хотите подарить её кому-нибудь на рождение? Пожалуйста!

Он был рад услужить, и вообще он был хороший мальчик.

— А Травка? Травка где? — проговорила мама с последней надеждой.

Коля почувствовал, что он что-то напутал.

— Так это вы про братика-матика писали? — испуганно догадался он.

Когда Травка был малюткой, он никак не мог выговорить «мальчик», а говорил «матик». Так Коля и привык звать его — «братик-матик».

— Ну конечно, — объяснил папа. — Ты ведь и сам пишешь: «Травка ест сколько угодно...» Посмотри записку.

— «Травка есть, — прочёл Коля. — Сколько угодно». У меня и правда её сколько угодно. Ещё три та-

ких же ящика осталось. Скоро все они покроются голубыми цветочками.

— Так где же здесь «есть»? Где же здесь точка после твоего «есть»? — с отчаянием в голосе спросил папа, потрясая запиской.

Коля понял всё.

— Это я пропустил мягкий знак! — в ужасе прошептал он. — Не поставил точку... А после точки нужно заглавную букву! Три ошибки! Да за это дело в школе верная двойка!

Тут из комнаты вышел дядя. Папа и мама стояли в передней и не раздевались. Они были очень расстроены. Большие мамины глаза наполнились слезами и от этого казались ещё больше. А слёзы всё прибывали, и первые слезинки дрожали уже на ресницах.

Даже и дядя растерялся.

Он взял записку, понял, в чём дело, и укоризненно сказал своему сыну:

— Хорош, нечего сказать! Не видел, что ли, ты в тётиной записке — «Травка»-то с большой буквы! И это ученик третьего класса! Вы подумайте только: третьего класса!

Потом он обратился к папе и маме:

— Во-первых, успокойтесь. Во-вторых, раздевайтесь. Мы сейчас всё разберём и всё обсудим. Вы сообщили в милицию? Нужно немедленно сообщить.

НА ПАРОВОЗЕ

Паровоз с Травкой шёл в это время к станции Пролетарская.

Машинист Беляков рассказывает:

— Оттого и называется паровоз, что паром возит.

— Это-то я знаю... — говорит Травка.

— Внутри машины котёл. В котле — вода. Вода кипит, из неё получается пар. Пар хочет вырваться, идёт по трубам, попадает к поршням. И вот выталкивает то один поршень, то другой. Как пробку из деревянного пистолета, только гораздо сильнее. Поршни соединены с колёсами и вертят колёса. Вот паровоз и идёт, глупенький!

— Понимаю, — говорит Травка очень решительно. Ему совсем не хочется быть глупеньким. — А электрические паровозы бывают?

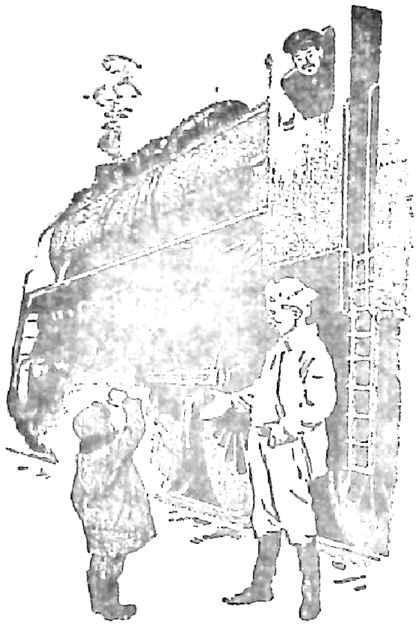
— Да нет! Говорил я тебе: паровоз — он паром работает. А если работает электричеством, это будет электровоз. Бывают электровозы, конечно бывают. Но только там, где линия оборудована. Вот у нас на главной-то линии провода протянуты, электричество пущено. Там ходят электропоезда — «электрички» называются. А эта, Пролетарская, ветка — новая. Недавно построена. Но и по этой ветке скоро пойдут электрические поезда. Планом твёрдо намечено. Как же иначе? Вокруг всей Москвы электрички пойдут. Москве без этого нельзя.

— А электрокар? — спрашивает Травка. — Над ним и проводов-то никаких нет.

— Электрокар — это на вокзалах. По гладкому полу. Он запас электричества возит с собой. Не очень большой ящик, но тяжёлый — страсть! Главные части в нём все как есть свинцовые. Аккумулятор называется. Его электричеством заряжают. А от аккумулятора и моторчик работает. Вот тебе и электрокар! А ты, небось, думал: «кар», «кар» — ворона на хвосте электричество носит? — посмеивается Беляков. — А слово «кар» обозначает маленькую каретку — тележку, попросту говоря.

— Понимаю, — смущённо говорит Травка.

На поворотах Беляков поворачивает рукоятку. Па-



ровоз ревёт, и рёв его отдаётся в зубах. Зубы дребезжат попрежнему. Но Травка уже привык.

Из-под паровозных колёс вырывается пар: пафф-паф-паф! Пафф-паф-паф! На маленьких станциях паровоз ревёт и не останавливается. Телеграфные столбы бегут мимо паровоза, словно кто-то тянет их верёвочками. А верёвочки — это провода. Сзади столбов вертятся белые снежные поля. А совсем далеко стайки домиков несутся с паровозом наперегонки.

Вот перед станцией Пролетарская поднялся семафор. Пожалуйте! Есть для вас свободный путь.

Беляков передвинул рукоятку, повернул колесо на машине, и паровоз плавно остановился.

Травке не хотелось уходить с паровоза: уж очень интересно Беляков про всё рассказывал. Помощник машиниста был тоже хороший, хотя с виду и сердитый. Он дал Травке в дороге стакан тёплого чая из жестяного чайника, маленький кусочек сахару и большущий ломоть ароматного серого хлеба.

Травка положил сахар в рот и запивал чаем. А хлеб съел весь, без остатка. Было гораздо вкуснее, чем дома.

Травке нужно было сходить с паровоза. Помощник машиниста был уже на земле. Он подхватил Травку на руки и поставил на землю.

— Спасибо, — сказал Травка и потом крикнул: — Прощайте, товарищ Беляков!

— Прощай, прощай, мальчуган! Дорогу-то знаешь?

— Знаю!.. Прощайте, товарищ помощник машиниста!

Беляков был высоко на паровозе, и ему Травка сделал пионерский салют. Помощник стоял рядом. Травка протянул ему руку. Помощник снял чёрную кожаную рукавицу, пожал Травкину руку и погладил его по щеке. Рука помощника была жёсткая, как железо, и от неё пахло паровозом.

Но Травке было приятно.

ВОЛК

Травка быстро прошёл мимо деревянного здания станции и направился по дачной дороге.

Здесь всё было не так, как летом. Вместо широкого песочного тротуара вдоль заборов вилась узенькая, протоптанная по снегу тропинка. Дачи были заколочены и совсем не похожи на летние дачи. Летом на террасах висели белые занавески. Летом многих дач совсем не было видно из-за зелени акаций, сирени и жасмина. А теперь всё было голо и пустынно.

Травка отошёл довольно далеко от станции. Ларька нигде не было. Пруда тоже. Туча затемнила солнце. Подул ветер. Стало холоднее.

Травке сделалось неуютно и тоскливо.

Он прислонился к дереву. Посмотрел направо — никого. Посмотрел налево — никого. Он крепился, крепился, да и заплакал.

Вдруг раздался тоненький голосок:

— Как тебе не стыдно, мальчик! Такой большой, а плачешь! Вот стыдно!

Травка протёр глаза и увидел прямо перед собой девочку, тоже не очень маленькую, а среднюю. Не-

известно, откуда подошла девочка. Она тащила за верёвочку игрушечные санки, а в санках сидела кукла.

У Травки сразу высохли слёзы. Он шмыгнул носом и ответил:

— И вовсе я не плачу! А потом, может быть, я волка видел?

— Здесь волков нет, — сказала девочка довольно громко. Потом помолчала и спросила шопотом: — А какой волк, большой?

— Громадный! Больше рояля! — сказал Травка и уже представил себе, как прямо на них ковыляет на трёх ногах волк больше рояля ростом, открывает широченный рот, и зубы у него, как клавиши рояля, чёрные и белые. — Но ты не бойся, я тебя защищу! — проговорил Травка и похлопал себя по карману: в кармане у него был маленький перочинный ножичек с костяной ручкой.

Девочке очень понравилось, что Травка такой бесстрашный. Она решила с ним поближе познакомиться и спросила:

— А что ты тут делаешь?

— Я приехал в гости к знакомым.

— К каким знакомым?

— К Измайловым.

— А Измайловы ушли на лыжах. Да-да! Они ждали гостей, а к ним никто не приехал. Вот они и ушли кататься на лыжах. Ушли на целый день и дачу на замок заперли.

— А где их дача?

— Их дача дальше по дороге.

— А где же пруд?

— Пруд — вот он. Только сейчас он под снегом.

И девочка указала на большую белую полянку, вокруг которой стояли невысокие тёмные сосны. На

их широких ветвях лежали маленькие сугробы снега. Совсем как зайцы с поджатыми ушами.

— Подожди минуточку, — сказал Травка. — Я только сломаю ветку для мамы. Тут снег глубокий?

— Порядочный.

Травка начал пробовать снег. Если в валенки немножко набьётся — не страшно. Травка смело направился к соснам.

Девочка подумала-подумала и пошла за ним, стараясь ставить ноги точно в его следы. Куклу в санях она оставила на тропинке.

Травка выбрал сосновую ветку с хорошим, пушистым зайцем. Но только он ухватился за неё — заяц рассыпался и обдал ему лицо холодной снежной пылью. Но Травка и виду не показал, что ему неприятно. Наоборот, он скинул варежки, схватился за ветку покрепче и начал её ломать. Потом раскрыл ножичек и стал резать ветку, пилить её, рубить. Пальцы у него закоченели, ладошки запачкались липкой сосновой смолой, но ветка не поддавалась.

— Это очень толстая ветка, — сказала девочка. — Давай лучше отломим просто лапочку.

— Да я и сам думаю — лучше лапочку, — согласился Травка. — Куда же я понесу такую громадину!

Он обернулся.

Девочка всплеснула руками:

— Батюшки мои! Да у тебя всё лицо мокрое! И глаза!

— Это вовсе не слёзы, — сказал Травка. — Это снег. И не думай, пожалуйста.

— Я не думаю. Давай-ка я тебя вытру.

Девочка достала чистенький платочек с кружевцами по краям и старательно вытерла Травке лицо. Потом она полюбовалась на свою работу и сказала:

— Хочешь, пойдём к нам в гости?

— Пойдём, — сказал Травка. — Только сначала я отломаю лапочку для мамы.

Он отломил пышный кончик сосновой ветки, и вправду похожий на лапу какого-то большого мохнатого зверя.

СОЛНЕЧКА

Они сложили лапочку, чтобы она не кололась. Травка упрятал её в карман и сказал:

— Тебя как зовут? А то как же я пойду в гости и даже не знаю, к кому!

— Меня зовут Сонечка. А тебя?

Травка не успел ответить. Туча ушла с солнца, и на лицо девочки вдруг упал яркий солнечный луч. Он защекотал ей глаза и нос. Сонечка сощурилась и чихнула так громко, что с веток даже посыпался снег:

— А-а-а-апчхи!

Травка засмеялся и сказал:

— Солнечка, как тебя солнышко чихать заставляет! — А потом засмеялся ещё громче: — Как у меня вышло-то смешно: Солнечка! Ну, я тебя так и буду звать — Солнечка.

— Откуда ты узнал? — удивилась девочка. — Меня папа и мама правда часто так зовут.

— А меня зовут Травкой.

— Папа и мама?

— Нет, все.

Девочка засмеялась:

— Травка!

Травка тоже засмеялся:

— Солнечка!

Дети взялись за руки и пошли к Солнечке в гости. Куклу в санях вёз Травка.

* * *

Через некоторое время Солнечкина мама услышала звонкий голос:

— Мамуся! Мамуся!

Она вышла на крыльцо и увидела такую картину, что ей показалось сначала, что она видит сон: её единственная дочь Сонечка сидела на заборе; недалеко от неё сидел неизвестный мальчик в шапке с ушами и в зимнем пальтишке с меховым воротником.

— Уезжаем! Уезжаем! Обедать не приедем! До свиданья! — крикнула дочь и вдруг двинулась и поплыла вдоль забора, как на лодке, помахивая своей маме на прощанье рукой.

Неизвестный мальчик тоже помахал рукой и дви-

нулся вслед за дочкой. Он раскачивался так, будто грёб вёслами.

Сонечкина мама выбежала за калитку, поняла, что происходит, рассмеялась, тоже замахала рукой и закричала:

— Ужинать обязательно приходите! Товарищ капитан, я вас жду! Обязательно!

Она долго ещё качала головой и смеялась над тем, что не сразу поняла, в чём дело.

А нам с вами и совершенно этого не понять, если мы не узнаем, что произошло немного раньше.

А раньше произошло вот что.

НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

Травка и Солнечка шли и всю дорогу болтали. Было похоже, что чирикают воробьи.

— Твою куклу как зовут?

— Машка-замарашка. Видишь, какие у неё щёки грязные. И нос. Уж я их мыла, мыла — и водой и слюнями, а они всё не отмываются.

— А у нас есть кукла Мальвина. Волосы у неё оранжевые. Глаза с настоящими ресницами. Она их открывает и закрывает. У неё кружевное платье, а в платье верёвочка с фарфоровой горошиной. Дёрнешь — она говорит: «Папа! Мама!»

У Солнечки разгорелись глаза. Она тяжело вздохнула. Травка понял, что ей, наверно, очень хочется иметь такую куклу. Он сказал:

— Но твоя Машка гораздо лучше. Что Мальвина! С ней и играть-то нельзя: она бьющаяся. А потом, разве она разговаривает? Вместо «папа» — «ква-ква»! Как лягушка. А вместо «мама» — «мяяяу»! — Травка мяукнул котёнком.

Солнечка рассмеялась.

— А твоей Маше, хочешь, я выкрашу волосы в любой цвет? Я все цвета знаю. И рожицу ей выкрашу белым, а щёчки розовым. Краски есть? Мы с Ваней хотели сделать, чтобы Мальвина разговаривала как следует. Попробовали... Теперь она совсем молчит. Сколько ни дёргай.

Солнечка опять засмеялась.

— А ты на каком поезде приехал?

— Я не на поезде приехал, а на паровозе. Вот страшно было! Но я ничего не боялся. У меня есть знакомый машинист, Беляков. А потом ещё начальник станции знакомый, Николай Иваныч.

Травка всё это рассказывал очень важно.

Но Солнечка ничему не удивлялась:

— У меня самой папа начальник станции. Я всегда здесь живу и знаю все поезда. Да, да! — вдруг она вскрикнула: — Папа! Папа! — и бросилась куда-то в сторону.

У Травки ёкнуло сердце. Он посмотрел туда, куда побежала Солнечка, но вместо своего папы он увидел двух лыжников в лыжных костюмах, с ремнями, биноклями на груди и полевыми сумками через плечо. Лыжники шли Солнечке навстречу. Она бросилась на шею сначала одному, потом другому и крикнула:

— Травка! Травка! Иди скорее сюда!

Оказывается, это был Солнечкин папа с товарищем. Дети рассказали им, как они встретились, и все Травкины приключения.

Солнечкин папа внимательно посмотрел на Травку и сказал:

— Так ты, значит, и есть тот мальчик, который потерялся? По линии была телеграмма. Родители о тебе беспокоятся.

— Нет, это не я потерялся, — ответил Травка, не-

много обидевшись. — Это папа потерялся. А я — вот он.

И он, чтобы было понятней, ткнул себя пальцем в грудь.

Солнечка постаралась всё объяснить:

— Ну да. Папа потерялся у него, а он — у папы.

Солнечкин папа раздумывал вслух:

— Как же мне с тобой быть? Поезд в Москву пойдёт только в семь часов вечера... Измайловы ушли на Московскую гору, это ясно... А ты, небось, кушать хочешь?

— Пусть он идёт к нам, — решительно сказала Солнечка.

Но Травка начал отказываться:

— Да что ты! Я вовсе не обедать шёл к вам. Я на паровозе почти что пообедал.

Тут вмешался другой лыжник:

— Разговаривать больше не о чем. Идём все на Московскую гору. Разыщем там Измайловых. А оттуда до моей электростанции рукой подать. Пообедаем у меня. Забирайте, лейтенант, свою дочку, а я — этого мужичка.

Солнечкин папа взглянул на Травку и спросил:

— А вам не тяжело будет, капитан?

— Забыли, дорогой, как на фронте ходили: с винтовкой за плечами, с вещевым мешком, с запасом гранат, да ещё бывало и пулемёт на себе. По сорок километров делали, и никто не говорил, что тяжело! А теперь двое ребятишек для нас тяжелы? Да не за них ли мы и воевали?

— Есть, капитан! — сказал Солнечкин папа. — Ну, дочура, прячь свою Машку. Или ты с собой её возьмёшь?

— Пусть тут остаётся, — решила Солнечка. — Только бы не простудилась!

Она потеплее завернула Машку в одеяльце, засыпала её вместе с санками снегом и нарисовала на снегу букву «М».

— А здесь её никто не возьмёт? — забеспокоился Травка.

— Нет, что ты! — убеждённо сказала девочка. — Все же знают, что она у меня живёт. Если нечаянно кто-нибудь её найдёт, сразу отвезёт ко мне домой.

— Ну-с, занимайте места согласно взятым билетам! — весело сказал тот лыжник, которого Солнечкин папа называл капитаном.

Он схватил Травку, поднял его высоко над головой и посадил себе на плечи.

ПОХОД НА МОСКОВСКУЮ ГОРУ

И они вышли в поход. Впереди — Солнечкин папа с дочкой на плечах. А за ним неизвестно чей папа; известно только, что капитан. А на плечах у него — Травка.

По дороге они остановились у забора Солнечкиного дома, чтобы сказать Солнечкиной маме, что они уходят. Вот тогда-то и напугали её. И удивили и рассмешили. И пошли дальше, громко смеясь.

Но вот дачи кончились, и они вышли в чистое поле. Здесь был хорошо накатанный лыжный след. Солнечкин папа, лейтенант, быстро шагал, помогая себе палками. Капитан не отставал от него.

Ехать было весело, легко и совсем не страшно.

Солнечка то и дело оборачивалась, что-то кричала Травке и смеялась тоненьким голоском. Видно, она уже давно привыкла ездить на плечах у лыжников. Но и Травка смеялся тоже, хоть ему и приходилось держаться за наушники капитановой шапки, как Иванушке-дурачку за уши Конька-горбунка.

Вдруг лыжные дорожки разделились: одна пошла правее и скрылась в лесу, а другая шла всё дальше и дальше, в чистое поле. Путешественники остановились в раздумье. Куда идти? Измайловы могли вернуться и по той и по этой лыжне. Было бы досадно разминуться с Измайловыми по дороге.

— Я пойду правой, — предложил капитан. — Здесь и подальше, но через лесок. А я люблю через лесок. Встреча на горе в пятнадцать ноль-ноль.

— А где именно? — спросил Солнечкин папа. — Гора велика.

— У старой трансформаторной будки. Знаете?

— Знаю. Сверим часы.

Лыжники посмотрели на часы, каждый на свои. Травка заметил, что на часах у капитана маленькая стрелка была между цифрами «1» и «2», а большая — около цифры «8».

— Тринадцать сорок две, — сказал капитан.

— Точно, — подтвердил лейтенант. — Итак, до встречи.

— Травка! — крикнула Солнечка. — Ты смотри опять не потеряйся!

— Сама не потеряйся! — ответил Травка.

Он вспомнил, как папа шутил, когда они переезжали в Новые дома. Он вспомнил маму. Где-то она теперь? Ему стало немного грустно. Хорошо, что сейчас они встретят Измайловых, а с ними, наверно, и папу. Он побывает в гостях и привезёт маме хоть не целую ветку, но всё-таки настоящую сосновую лапочку. Лапочка — вот она. Колется даже сквозь варежку...

Капитан с Травкой на плечах шёл теперь через лес, прямо по цельному снегу. Белые клубы снежной пыли вырывались из-под его лыж, словно пар из-под колёс паровоза.

Иногда Травка задевал ветку головой, и их обоих осыпáло холодным пушистым снегом. Но им было жарко, и снег их только веселил.

Деревья стали реже. Впереди открывалось синее небо.

— Вот мы, кажется, и у цели, — сказал капитан. — Слезай, приехали!

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

Травка слез и огляделся. Перед ним расстилалось ослепительное снежное поле. Во все стороны бежали дорожки лыжных следов.

— А где же Московская гора? — спросил Травка.

— А это она и есть. Смотри: видишь, что там делается?

Травка поглядел вдаль и увидел, что поле действительно будто поднимается в гору. А там, на краю, у самого неба, копошились крошечные фигурки людей, ростом чуть побольше муравьёв. Они горохом катились по снежной скатерти поля, карабкались кверху, останавливались, перемешивались, словно играли в какую-то весёлую игру.

— А ну-ка, возьми бинокль, — сказал капитан и

достал из футляра на груди такой бинокль, какого Травка раньше никогда не видел.

Мамин бинокль, с которым она ходила в театр, был гораздо меньше, проще и легче. А этот едва-едва можно было удержать в руках.

Сначала Травка ничего не мог рассмотреть в бинокль. Он видел только какой-то белый круг и больше ничего. Но капитан что-то повертел, приладил, и вдруг в этом кругу появился лыжник в красной фуфайке, в синих штанах и с цифрой «16» на груди.

Лыжник остановился, опёрся на палки, достал из кармана плитку шоколада, отломил кусок и начал жевать. Это было очень занятно: на таком громадном расстоянии видеть, как человек ест. Травке почему-то показалось, что он и раньше встречал этого человека.

Он опустил бинокль и засмеялся:

— Шоколад кушает!

— И правильно делает! — сказал капитан. — У опытного лыжника всегда должен быть в кармане запас шоколада.

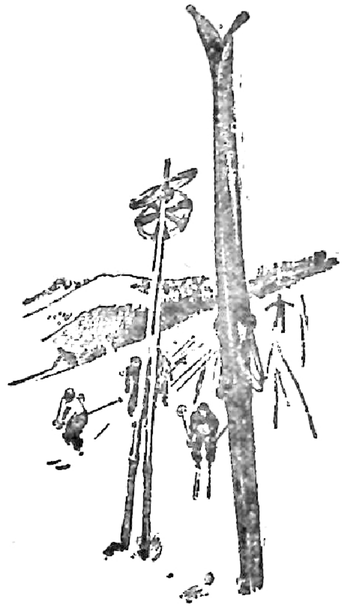
Он достал из сумки плитку шоколада и с треском переломил её, так что обёртка лопнула. Половину — Травке, половину — себе.

Травка поблагодарил, откусил кусочек, остальное сунул в карман и снова принялся смотреть в бинокль.

Лыжники и лыжницы в разноцветных костюмах с номерами и без номеров скатывались с горы, падали, поднимая облака снежной пыли, боролись, бросались снежками. Кое-кто с лыжами на плече поднимался на гору пешком. Другие учились взбираться на гору «ёлочкой», расставляя лыжи, как ножницы, или «ступеньками» — бочком.

Травка начал потихоньку поворачиваться влево и постепенно осматривать весь горизонт. Лыжников ста-

новилось всё меньше и меньше. Потом они совсем перестали попадаться. Появились пустынные снежные лужайки, тёмные кустарники, небольшие лесочки.



Вдруг перед Травкой совсем близко (крикнешь — обязательно обернётся) появился большой мальчик в коричневом свитере. В руках у него были два красных флажка. Он резко взмахивал ими — то одним, то обоими сразу. Флажки так и мелькали.

Травка протянул бинокль капитану:

— Товарищ капитан, посмотрите, что это такое?

— Да я уже смотрю, — сказал капитан. — Давно смотрю и любуюсь. Вот молодец! Как он быстро передаёт!

— Что передаёт? — заинтересовался Травка.

— Разные команды. Вот видишь...

Травка опять взял бинокль и разыскал мальчика. Мальчик ничего не говорил, а только размахивал флажками.

Капитан сказал:

— Вот он передаёт: «Второму... взводу... занять... лесок... слева...»

Травка поднял лицо к капитану:

— Как же он передаёт?

— Вот так флажками и передаёт. Телеграфной азбукой. У телеграфистов своя азбука: из чёрточек и точек. Он махнёт одним флажком — это точка. Двумя флажками сразу — тире, чёрточка. Это пионеры из железнодорожной школы. Они хорошо выучили те-

достал из футляра на груди такой бинокль, какого Травка раньше никогда не видел.

Мамин бинокль, с которым она ходила в театр, был гораздо меньше, проще и легче. А этот едва-едва можно было удержать в руках.

Сначала Травка ничего не мог рассмотреть в бинокль. Он видел только какой-то белый круг и больше ничего. Но капитан что-то повертел, приладил, и вдруг в этом кругу появился лыжник в красной фуфайке, в синих штанах и с цифрой «16» на груди.

Лыжник остановился, опёрся на палки, достал из кармана плитку шоколада, отломил кусок и начал жевать. Это было очень занятно: на таком громадном расстоянии видеть, как человек ест. Травке почему-то показалось, что он и раньше встречал этого человека.

Он опустил бинокль и засмеялся:

— Шоколад кушает!

— И правильно делает! — сказал капитан. — У опытного лыжника всегда должен быть в кармане запас шоколада.

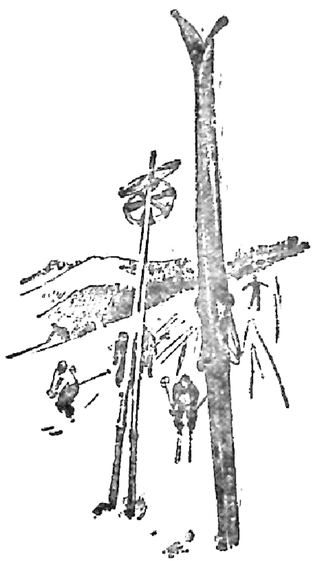
Он достал из сумки плитку шоколада и с треском переломил её, так что обёртка лопнула. Половину — Травке, половину — себе.

Травка поблагодарил, откусил кусочек, остальное сунул в карман и снова принялся смотреть в бинокль.

Лыжники и лыжницы в разноцветных костюмах с номерами и без номеров скатывались с горы, падали, поднимая облака снежной пыли, боролись, бросались снежками. Кое-кто с лыжами на плече поднимался на гору пешком. Другие учились взбираться на гору «ёлочкой», расставляя лыжи, как ножницы, или «ступеньками» — бочком.

Травка начал потихоньку поворачиваться влево и постепенно осматривать весь горизонт. Лыжников ста-

новилось всё меньше и меньше. Потом они совсем перестали попадаться. Появились пустынные снежные лужайки, тёмные кустарники, небольшие лесочки.



Вдруг перед Травкой совсем близко (крикнешь — обязательно обернётся) появился большой мальчик в коричневом свитере. В руках у него были два красных флажка. Он резко взмахивал ими — то одним, то обоими сразу. Флажки так и мелькали.

Травка протянул бинокль капитану:

— Товарищ капитан, посмотрите, что это такое?

— Да я уже смотрю, — сказал капитан. — Давно смотрю и любуюсь. Вот молодец! Как он быстро передаёт!

— Что передаёт? — заинтересовался Травка.

— Разные команды. Вот видишь...

Травка опять взял бинокль и разыскал мальчика. Мальчик ничего не говорил, а только размахивал флажками.

Капитан сказал:

— Вот он передаёт: «Второму... взводу... занять... лесок... слева...»

Травка поднял лицо к капитану:

— Как же он передаёт?

— Вот так флажками и передаёт. Телеграфной азбукой. У телеграфистов своя азбука: из чёрточек и точек. Он махнёт одним флажком — это точка. Двумя флажками сразу — тире, чёрточка. Это пионеры из железнодорожной школы. Они хорошо выучили те-

легрaфную азбуку. Этот парень меня знает. Ишь ты, молодец! Как хорошо работает! У них сейчас лыжный поход. Подойдём к нему поближе. Я с ним поговорю, и вдруг они нам помогут! Как ты думаешь, помогут?

— Ннне знаю... — неуверенно ответил Травка. — Наверно, помогут. Ведь пионеры же... А в чём помогать?

Они подошли к пионеру поближе.

Капитан вынул из кармашка своей полевой сумки пузатый серебряный свисток и свистнул три раза так громко, что пионер невольно обернулся.

РАСПОРЯЖЕНИЯ КАПИТАНА КАЛАШНИКОВА

Вместо флажков капитан взял свой синий клетчатый платок и достал из полевой сумки лист синей чертёжной бумаги. Он взмахнул этими сигналами над головой крест-накрест три раза.

Пионер проделал то же самое своими флажками. Этим оба показали, что готовы к переговорам.

— Ну, теперь посматривай и слушай,— сказал капитан. — И сам скорее учи телеграфную азбуку. Всегда может пригодиться. А пока я буду говорить тебе обыкновенными словами всё, что передаю.

— И что он отвечает, тоже говорите, — попросил Травка.

— Ну конечно, а как же!

Вот я говорю... — Капитан замахал своими сигналами: — «Я капитан Калашников. Слушай мои распоряжения. Будь готов!»

«Всегда готов!» — просигналил пионер.

— А теперь я попрошу, чтобы они нам помогли, — сказал капитан Травке и снова засигналил: — «Необходимо разыскать двоих граждан: мужчину и женщину. Приметы неизвестны. Фамилия — Измайловы. Фамилии они не скрывают. Обнаружить их любой ценой среди всех лыжников».

Пионер подтвердил: «Есть обнаружить Измайловых любой ценой! А потом что с ними делать?»

— «Где у вас штаб?» — просигналил капитан.

Пионер в ответ просигналил что-то такое, что капитан весело расхохотался.

— Что, что такое он сказал? — заинтересовался Травка и даже затеребил капитана за ногу.

— Он сказал... — ответил капитан, — он сказал: «Дураков нет. Это военная тайна».

Травка обиделся за капитана:

— Передайте ему, что ругаться стыдно!

— Наоборот, — улыбнулся капитан. — Смотри, я ему передаю: — «Молодец! Расположение штаба не обнаруживайте. Отведите их к старой трансформаторной будке».

«Есть отвести к старой трансформаторной будке!» — подтвердил пионер.

— «Подожди! — просигналил капитан. — Будут ещё распоряжения».

Он обратился к Травке:

— Послушай, Травка-мужичок: знаешь, что я думаю? А не поехал ли твой папа прямо сюда, на Мо-

сковскую гору? Ведь от электрички сюда всего два километра, электрические поезда ходят часто. А отсюда на лыжах прямо к Измайловым.

— А у него и лыж с собой нет, — сказал Травка. — Разве только мои. Но они ему малы. Он на них будет проваливаться.

— Лыжи он мог достать, — сказал капитан. — Здесь дают напрокат. Нет, совершенно возможно, что он именно здесь. Ну, отсюда-то мы его не выпустим! Какой он у тебя с виду?

— Ну какой... — сказал Травка... — Добрый... Такой дорогой-дорогой...

Травка представил себе папу. Да, он был добрый-добрый и дорогой-дорогой... И ему захотелось, чтобы он поскорее нашёлся.

— Ну, а одет-то он во что?

— Одет обыкновенно. В очках.

— Погоди. Давай по порядку. Что у него: лыжный костюм, пальто?

— Курточка, — вспомнил Травка. — Пушистая, с длинной шерстью. Чёрная. А на голове кожаная шапка, как у вас. С меховыми ушами, а сверху пуговка.

— Вот это уже ближе, — сказал капитан и снова замахал своими синими сигналами: — «Разыщите гражданина в чёрной меховой куртке. На голове кожаная шапка с пуговкой. Понятно?»

«Понятно», — просигналил пионер.

— «На носу очки, с виду добрый. Разыскивает сына, по имени Травка».

«Повторите имя сына».

— «Травка».

«Понятно».

— «Этого гражданина отведите тоже к трансформаторной будке. Скажите, что там его ждёт интересная встреча».

«Понятно»

— «Исполняйте!»

«Есть, товарищ капитан!»

Пионер засигналил в сторону, и сейчас же к нему подбежали несколько мальчиков.

— Теперь пойдёт работа, — сказал капитан. — Уж эти-то, конечно, разыщут нам и Измайловых и твоего папу, будь он хоть за три километра отсюда. А мы с тобой пока пойдём посмотрим Москву. Я знаю одно местечко, откуда её особенно хорошо видно.

ВЕЛИКИЙ ГОРОД МОСКВА

Они пошли по направлению к большому тёмному лесу, который был виден невдалеке. Здесь были сосны такой вышины, что Травка никак не мог посмотреть на верхушки тех сосен, под которыми они шли: он боялся свалиться с плеч капитана. И вдруг между деревьями он увидел самую настоящую высокую гору. Издали её совсем не было видно — её загораживали сосны. А здесь, вблизи, она оказалась выше всякой сосны!

С такой крутизны не скатишься на лыжах! Да и некуда было ехать, если бы кто-нибудь и захотел попробовать: кругом был лес — обязательно ударишься в дерево. Но всё-таки здесь часто бывали люди: кругом было много лыжных следов. По склону горы была проложена деревянная лестница с перилами. На самой верхушке горы стояла скамейка.

Капитан воткнул лыжи в снег, рядом с ними поставил палки кружками кверху, а сам вместе с Травкой поднялся на гору. И, конечно, Травка не сидел тогда у него на плечах. В лестнице было сто восемьдесят ступенек. Капитан сам еле поспевал за Травкой.

Они расположились на скамейке. Капитан дал

Травке бинокль. Травка увидел полоски железных дорог, по которым ползли крошечные поезда с паровозами и без паровозов, наверно электрические. А потом в бинокль стали видны только дома, крыши и фабричные трубы. Дома казались очень маленькими — меньше, чем игрушечные, но их было столько, что они заполняли всё пространство, куда ни поглядишь. Никак нельзя было понять, где же кончается великий город Москва.

Чтоб получше видеть, Травка взобрался на скамейку, вытянулся и даже встал на цыпочки.

Он водил биноклем и вправо и влево.

Иногда ему попадались громадные дома-великаны, больше чем по двадцать этажей в вышину. Казалось, что они сложены, как из кубиков, из одинаковых стройных, светлых домов. Будто много-много таких домов поставили рядышком, а потом начали ставить один на другой, пока не получился дом-великан.

— Кремль видишь? — спросил капитан.

— Нет, не вижу. Только одни сплошные крыши, трубы и ещё дома-великаны.

Капитан взял бинокль, достал из футляра ещё какие-то трубки, привинтил их к биноклю и передал весь тяжёлый аппарат Травке.

И тут Травка увидел древний, словно сказочный, русский город. Его зубчатые стены казались розовыми в солнечном воздухе. Они то спускались по холмам, то снова поднимались, опоясывая дворцы, терема, соборы и площади с правильными рядами деревьев. Сияли на солнце золотые купола, флажки и украшения. Зелёная черепица казалась сделанной из самоцветного камня. Стройные башни устремлялись в небо. На них горели красные звёзды. А посередине блестел бесчисленными окнами громадный белый дворец, и на нём развевалось красное знамя.

Рядом с Кремлём вилась белая ленточка Москвы-реки. Травка повёл биноклем по этой ленточке. Она то пропадала за домами, то появлялась вновь. Вдруг он увидел на крыше какого-то домика корабль с раздутыми парусами.

— Товарищ капитан, смотрите-ка, смотрите! Корабль на доме! Его, наверно, поставили туда на зиму, пока замёрзла река?

Капитан взял бинокль:

— И верно, корабль на доме! Паруса раздуты, хоть и ветра нет. Стоит на месте, хоть и раздуты паруса. На самом-то деле этого не может быть. Правда? Ну-ка, догадайся, мужичок, в чём тут дело?

— Он не настоящий! — догадался Травка.

— Конечно, не настоящий. Это украшение на берегу канала имени Москвы. Слыхал о таком канале, соединяющем реку Волгу с рекой Москвой?

— Слыхал! И даже про него всё знаю. На нём есть водяная лестница. И по нему вода идёт из Волги в Москву, а в Москве по трубам — в каждую квартиру. А где газопровод, по которому в Москву из Саратова идёт горючий газ?

— Да ты, я вижу, и правда много знаешь, — сказал капитан. — Газопровод под землёй. Да сейчас ещё и под снегом. Его не видно. Посмотри-ка теперь мою станцию.

Травка перевёл бинокль и увидел несколько белых домов. Над одним из них высилась труба ростом, пожалуй, не меньше сосны. От другого дома шли мачты с электрическими проводами.

— И вы работаете на этой станции?

— Директор.

— Но ведь вы же капитан? Я думал, вы командуете пароходом или по крайней мере ротой солдат.

— Во время войны командовал целым батальоном

солдат. Был капитаном. Так меня и называют по привычке. А теперь я директор электростанции. Когда-нибудь с папой придёшь ко мне, и я покажу тебе, как вырабатывается электричество. — Капитан взглянул на часы: — Во сколько у нас встреча с Солнечкой, помнишь?

— В пятнадцать ноль-ноль, — ответил Травка. — Нужно отнять двенадцать. Значит, ровно в три часа дня. У старой будки... Вот только у какой будки — не помню.

— У трансформаторной. Там у нас раньше стоял трансформатор. Это аппарат вроде разменной кассы: дашь сто рублей одной бумажкой, а получишь те же сто рублей, но бумажками помельче. Но трансформатор имеет дело не с деньгами, а с электричеством: к нему подходит ток очень высокого напряжения. А из него выходит обычный ток для ламп и электрических плиток.

В ДРЕМУЧЕМ ЛЕСУ

Капитан и Травка всё ещё спускались по лестнице с горы. Вдруг капитан взглянул вниз, остановился, посмотрел на Травку и сказал совершенно спокойным голосом:

— Не волнуйся. Спускайся потихонечку. Не разбей нос.

Сказав это, капитан пустился бежать вниз по лестнице быстрее, чем самый торопливый пассажир по эскалатору метро.

И исчез.

Мальчик замер. Он опять остался один, да ещё в дремучем лесу, на никому не известной горе. Здесь не было ни доброго Николая Ивановича, ни девушки из метро в красной шапке и с лимонными кудрями. И ни-

как не могла повстречаться девочка Солнечка, чтобы выручить его из беды...

Он хотел крикнуть вдогонку капитану, но ведь не мог же он показать, что струсил! И неужели капитан такой нехороший человек, что оставил его одного в лесу, на съедение волкам? Или даже на посмешище зайцам, если волков здесь и правда не водится? Нет, не может быть, чтобы капитан был такой. Неужели для этого он возил Травку на плечах, называл мужичком и обещал показать электростанцию!

Лестница кончилась. Травка очутился на том самом месте, где капитан оставил свои лыжи и рядом с ними палки кружочками кверху.

Ни лыж, ни палок, ни самого капитана на этом месте не было.

Капитан ушёл.

Травке стало очень горестно, и он глубоко вздохнул.

Но тут он вспомнил мамин рассказ о том, как одна лётчица бросилась с самолёта на парашюте и очутилась совсем одна в дремучей тайге. Кругом на сотни километров не было ни одного человека, всё лес да лес. В запасе у неё были только две плитки шоколада. Но она не растерялась. Десять дней и десять ночей

разыскивала она самолёт, на котором летела. Там остались две её подруги. Самолёт должен был опуститься где-то в тайге. В лесу было страшно. Есть было нечего. По ночам к ней подходили медведи... Но она всё-таки выбралась из чащи и разыскала свой самолёт.

Травка подумал, что когда вырастет большой, обязательно будет таким же храбрым, решительным и умелым, как эта лётчица-героиня. А сейчас...

Правда, шоколад в запасе у него тоже был. А поблизости где-то должны быть люди. Ведь до Московской горы и весёлых лыжников было не очень далеко. И снег, наверно, не очень глубокий, если идти по лыжной дорожке. Но куда идти? Какую дорожку выбрать? Их было здесь столько, что просто разбегались глаза.

Вот как будто та дорожка, по которой они пришли сюда вместе с этим самым капитаном. Но пускаться в путь одному было всё-таки страшно.

Травка решил сначала подкрепиться, а потом уже идти. Будь что будет. Не может быть, чтобы не встретил он хорошего человека!

Он достал шоколад, отломил квадратик, а остальное решил спрятать. Мало ли что, может быть придётся в лесу и заночевать.

Вдруг ему послышалось, что его кто-то окликнул:

— Травка!

Он обернулся. Из кустов шарахнулась белка и промчалась вверх по сосне так быстро, что Травка успел только вздрогнуть. Она уселась на суку, подняла кверху пушистый хвост и сказала тоненьким голоском:

— Травка, дай кусочек!

Да нет, это не она сказала. Белки не умеют разговаривать. И потом, она сидела высоко, а это ему по-

слышалось из того самого куста, откуда она только что выпрыгнула.

Травка посмотрел на этот куст. Ему показалось, что в нём кто-то шевелится.

Вдруг сзади, уже из другого куста, послышался грубый волчий голос:

— Травка, дай кусочек!

Тут Травка совершенно растерялся. Неужели это капитан его пугает! Но почему же тогда два голоса? Он собрал всю свою храбрость и спросил:

— А ты кто?

— Я волк! — ответил грубый голос.

— Глупости! — сказал Травка как можно храбрее. — Во-первых, здесь волков нет, а во-вторых, волки не разговаривают. Может, ты хочешь шоколада? На! Думаешь, мне жалко, что ли?

— А ты кто? — спросил волк или человек волчьим голосом.

— Ну кто! Обыкновенный мальчик.

— А зовут?

— Зовут? Травкой!

— Больше вопросов не имею, — пробурчал волк.

Вдруг раздался третий голос, на этот раз прямо из леса:

— Травка! Мужичок!

Это был капитан. Он подошёл запыхавшись, как после быстрого бега.

— Вот беда, мужичок! Кто-то увёл у нас лыжи. Вот разбойники! Попробовал я их догнать, но никого и нигде не видно. А жаль... И лыжи-то были хорошие, а главное — опоздаем. Сбор у старой будки в пятнадцать ноль-ноль. Прямо не знаю, что делать...

— Я знаю, что делать! — сказал Травка. — Пойдёмте отсюда пешком. Но только поскорее! А то тут в лесу как-то неинтересно.

Он крепко схватил капитана за руку, и они зашагали по глубокому снегу.

— А ну, бодрее! — сказал капитан. — Подпевай! — И он первый запел:

Эх, дороги!
Снег да туман...
Холода, тревоги
Да степной бурьян...

ТРАВКИН ПАПА ПОПАДАЕТ В ПЛЕН

Травка не знал этой песни. Но всё равно ему не пришлось подпевать.

Только он хотел попробовать, как вдруг по лесу раздался переливчатый свист. Казалось, что несколько мальчишек разом засвистели, заложив в рот пальцы. Так свистеть могут только особенно умелые мальчики.

Свист прекратился так же неожиданно, как начался. Из-за деревьев выскочили несколько человек.

Поверх лыжных костюмов на них были надеты белые рубашки, простыни и даже девочкины платья. Вид у них был самый странный. Но Травка заметил у некоторых красные галстуки и понял, что это пионеры. И это они играют в зимних разведчиков.

Они кричали:

— Стой! Сдавайтесь! Руки вверх! Бросайте оружие!

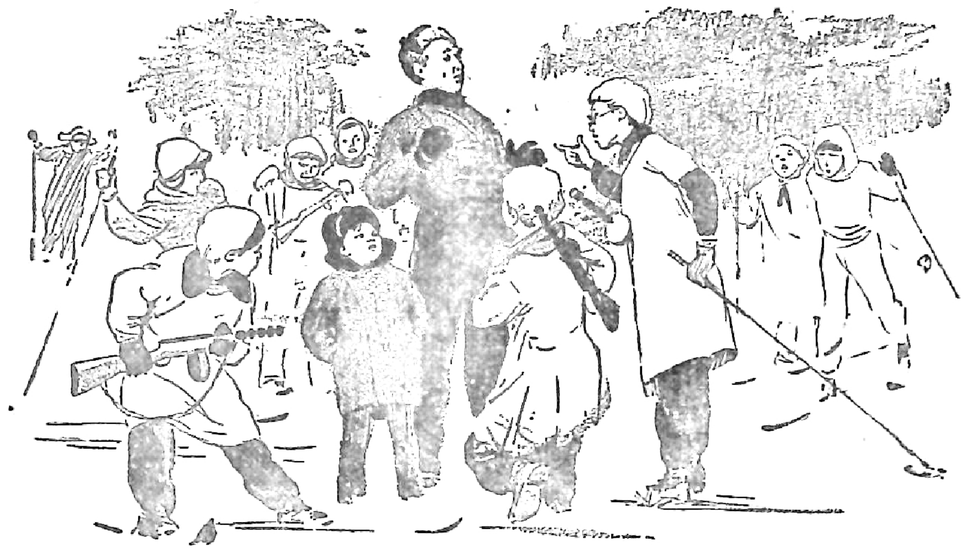
Травка оглянулся. Сзади тоже показались ребята. Сопротивляться было бесполезно.

Но Травка не стал поднимать руки вверх. Наоборот, он засунул руки в карманы поглубже. Если нужно, пусть мальчишки и вытаскивают их у него из карманов.

Он взглянул на капитана. Тот тоже и не думал поднимать руки, а вступил с нападающими в переговоры:

— Оружия у нас нет. А вот вы скажите: по какому такому праву вы нападаете на мирных путешественников?

Тут выступил один из ребят, видимо предводитель остальных. Он был в длинной белой рубахе поверх



пальто. Шапка у него была обмотана тоже чем-то белым, а на груди висел новенький деревянный автомат на верёвочке. Он сказал простуженным голосом:

— Мы действуем по приказу нашего штаба и по распоряжению капитана Калашникова. Мы шли в лыжный поход, но вдруг получили задание, и у нас вышло вроде военной игры. Приказано взять в плен гражданина, разыскивающего мальчика Травку.

— Ну, тогда другое дело, — сказал капитан. — Но ведь я-то никого не разыскиваю!

— А это кто? — прохрипел предводитель и указал пальцем на Травку. — Это Травка и есть! Он мне сам сказал!

Капитан попробовал защищаться:

— Но ведь я его не разыскиваю...

— Нашли, потому и не разыскиваете.

— Это правильно, — начал сдаваться капитан. — Но ведь тот гражданин должен быть в чёрной меховой куртке...

Кто-то насмешливо перебил капитана:

— А ему жарко в такую погоду кататься в меховой куртке. Он её скинул!

— Правильно, правильно, — сокрушённо сказал капитан. — Но только гражданин-то должен быть в очках!

— А вы посмотрите у себя в кармане. Может, очки и найдутся! — послышался тот же насмешливый голос. — Или вам без очков не видно в собственном кармане?

Травка воинственно взглянул на насмешника. Как он смеет смеяться над теми, кто носит очки!

Это был высокий, тощий, длинношеий малый, к тому же и сам в очках.

— А ты жираф! — крикнул Травка.

— Нет, я Серёжа, — спокойно ответил мальчик, ничуть не обидевшись.

Тут капитан похлопал себя по карманам, и... о, ужас!—в кармане и правда нащупал футляр с очками, которые он надевал во время чтения. А шапка с пуговкой и меховыми наушниками выдавала капитана с головой. Делать было нечего — приходилось сдаваться.

Предводитель откашлялся, чтобы не хрипеть, но сказал всё-таки хриплым голосом:

— И ещё есть примета: добрый! А вы разве не добрый? Вас берут в плен, а вы улыбаетесь!

Капитан согнал с лица улыбку и сказал грозно:

— А вот такого распоряжения, чтобы уводить у меня лыжи, капитан Калашников не давал! Это я наверное знаю.

— Лыжи мы вам отдадим, — прошептал предводитель, — если вы дадите слово, что не убежите от нас.

— Даю слово, — сказал капитан.

Травка знал, что если человек даёт слово, то обязательно должен его выполнить.

Он подтвердил:

— У меня папа если даже просто скажет «хорошо», и то обязательно сделает.

И тут пионеры решили, что они в точности выполнили приказание штаба: взяли в плен того самого гражданина, который разыскивал своего сына Травку. А если он уже нашёл сына, то это ещё и лучше.

Пионеры принесли капитановы лыжи и предложили по очереди нести Травку на плечах. Но этого капитан не мог им доверить. Он дорожил Травкой так, словно тот и правда был его сыном.

И пленные отправились к старой трансформаторной будке, окружённые охраной из десятка рослых мальчиков на лыжах.

Но, конечно, Травка на плечах капитана был выше каждого из них и поглядывал на них свысока.

Капитан сказал:

— А ну, ребята, подхватывайте песню! Только ты, старшой, помолчи, а то окончательно сорвёшь голос.

Все запели.

И Травка старался подпевать:

Эх, дороги!
Снег да туман...
Холода, тревоги
Да степной бурьян...

Снег ли, ветер —
Вспомним, друзья:
Нам дороги эти
Позабыть нельзя.

Край сосновый...
Солнце встаёт...
У крыльца родного
Мать сыночка ждёт...

КОМАНДИР ЧЕТВЁРТОГО ВЗВОДА

Вдали показалась трансформаторная будка.

Издали будка была похожа на избушку на курьих ножках или, лучше сказать, на свайную постройку вроде тех, которые Травка видел когда-то на картинке: на четырёх высоких столбах был поставлен не то большой ящик, не то маленький домик с остроконечной крышей. В домик вела узенькая лестница.

— А почему она на столбах? — спросил Травка у капитана.

— Ясно почему, — ответил капитан. — Разве ты сам не догадываешься? К трансформатору подходит ток высокого напряжения. И чтобы кто-нибудь не вздумал трогать трансформатор, мы и поставили его повыше.

— А зачем же тогда лесенка? — удивился Травка. — Лазить-то ещё интереснее! Всякий полезет посмотреть, в чём дело!

— А это уж они сами приставили.

— Кто «они»?

— А вот сейчас увидишь.

Капитан подозвал всех мальчиков, взявших в плен его с Травкой, и сказал:

— Ну, друзья мои, пропало ваше дело! Сдавайтесь.

— Почему это? — заносчиво спросил тот самый длинный мальчик в очках.

— А вот почему, — ответил капитан: — вам дан приказ ни в коем случае не обнаруживать расположение штаба. А ваш штаб — вот он!

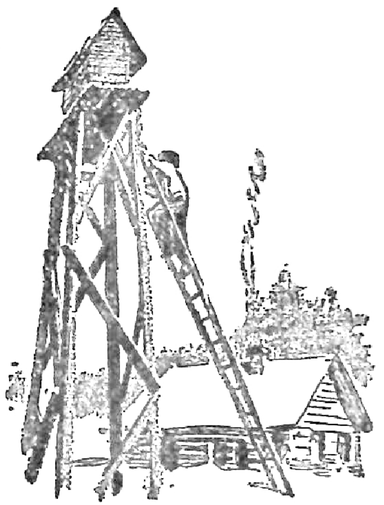
Он указал на трансформаторную будку и стоящий рядом с ней домик. Над домиком торчала железная труба. Из неё шёл дым.

— Там на столбах у вас наблюдательный пункт, и там же стоит пулемёт. Пулемёт сломанный, не стреляет. Телефона нет. Рядом в сторожке помещается сам штаб, и вы туда бегаете греться. И ещё: на двери вывеска «Штаб», а ниже — «Без доклада не входить», «Посторонним вход воспрещается» или ещё что-нибудь грозное, но неразумное.

— Вот угадывает!.. — произнёс мальчик в очках, восторженно глядя на капитана.

— А что, неправда?

— Правда, — прошептал предводитель. — Только вы, пожалуйста, не говорите, будто мы вам всё рассказали... Ведь вы сами всё увидели. Или раньше знали... Эх, не догадались мы завязать вам глаза!



— Да,— сказал капитан.— Завязать глаза было бы предусмотрительнее. Но я маг и волшебник и вижу всё насквозь. Я могу наперёд сказать, что сейчас произойдёт у вас в штабе: сейчас по лесенке спустится наблюдатель и помчится к штабу.

И действительно, из трансформаторной будки по лесенке скатился, словно обезьянка, какой-то мальчик и побежал к сторожке.

Все прямо поразились. А длинный мальчик встал капитану поперёк дороги и начал просить:

— Скажите, как вы это узнали? — И он уже не насмешничал, а очень даже жалостно просил.

Но капитан не обращал внимания на его просьбы и продолжал угадывать:

— Вот сейчас выбежит из штаба ваш начальник.

Так оно и вышло: как только капитан это сказал, из домика выбежал пионер в длинном пальто, с сигнальными флажками в руках.

— Ну, Травка, — сказал капитан, — докладывай ему, как было дело.

— А ведь я не умею, — прошептал Травка, наклонившись к самому уху капитана. — Я ведь запомнил только «А» — точка и чёрточка и «М» — две чёрточки.

— Я буду тебе подсказывать. Давай вызов: взмахни руками над головой три раза крест-накрест.

Травка так и сделал. Пионер у штаба тотчас повторил эти движения.

— «Вызов принят», — догадался Травка.

— Отлично, — сказал капитан. — А теперь давай текст. «В» — точка два тире...

Травка просигнализировал.

— «Е» — одна точка...

Травка поднял руку один раз.

— Нет, так будет слишком долго, — сказал капитан. — Слезай-ка лучше. А ребята пусть отгадывают, что я хочу сказать. — Он обратился к насмешнику в очках: — Ну-ка, любитель отгадывать про меховую куртку и очки, что я буду говорить дальше? «Ве...»?

Мальчик замялся. Он не знал, что ответить.

— Ну-ка, Серёжа, ну-ка! — начал подзадоривать его Травка. — Давай, Жирафчик!

Травка и сам не знал, что будет дальше, и ему очень хотелось узнать.

— Ведро? — спросил мальчик.

— Почему же «ведро»? — удивился капитан.

— Ведьма! — крикнул кто-то.

— Нет, и не ведьма...

Тут все наперебой начали угадывать таинственное слово:

— Весточка!

— Ветер!

— Весело сияет месяц над селом!..

— Вечер был, сверкали звёзды!..

— Весло!

— Венгерка!

— Ветчина!

Кто-то крикнул: «Ватрушка!» Но это было уже совсем не на «Ве...»

Наконец Серёжа догадался:

— Век живи — век учись!

— Вот это правильно! — сказал капитан. — Но только я передаю не это, а вот что... — Капитан начал подавать сигналы.

— «В»! — крикнули все мальчики хором, когда капитан просигналил первую букву.

— «Е»!

— Это я повторяю, — объяснил капитан. — А вот дальше... — Капитан просигналил букву.

— «Д»! — крикнули мальчики.

— «У»!

— «Веду»! — крикнул насмешник чуть не со слезами в голосе. — И как это я раньше не догадался — «веду»!

Капитан продолжал: Д,В,Е,Н,А,Д...

— «Двенадцать»! — крикнули мальчики. А потом они заговорили уже потише: — «Пленных»... «Веду двенадцать пленных»... «Прикажите»... «мне»... «командовать»... «ими»...

Пионер у штаба начал сигналить: «Командир четвёртого взвода!»

Предводитель рывком двинулся вперёд и пошёл было к штабу.

«Стой!» — просигналил пионер.

Предводитель остановился.

Пионер снова замахал флажками: «Передать командование четвёртым взводом капитану Калашникову».

— Вот так так! — вскрикнул предводитель, скинул лыжи и круто повернулся.

Тут все загалдели и окружили капитана:

— Как вам не стыдно, товарищ капитан! Зачем же вы нас обманывали! Мы бы за это время нашли настоящего Травкиного папу!

Особенно горячился Серёжа:

— Я сразу догадался, что это сам капитан Калашников и есть! А то почему бы он знал, какое распоряжение капитан Калашников давал, а какое не давал?

— Уж ты знал, знал! — перебил его предводитель. — Я вот видел, что он всё время улыбается, значит шутит.

— Погодите, друзья, не спорьте! — примирительно сказал капитан. — Я вас не обманывал, вы сами себя обманули. Мы с вами не ссорились, и я вас в обиду не дам. Уж если вы нас с Травкой выследили, то настоящего Травкиного папу вы, наверно, разыскали бы, если б только он был где-нибудь поблизости. Значит, его на Московских горах нет. А теперь командовать буду я. Назначаю своим первым помощником вашего предводителя, а адъютантом — Травку.

А дальше капитан заговорил уже по-командирски:

— Четвёртый взвод, слушай мою команду! Первый помощник, вперёд! Все за ним по одной лыжне — марш!

Взвод лыжников вытянулся в длинную цепочку. Сзади всех шёл новый командир четвёртого взвода с новым адъютантом на плечах.

Когда подошли к штабу, капитан приказал перестроиться всем в ряд. Пионеры перестроились.

— А ну-ка, Травка, посмотри, — сказал капитан: — успели мы в срок? — И он показал Травке часы на руке.

Маленькая стрелка стояла на цифре «3», большая указывала на цифру «12».

— Успели! — радостно сказал Травка.

— Точно, — подтвердил капитан. — Пятнадцать ноль-ноль. А лейтенанта с Солнечкой нет!

Тот пионер, который разговаривал флажками, появился перед взводом. Оказывается, он был не простой пионер, а вожатый. Галстук у него был завязан поверх пальто, а на груди рядом с пионерским значком — костёриком — виднелся ещё и комсомольский значок — маленькое знамя с буквами «ВЛКСМ».

Травка вышел вперёд, поднял руку в пионерском салюте и приготовился сказать так, как его выучил капитан: «Прибыл четвёртый взвод. Приказ выполнен. Пленные взяты. Потерь нет».

Но только Травка начал, вожатый перебил его:

— Отставить! Руку опустить! Разве ты пионер?

— Нет, — сказал Травка. — Я не пионер. Я адъютант.

— А адъютант тем более должен знать, — строго сказал вожатый, — что если человек ещё не принят в пионеры, то он не имеет права салютовать по-пионерски.

Тут Травке сделалось до того обидно, что у него даже, кажется, помокрели глаза. И это перед всем взводом!

Он обернулся к капитану, но тот уже шёл заступаться за него.

Капитан сказал серьёзно, военным голосом:

— Адъютант в точности исполняет мой приказ, и в этом случае он совершенно не виноват.

— Хорошо, рапортуй, коли такое дело, — сказал Травке вожатый уже не так строго, как раньше.

Травка без запинки проговорил весь рапорт, закончил словами: «Рапорт сдан» — и отдал пионерский салют.

Он с гордостью оглянулся на пионеров, стоявших сзади. А вожатый сам подошёл к капитану с рапортом. Капитан принял рапорт, отсалютовал и пожал вожатому руку.

И вдруг вожатый подошёл к Травке и пожал ему руку тоже!

Тут уж Травка засиял.

ИЗМАЙЛОВЫ ВЫСЛЕЖЕНЫ! ИЗМАЙЛОВЫ ПОЙМАНЫ!

В это время подошли ещё два пионера на лыжах. Они ещё не успели перевести дух, как один начал:

— Рапортует разведка второго взвода! Старший разведчик — Андрюша, то-есть я. Измайловы найдены! Он в красной лыжной фуфайке и синих штанах, на груди номер шестнадцать. Она тоже в красной фуфайке, на голове шапка белая с красным, номер двести двадцать четыре. Рапорт сдан!

— Так я же его видел в бинокль! — вскричал Травка. — Ну конечно, это и был дядя Лёва Измайлов! Он опытный лыжник. Это он ел шоколад! И как это я его сразу не узнал! Вижу, кто-то знакомый, а кто — не догадался. Только теперь догадался.

Капитан Калашников спросил у Андрюши:

— А вы им передали, что их ждут здесь, у трансформаторной будки?

— Нет, мы не передавали, что их ждут, — ответил Андрюша. — Этого нам никто не велел. Мы им сказали, чтобы они шли скорее сюда, к будке, а они не пошли. Говорят, им некогда.

— А вы сказали, что это распоряжение капитана Калашникова? — нетерпеливо сказал вожатый.

— Всё говорили. И про то, что у нас военная игра, и всё.

— Ну, а они?

— Они сказали, что сегодня им некогда участвовать в военной игре, а в следующий раз они обязательно. И чтобы мы предупредили.

— А потом?

— А потом они сдали лыжи, надели пальто и уехали в Москву. Мы, уже когда подходила электричка, просили их вернуться. А они — ни за что.

Вдруг с поля донеслись неистовые крики:

— Выследили! Отыскали! Поймали! Захватили! Ведём!

Это кричали два лыжника. Они бежали по полю наперегонки, изо всех сил помогая себе палками.

— Кого поймали? — прокричал им вожатый.

— Измайловых! — послышалось в ответ.

Андрюша удивился:

— Что же, они с поезда их стащили, что ли?

Лыжники подбежали к вожатому оба сразу, и сразу оба начали рапортовать:

— Рапортует разведка третьего взвода!

— Измайловы пойманы!

— Живьём!
— Взяты в плен!
— Доставляются в штаб!
Вожатый их остановил:
— Да говорите вы кто-нибудь один!
— Тогда ты говори, — сказал один из лыжников другому. — Ты первый их увидел, ты и говори.
— Да какие они хоть с виду-то? — спросил Андрюша, который ещё раньше выследил Измайловых.
— С виду такие: мужчина лет тридцати, с ним девочка лет семи, не больше.
Все так и грохнули хохотом.
Разведчик настаивал на своём:
— Ну что вы хохочете?! Нам ведь не сказали, чтобы мы непременно притащили старуху или хотя бы средних лет! А у этих мы спрашиваем: «Вы Измайловы?» Они говорят: «Нет». А сами заинтересовались: «Зачем они вам?» Мы говорим, что Измайловым нужно идти к старой трансформаторной будке. А девочка как закричит, как захлопает в ладоши: «Мы Измайловы! Папочка, не скрывай! Мы Измайловы!» Тогда и он тоже признался, что они Измайловы. Но она первая не выдержала.
Вожатый возмутился:
— Да ведь вам было ясно сказано, что они фамилии своей не скрывают!
— Они и не скрывали. То-есть скрывали, но недолго, — сказал разведчик, но почему-то уже не так радостно, как раньше.
— А потом что?
— А потом мы им завязали глаза, чтобы они не видели штаба. Он начал было сопротивляться, а тогда девочка как закричит: «Пусть завязывают, это даже интереснее!» Да вон их ведут!

Все обернулись.
Из-за штабного домика показалось шествие. Впереди шагал пионер и тащил за верёвку пару лыж с укреплённым поперёк них поленом. Получилось вроде санок. На этих санках сидела Солнечка с завязанными глазами. Она закидывала голову назад и старательно

морщила нос. Было ясно, что она подглядывает. Сзади неё шёл Солнечкин папа, тоже с завязанными глазами. По бокам его шли двое лыжников.
Капитан Калашников взглянул на часы и крикнул:
— Опаздываете, лейтенант! На моих сейчас пятнадцать двадцать четыре!

ПАПА И МАМА

Папа и мама Травки не знали, что он жив, здоров и даже весел. Мама сидела бледная и с заплаканными глазами. Она ничего не говорила.
Вот уже столько лет подряд она видела своего мальчика каждый день, а думала о нём каждую ми-

нуту. Даже когда она была не дома, а на работе, училась или ехала куда-нибудь по делу, она всё равно хоть немножечко, да думала о нём.

Вдруг совсем неожиданно возьмёт и улыбнётся. Все спрашивают: почему? Она сначала и сама не знает. А потом вспомнит: это ей представилось, как она купала Травку, а он в это время сказал что-то смешное.

И она всегда знала, где Травка, чем занимается, покушал ли во-время, умылся ли когда следует, не разбросал ли как попало свои игрушки, книги и рабочие инструменты.

А сегодня его целый день не было дома, и она ничего не знала о нём. Ах, если бы он просто был в детском саду! Как бы она была спокойна!

Папа звонил по телефону в милицию. В милиции ответили, что нужно было заявить о пропаже мальчика ещё на вокзале, но они поищут.

Потом папа звонил по телефону ко всем знакомым. Знакомые узнавали, что Травка пропал, и начинали беспокоиться вместе с папой и мамой...

В детском саду в этот день не было занятий. Но Вовка-морячок и Ваня уже давно сговорились с Травкой выйти вечерком на двор и посмотреть, как известный стахановец Володя выведет свой знаменитый мотоцикл на вечернюю прокатку. Они-то уж знали, что в воскресенье да в хорошую погоду прокатка обязательно состоится. И Володя обязательно позволит им постоять рядом и осмотреть машину до самого последнего винтика. Он всё объяснит, а может быть, даже и покатает.

Они видели Травкиного папу, когда он проходил по двору, и думали, что Травка тоже уже вернулся с прогулки. Но его на дворе всё не было.

Тогда они решили сходить за ним сами.

Они пошли в корпус «Б», поднялись пешочком на шестой этаж, потому что на лифте никто не ехал и некого было попросить, чтобы их взяли с собой. Но перед дверью квартиры № 68 они остановились в нерешительности: всё-таки их никто не звал.

— Звони! — сказал Вовка.

— Нет, ты звони, — сказал Ваня.

— Почему я?

— А ты повыше!

— Это не считается, — сказал Вовка. — Ты можешь стать на цыпочки.

Но Ваня так и не решился позвонить.

— Знаешь что, Вовка, — сказал он: — Травка, наверно, смотрел, как устроен звонок, и теперь звонок всё равно не работает. Давай лучше постучим.

Они постучали разом. Каждый из них старался стучать как можно тише. Но дверь открылась сейчас же. Словно кто-то ждал их с нетерпением.

Вышел Травкин папа. Он сначала постоял немного и посмотрел на них как-то странно, будто даже испуганно.

Потом он наклонился к ним, обнял их обоих за плечи и повёл с собой, ещё на ходу говоря:

— Ну, рассказывайте, детки, скорей рассказывайте! Вы видели Травку?

— Видели, — солидно сказал Вова. — Мы каждый день его видим.

— А сегодня, сегодня видели?

— И сегодня видели, — сказал Ваня.

Папа затормошил их:

— Где? Когда?

— Я сегодня не видел, — сказал Вова.

А Ваня сказал:

— Я сегодня видел, как вы с Травкой и с Травкиной мамой шли к троллейбусу. Вы ещё Травкины лыжи несли.

— А потом? Потом?

— А потом — мы сейчас пришли за ним.

Мама не выдержала и вышла в переднюю. Ей очень хотелось узнать, кто там разговаривает.

— Мы за Травкой, — сказали оба мальчика.

— Травки нет дома, — ласково сказала мама, — но он должен скоро прийти. А вы заходите, мальчики, заходите. Раздевайтесь, поиграйте, попьём чайку. Какое у меня варенье есть! Травкино любимое... Раздевайтесь, раздевайтесь, он сейчас...

Вдруг раздался резкий телефонный звонок. Папа и мама подбежали к телефону и оба разом схватили трубку. Но папа ласково высвободил её из маминых рук, послушал немного, а потом сказал маме:

— Это говорят из милиции. Они говорят, что звонили во все свои детские комнаты, куда приводят заблудившихся детей.

— Ну, и что?.. Что им ответили?

— Его нигде нет.

— А вы знаете, мальчики... — сказала мама Вове и Ване, — а ведь Травка у нас... пропал...

Она как-то сразу села на стул и вдруг заплакала так громко и так жалостно, что у толстоватого Вовы и у беленького голубоглазого Ванечки стало горько в носу и глаза стали наполняться слезами.

Они оба разом повернулись и бросились бежать. Папа выбежал вслед за ними на лестницу и стал звать их обратно:

— Ваня! Вовочка!

Но мальчики всё бежали и бежали с этажа на

этаж, пока не выбежали во двор. Тут они немного постояли и опять бросились бежать.

— Куда это вы, затейники? — спросила тётя Машенька и схватила их обоих в охапку.

Тётя Машенька была руководительницей детского сада. Она как раз шла навстречу.

Мальчики рассказали ей всё, что видели и слышали. И тогда она сейчас же пошла в корпус «Б», чтобы утешить Травкину маму и чем-нибудь ей помочь.

А папа в это время поил маму водой и давал ей капли от слёз. В одной руке у него был стакан, а в другой — бутылочка с лекарством.

Вдруг сразу зазвонили телефон и звонок у входной двери. Вся квартира наполнилась звонками. Папа метался от одного звонка к другому, но руки у него были заняты, и он не мог отпереть дверь и взять телефонную трубку тоже не мог. А мама была без сил.

Наконец он догадался поставить всё на стол и отпер дверь. Вошла тётя Машенька. Папа с ней даже не поздоровался, а бросился к телефону. Он услышал грозный голос:

— Почему это у вас телефон то занят, пищит покомариному — «пи... пи... пи... пи...», то жужжит пошмелиному — «буууу... бууууууу... бууууууу...» — значит, свободен, а вы не отвечаете? Непорядок!

— Да я... — попробовал объяснить папа, но грозный голос перебил его:

— Почему это вы не прибыли на станцию Пролетарская вместе с сыном Травкой и его мамой, лучшей певицей и поэтессой поликлиники номер сорок?

— Да она...

— Или вы поддались уговорам пионеров и вступили в военную игру? Кошмар!

— Да мы...

— За это всё вы приговариваетесь к приезду в

следующее воскресенье на станцию Пролетарская, где и будете спущены с Московской горы задом наперёд и с завязанными глазами!

Папа слушал и ничего не понимал. Это говорил дядя Лёва Измайлов. Он шутил. Но папе было не до шуток. Он проговорил упавшим голосом:

— У нас сын пропал...

— Что? Что такое? Травка? — заволновался Измайлов. — Мы сейчас же, сейчас же приедем к вам! Всё выясним и всё наладим. Такой сообразительный человечек — и вдруг пропадёт? Да никогда в жизни!

В ГОСТЯХ У КАПИТАНА

Когда выяснилось, что на Московских горах нет Травкиного папы, а Измайловы уехали, капитан и Солнечкин папа решили отправить в Москву телеграмму, чтобы Травкины родители не беспокоились.

Но, во-первых, Травкин папа, может быть, ещё и не вернулся домой. Тогда мама получит телеграмму, удивится, разволнуется, расстроится — и всё зря.

А во-вторых, на маленькой железнодорожной остановке возле электростанции капитана телеграфа не было, до ближайшего телеграфа нужно было идти на лыжах целый час, не меньше. В Москву Травку решили отправить электричкой. Не тащить же его через поле и лес обратно на Пролетарскую. Ему и самому будет интереснее: из Москвы он уехал на паровозе, а в Москву приедет на электропоезде.

Ближайший электропоезд шёл в семь. Пока телеграмма дойдёт, Травка и сам будет уже дома.

Обсудив всё так подробно, они и решили пока идти к капитану обедать. Времени у них было достаточно.

Капитан жил один в маленькой квартирке при самой электростанции.

У него была такая электрическая плита, что на неё можно было ставить сразу сколько угодно сковородок, чайников и кастрюль. Лишь бы хватило места.

На сковородке жарилась яичница с сосисками, в кастрюльке варилось какао на молоке, а в другой кастрюльке — картошка. А сам капитан чистил в это время леща величиной по крайней мере с поросёнка. Супа не было. Но, сказать по секрету, Травка и Солнечка не очень любили суп.

Травка спросил потихонечку:

— Ты что больше всего любишь?

— Мороженое, — прошептала Солнечка.

— Я тоже...

Капитан не мог слышать их разговора. Но не зря говорил он пионерам, что он маг и волшебник и видит всё насквозь.

Он подмигнул Солнечкиному папе:

— Займитесь-ка, лейтенант.

Солнечкин папа вскрыл банку сгущённого молока, разбавил его обыкновенным, накрошил туда засахаренных фруктов и вылил всё это в небольшое серебряное ведёрко с электрическим шнуром. Потом он отворил белую дверцу рядом с плитой. Это была дверь небольшого шкафа, вделанного в стену. Он поставил ведёрко в шкаф, а вилку, которой кончался шнур, воткнул в штепсельное гнёздышко на стене шкафа. В ведёрке зажужжала электрическая мешалка. Тогда он плотно затворил дверь шкафа и повернул большой чёрный выключатель рядом с дверью.

К концу обеда Солнечкин папа достал из шкафа ведерко и торжественно поставил его на стол. Оно мгновенно покрылось таким пушистым инеем, какой бывает ранним утром зимой на деревьях.

А внутри ведёрка получилось самое настоящее мороженое. Только ещё вкуснее, чем обыкновенное.

Оказывается, это был холодильный шкаф. В нём электричество вырабатывало... мороз!

ТРАВКА ЕДЕТ В МОСКВУ

Настала пора расставаться.

Травка сказал на прощанье:

— Солнечка, ты приезжай к нам в гости. Я тебе покажу нашу общую железную дорогу, трёхтрубный крейсер, лифт и куклу Мальвину.

— Хорошо, Травочка, приеду.

— Я напишу тебе письмо. Я теперь адрес запомнил на всю жизнь: станция Пролетарская, начальнику станции, для Солнечки. А мой адрес: Петровский парк, Новые дома, корпус «Б», шестой этаж, квартира шестьдесят восемь.

Солнечка почему-то вздохнула:

— Да... Кукла Мальвина должна быть с голубыми волосами. Помнишь — в сказке «Золотой ключик»? А у вас с оранжевыми...

— А мы к твоему приезду её перекрасим, — сказал Травка. — Я теперь знаю: волосы нужно красить клеевой краской. А то мы пробовали акварельной — ничего не выходит.

Солнечкин папа сказал довольно серьёзно:

— Отличный рецепт, — и сейчас же улыбнулся.

Он посадил дочку на плечи, стал на лыжи и отправился в снежное поле.

А Травка с капитаном пошли на платформу, где была остановка электропоезда.

Уже темнело. Вдали показались красные и белые огоньки и большой белый светляк над самыми рельсами. Вверху вспыхивали электрические искры. Это приближался электропоезд.

В общем, он был похож на поезд метрополитена — тоже без трубы и без пара. Но вместе с тем он был похож на трамвай. Только вместо дуги у него на некоторых вагонах было довольно сложное приспособление, вроде громадной коробки без стенок — одни рёбра.

Он сигналил, как поезд метро, но гораздо пронзительнее и дольше.

Поезд остановился. Оттуда вышел помощник машиниста и стал наблюдать за посадкой. Капитан, ни слова не говоря, вошёл с Травкой в кабину.

Против переднего стекла поезда сидел машинист. На плечах у него блестели серебряные погоны. Машинист сразу узнал капитана:

— Здравствуйте, товарищ капитан!

— Здравствуй, товарищ техник-лейтенант, — ответил капитан. Потом пожал машинисту руку и сказал: — Слушай, Васенька, друг мой: сделай для меня большое одолжение. Ведь ты сейчас меняешься в Москве?

— Да, это последний рейс.

— Возьми ты этого мужичка, доставь в Москву, а там отвези его, куда он скажет.

— Да ведь нельзя же посторонним в кабине машиниста, товарищ капитан!

— А ты его можешь впустить в вагон. Дверь-то у тебя сзади есть. Сделаешь?

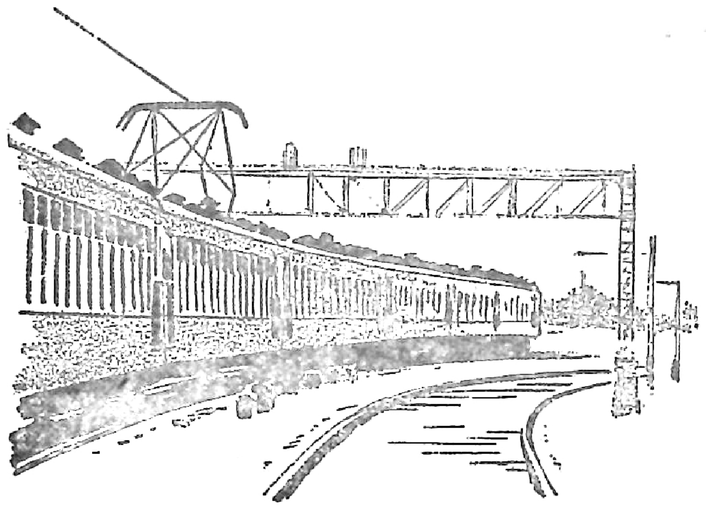
— Сделаю.

— Ну, есть.

Капитан снова пожал руку машинисту, потом наклонился к Травке, потрепал его по щеке и выскочил из вагона.

Всё это произошло в какую-нибудь минуту.

Вместо капитана в кабину вскочил помощник машиниста и сказал: «Вперёд!» Машинист дал сигнал, положил левую руку на громадную кнопку, похожую



на гриб, правой рукой взялся за медную рукоятку и повернул её. Под поездом раздалось громкое шипенье. Это воздух выходил из тормозов. Тормозные колодки отпустили колёса. Машинист нажал гриб, моторы загудели, поезд тронулся и пошёл, развивая скорость.

Рядом с машинистом стал его помощник, тоже в погонах, но не серебряных, а чёрных с зелёным кантиком.

Впереди один за другим загорались зелёные огоньки семафоров. Скоро стала видна целая цепочка зелёных огоньков.

— «Зелёная улица», — сказал помощник.

— Отлично! — ответил машинист.

Поезд мчался всё быстрей и быстрей.

БЕЗВЫХОДНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ НЕ БЫВАЕТ

В квартире Травки раздался звонок.

Папа и мама оба встали и пошли отпирать. Они всё ещё надеялись, что вернётся Травка.

Но это приехали Измайловы.

Они ходили на радио, чтобы дать сообщение о пропаже Травки. Уж если дядя Лёва Измайлов взялся за какое-нибудь дело, он добьётся толку.

Он сказал:

— Пока ничего не вышло. На радио говорят, что некуда вставить сообщение. «Московские известия» передают только в час дня, а до часа дня Травка обязательно найдётся. Не найдётся — тогда другое дело. Тогда можно будет им позвонить, и они обязательно сообщат о пропаже Травки в «Московских известиях». А пока положение действительно безвыходное.

— Безвыходных положений не бывает, — сказал папа. — Я пойду в редакцию газеты и дам объявление. Крупно: «Пропал мальчик», а там дальше — все подробности. Газету все читают, и если кто видел нашего мальчика — обязательно прочтёт это объявление. И, конечно, поможет доставить Травку домой.

Измайловы спешили на поезд. Папа спешил в редакцию газеты. Он сказал маме:

— Я пойду в редакцию газеты. Ты посидишь?

Мама ответила тихонечко:

— Хорошо, иди. Я посижу здесь, у телефона. Только не задерживайся.

МАМА ОСТАЛАСЬ ОДНА

Мама осталась одна. В комнате стало совсем тихо. Лишь иногда издалека доносились гудки автомобилей, да время от времени гудел лифт. Мама невольно вздрагивала. Но у их квартиры лифт не останавливался. Скоро и совсем никто не стал подниматься на лифте.

Внизу во дворе раздалось тарахтенье мотоцикла. Это вернулся Володя. Мама вышла на балкончик. Ярко светила фара — фонарь, приделанный над передним колесом Володиного мотоцикла.

— Володя! — крикнула мама. — Ну, как прокатились?

— Великолепно! — ответил Володя. — Съездил в Звенигород и обратно. Напрасно вы со мной не отважились! Как Травка?

— Он скоро вернётся. Папа сам пошёл за ним, — сказала мама бодрым голосом, стараясь, чтобы и Володя не расстроился тоже.

— Ну, и отлично! — ответил Володя и повёл свою машину в гараж — особый домик для автомобилей и мотоциклов, который находился здесь же, во дворе новых домов.

Мама вернулась к себе в комнату и включила телевизор. Телевизор стоял на столике рядом с маминым письменным столом. Это был большой, красиво отделанный ящик. Главная часть его, на которой можно было увидеть, насколько хорошо работает телевизор, был небольшой экранчик, похожий на экран кино.

Особая антенна, установленная высоко на крыше, ловила для телевизора радиоволны, которые несли не только звуки, как в обыкновенном радио, но и изображения. Если сказать по правде, это было настоящее чудо. Ни один даже самый могущественный ска-

зочный волшебник не смог и додуматься до него. Его сделали люди.

Где-то в одном месте Москвы шёл концерт или спектакль, а по телевизорам на семьдесят километров вокруг все видели и слышали его так, будто он происходил здесь же, в комнате.

ТРАВКА С ПАПОЙ В ЦИРКЕ

Мама отодвинула ширмочку, которая прикрывала телевизорный экран. Телевизор работал хорошо. Перед мамой шло весёлое цирковое представление. На экране было видно, как в цирке натянули тугую сетку, и на эту сетку откуда-то сверху прыгали акробаты. Сетка отталкивала их, они перевёртывались в воздухе, снова падали в сетку, но не ушибались, а подскакивали вверх. Один особенно смешной акробат, наверно клоун, тоже падал в сетку будто бы нечаянно, но не кувыркался, а подскакивал в воздухе и шагал по воздуху с совершенно серьёзным лицом.

Публика смеялась.

Телевизор начал показывать публику.

Вдруг мама увидела — или это ей только показалось, что она увидела — Травку и папу. Папа расстегнул свою меховую куртку и смеялся, поправляя очки. Рядом стоял Травка и прямо подпрыгивал от смеха. Было слышно, как он хлопает в ладошки.

— Травка! — крикнула мама изо всех сил.

Но зрителей перестали показывать.

Вскоре толстый бритый муж-

чина в длиннополом фраке и в белом галстуке, сам похожий на циркового артиста, распорядитель представления, объявил, что представление окончено.

Потом появилась Ниночка и сказала, что телевизионная передача окончена, а следующая передача состоится завтра, в понедельник, в семь часов тридцать минут вечера. Как всегда, она добавила: «До свиданья, товарищи! Спокойной ночи!», приветливо улыбнулась и исчезла в складках занавеса, который появился на экране.

Мама растерялась. Она принялась стучать пальцем по экрану телевизора, но быстро сообразила, что Ниночка никак не могла услышать стук с маминого телевизионного экрана на Центральной станции телевидения, а стуком можно было только испортить что-нибудь в сложном аппарате телевизора.

ТРАВКА, НАВЕРНО, СКОРО ПРИЕДЕТ, ЕСЛИ ТОЛЬКО ОН БЫЛ В ЦИРКЕ

Ниночка и Оля были две красивые девушки, которые по очереди вели передачу московского телевидения. Все московские радиозрители, и маленькие и большие, знали их в лицо и так и привыкли запросто называть их.

Но мама знала, что Ниночку зовут Ниной Владимировной, и хотела позвонить ей по телефону на Центральную станцию телевидения. Она взяла уже телефонную трубку, но тут сообразила, что едва ли сама Нина Владимировна видела всё то, что происходит в цирке, и могла запомнить зрителей и Травку между ними.

«Позвоню в цирк», — решила мама.

По справочному телефону номер 09 она быстро узнала номер телефона цирка и позвонила туда.

«Я слушаю», — раздался вежливый голос.

— Цирк? Цирк? Вы меня слушаете? — заволновалась мама.

«Государственный цирк слушает», — повторил вежливый голос.

— Скажите, пожалуйста, уже окончилось представление? — спросила мама.

«В двадцать два часа пятьдесят минут, точно по расписанию», — отчеканил голос.

— А в цирке никого не осталось? — спросила мама.

«Из зрителей никого, — ответил голос даже почему-то весело. — А кто вас интересует?»

— Видите ли... — начала мама смущённым голосом. — В цирке, очевидно, был сегодня мой сын, маленький мальчик... Травкой его зовут, и, представьте, это имя ему страшно подходит.

«У нас сегодня было представление для взрослых, — ответил голос уже построже. — И если вы отпустили своего сына одного...»

— Нет, одного я бы ни за что его не пустила, — заговорила мама, — он пошёл в цирк с папой. Я их видела по телевизору.

«Ну, если видели, то они скоро придут домой. Вы далеко живёте?»

— В Петровском парке.

«Ну, через полчаса они во всяком случае будут дома. Ничего с ними не случится. Но я посоветовал бы вам пускать сына только на детские представления. Или уж показывать ему цирк по телевизору. Телевизор ведь у вас есть? Хотя и по телевизору вечерние представления кончаются поздно. Видите, вы сами беспокоитесь. Кроме того, на вечерних представлениях бывает не всё понятно детям».

И в цирке положили трубку.

В РЕДАКЦИИ

Был поздний вечер, но папа знал, что газета печатается ночью. Ранним утром её грузят на автомобили, поезда, самолёты и рассылают во все города. А в Москве её развозят в почтовые отделения и газетные киоски. А там уж — кому принесут на дом, если он подписался, а кто и сам купит себе газету на улице.

Папа был знаком с редактором газеты. Он рассказал редактору о своём горе. Но тот покачал головой и сказал со вздохом:

— Не могу напечатать про Травку, никак не могу! Места нет. Вы же знаете, сколько событий! И всё важные, всё интересные, всё большие...

— Ну как-нибудь, Михаил Аркадьевич! Вы понимаете, такое несчастье! — сказал папа, и глаза у него заблестели, как у маленького.

Редактор попробовал его успокоить:

— Да найдётся ваш мальчик, что вы! У нас о детях заботится каждый человек.

— Я знаю, что найдётся. Но мне-то что предпринять? Нужно же что-нибудь делать! В милиции — нет, на радио — некуда вставить, у вас — нельзя...

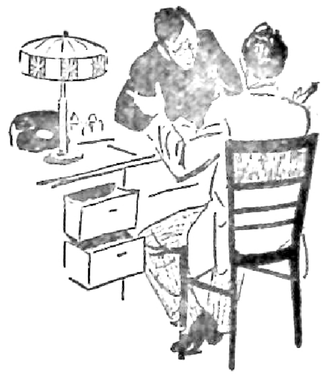
В это самое время в комнату вошёл работник типографии. В руках у него был большой лист бумаги, испачканный типографской краской и весь запечатанный жирными буквами, рисунками и украшениями, но только с одной стороны.

— Это что у вас? — спросил редактор.

— «Московский железнодорожник», пробный оттиск. Завтра понедельник. Забыли?

— Да-да, — сказал редактор. — Каждый раз забываю! — Он обратился к папе: — Мы печатаем в своей типографии ещё и маленькую газету для железнодорожников Москвы. Это их собственная газета,

выходит по понедельникам... — Вдруг он перебил сам себя: — Постойте-ка! Ведь Травка потерялся на железной дороге?



— Да... на вокзале...

— Ну, ваше счастье! Железнодорожники его и разыщут. Сейчас я согласую этот вопрос.

Редактор взял телефонную трубку, позвонил редактору газеты «Московский железнодорожник» и рассказал ему всё о Травке. Потом он сказал папе:

— Пишите скорее заметку!

Папа присел к столу и начал писать. А редактор взял красный карандаш, положил перед собой пробный оттиск газеты и начал ставить на нём круги, чёрточки, стрелы, кресты с хвостиками и без хвостиков. При этом он говорил работнику типографии:

— Это наберите помельче. Это поставьте потеснее. Это украшение прочь — оно здесь ни к чему. А здесь у вас ошибка, её нужно исправить. Вот и освободилось местечко. Давайте сюда ваш материал!

Папа протянул редактору листок бумаги, на котором было написано, что пропал мальчик, по имени Травка, и если кто-нибудь увидит этого мальчика — обязательно пусть позвонит по телефону папе на службу или домой.

Редактор прочёл папино писание, что-то подчеркнул, что-то перечеркнул, что-то исправил и сказал:

— Идите в типографию и скажите, что я прошу немедленно набрать и включить в завтрашний номер «Московского железнодорожника». — Он подписался и поставил число.

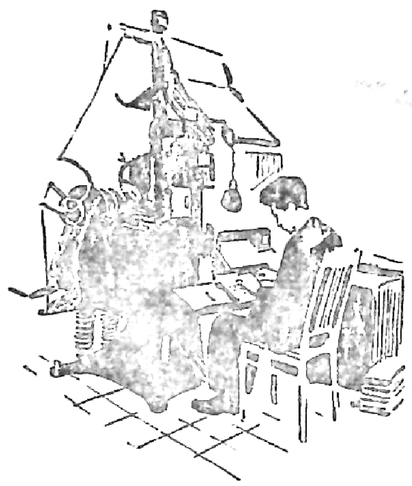
Папа взял листок, получил пропуск и отправился в типографию.

БЫЛО ДВЕНАДЦАТЬ ЧАСОВ НОЧИ...

Сперва папа вошёл в линотипный цех. Это была большая комната, освещённая как-то странно: наверху, у потолка, была совершеннейшая ночь. Электрические лампы были размещены так, чтобы удобнее было работать. Рабочие-линотиписты сидели перед своими машинами — линотипами. На этих машинах изготовляются цельные металлические строчки с выпуклыми буковками. Эти строчки прикладываются одна к другой, и потом ими печатают на бумаге.

Папа подошёл к свободному линотиписту и протянул ему листок с объявлением о Травке. Линотипист положил листок на маленький наклонный столик, освещённый электрической лампочкой, и начал нажимать клавиши своей машины. Клавиши были тоже освещены. На каждом клавише было по одной букве, как на пишущей машинке. В линотипе что-то застрекотало, словно в нём сидело множество кузнечиков. Вдруг там раздался негромкий звонок.

Линотипист повернул ручку, и на стол перед ним выпала блестящая, как серебро, полоска. На верхнем краешке этой полоски уместились первые слова папиного объявления.



Папа хотел взять полоску в руки, но чуть не закричал: она была горячая, как кастрюля с кипящим супом.

На линотипе строчки делаются из расплавленного металла. Электрическая печка — здесь же, в линотипе,— плавит металл. И когда строчка готова, нельзя сразу

брать её в руки. Нужно обязательно подождать, пока она остынет.

Десять строчек папиного объявления были готовы в две минуты. Но папа не хотел больше терять ни одной секунды.

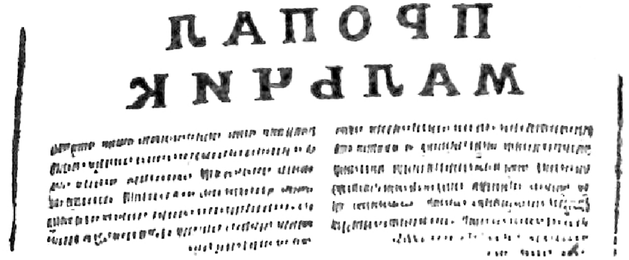
Он надел на руку перчатку, взял строчки и понёс их к тому самому работнику, который приносил редактору пробный лист для просмотра и исправлений.

Перед работником на железном столе было уложено множество серебряных полосок-строчек буквами кверху. Из всех этих строчек получилась серебряная доска величиной с целый газетный лист.

Папа сразу нашёл на этой доске название газеты, сложенное из больших, особенно красивых букв.

«Московский железнодорожник»,—догадался папа.

А маленькие буквы прочесть было очень трудно: буквы были такие, как если посмотреть на газету в зеркало. Работник взял папины строчки и вставил их



в свободное место собранной серебряной доски. Потом он начал вставлять над папиным объявлением одну за другой крупные буквы, пока не получилось:

«Пропал мальчик», — перевёл папа на обыкновенный язык.

Вся собранная из серебряных строчек доска была уложена в железную раму. Работник покрепче подвинтил винты на углах рамы, чтобы строчки не могли рассыпаться, и сказал громким голосом:

— Вёрстка готова! Берите набор в машину!

Этот работник был здесь самый главный.

Подошли двое рабочих, передвинули раму с набором на столик на колёсах и повезли её к печатной машине.

Было двенадцать часов ночи.

Папа подумал: «А вдруг Травка уже дома, а я тут задерживаю занятых людей? Завтра начнутся телефонные звонки, и придётся всем отвечать, что зря они беспокоились, что Травка сам явился ещё вечером, и что всё благополучно, и что объявление в газете напечатано зря...»

Он пошёл в кабинет редактора и оттуда позвонил по телефону домой.

Мама спросила испуганным, тихим голосом:

— Кто говорит?

Мама боялась, что Травка попал под трамвай или под поезд. Она вздрагивала от каждого телефонного звонка. Ей всё казалось, что по телефону она узнает о Травке что-нибудь ужасное.

Папа понял по маминому голосу, что Травки дома нет. Но он постарался говорить как можно веселее, чтобы успокоить её:

— Это говорю я, папа. Я в типографии. Я сам слежу, как печатается объявление. Завтра мы наверняка всё узнаем. Ложись-ка спать.

Было двенадцать часов ночи, а Травки не было дома. И неизвестно, где он был.

Конечно, мама не могла заснуть. Она то включала

радио, то выключала его: ведь по радио ничего не могли сказать о Травке. Телевизор тоже кончил работать.

Она пробовала заниматься, взяла книгу, но никак не могла понять, что она прочла и что нужно запомнить.

Она вспомнила, что сегодня так и не пошла на занятия хорового кружка. Она хотела попеть здесь, дома. Но ей приходила в голову всё одна и та же песня. Она сама когда-то сочинила её для Травки:

Спи, малышка мой курносый,
Баюшки-баю!
Я на все твои вопросы
Песенку спою...

Спят котёнок, галка, ёжик —
Видно, время спать.
Ты ложись скорее тоже
В мягкую кровать!

Будешь в школе ты учиться
Много-много дней,
Незаметно становиться
С каждым днём умней.

Но всегда останься с мамой
Сердцем и душой,
Даже если будешь самый
Умный и большой.

ГАЗЕТА ПЕЧАТАЕТСЯ

Раму с серебряным набором вложили в машину. В машине был валик, намазанный краской. Валик прокатился по набору, и все буквы из серебряных стали чёрными.

Потом машина опустила набор на большой лист белой бумаги, и все буквы, рисунки, цифры и линии отпечатались на бумаге чёрной краской. Сразу стало удобно читать.

Так получилась газетная страница.

Папа подошёл к машине и увидел в самом углу газетной страницы своё объявление: «Пропал мальчик».

А дальше было напечатано, как зовут этого мальчика и по каким телефонам нужно звонить, если кто-нибудь его увидит.

Папа попросил позволения взять один газетный лист, чтобы показать маме. Ему позволили.

Главный работник посоветовал ему:

— Сегодня наша газета будет готова раньше, чем обычно. Пойдите и попросите, чтобы её выпустили из типографии вместе с большой газетой. Тогда она попадёт на места с первой утренней почтой. А иначе она может задержаться здесь, в типографии.

Большая газета печаталась не в этом цехе, не на этих плоских машинах. Разве эти машины успели бы напечатать целый миллион газет за одно утро? Да нет, куда им! Такой машине нужно секунд десять, чтобы отпечатать один только газетный лист.

А большая газета печаталась на ротационной машине.

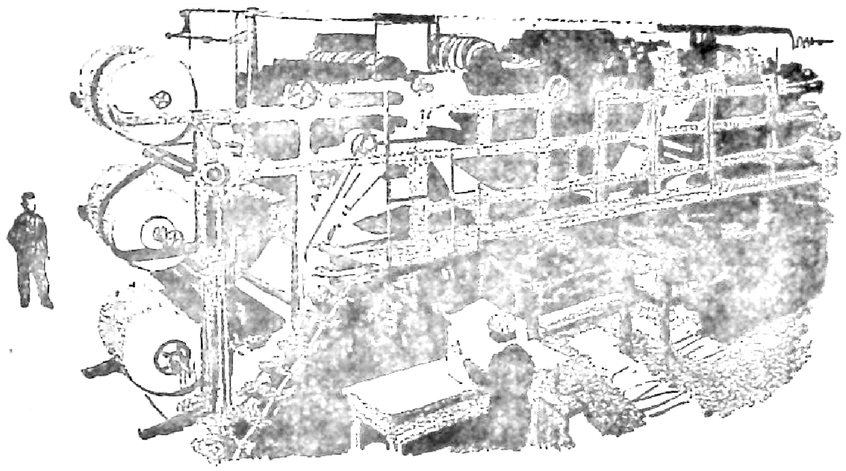
Папа пошёл к ротационной машине. Она помещалась в огромном светлом зале, величиной чуть ли не с трёхэтажный дом. Чтобы наладить или поправить что-нибудь в этой машине, рабочие ходили вокруг неё по лесенкам и балкончикам. Зато и машина работала так, как не смогли бы работать и полторы тысячи человек сразу.

Но ведь сами люди изобрели и построили эту машину и поручили ей свою работу! Электрические мо-

торы приводили её в движение. Но ведь и моторы были построены тоже людьми!

К ротационной машине подкатывались рулоны бумаги — бумажные катушки величиной с громадную бочку.

Машина разматывала рулон, и белое бумажное полотно шириной в классную доску исчезало в машине. Там оно проходило между вертящимися валами газетного набора. Валы были смазаны краской. На белой



бумаге одновременно и сверху и снизу отпечатывались газетные страницы.

Валы вертелись без остановки, и бумага обращалась в сплошную ленту газет. Машина резала бумагу на отдельные газетные листы, сама складывала их, и из машины выползали готовые сложенные газеты. Было похоже, что из машины течёт газетная речка. И таких речек вытекало несколько сразу.

Папа подумал: «А ведь и правда — эту газету будут читать по всему нашему необъятному Союзу, в каждом городе, на каждом заводе, на каждой фабри-

ке, на каждой электростанции, в каждом колхозе. И, конечно, в ней должны описываться события самые важные и самые интересные для всех». Он был рад, что о его сыне напечатано только в маленькой газете московских железнодорожников, которые и на самом деле могли встретить Травку и могли помочь ему вернуться домой.

Папа сказал заведующему отправкой газет, что газета «Московский железнодорожник» отпечатана уже вся целиком. Ему обещали, что скоро она будет отправлена куда полагается.

Тогда папа поехал домой, в Петровский парк.

* * *

В корпусе «Б» лифт был выключен на ночь.

И когда папа поднимался пешком по лестнице, ему вдруг в голову пришла такая мысль: а ведь могло же случиться, что за это время Травка вернулся домой? Конечно, могло. Например, его встретили железнодорожники и помогли ему добраться до станции Пролетарская — посадили на какой-нибудь добавочный поезд или даже на паровоз. На Пролетарской он дорогу знает. Ну, он пришёл к Измайловым, а их нет дома. Он, конечно, не растерялся, а подождал у соседей. Вечером Измайловы вернулись домой, увидели Травку и, конечно, сейчас же отвезли его обратно в Москву. И теперь Травка дома. Он спит. И мама спит.

И всё благополучно, и всё спокойно.

Папа даже пошёл на цыпочках и отпер дверь, стараясь не щёлкнуть замком, чтобы не разбудить Травку.

В квартире горел свет.

Но там была одна только мама.

Она не спала и всё ещё ждала Травку.

— Ты был в цирке? — спросила мама.

От удивления папа даже изменился в лице:

— Нет, я был в типографии. Видишь, газета «Московский железнодорожник». Завтра мы обязательно всё узнаем.

И он протянул маме свежий газетный лист, ещё пахнущий типографской краской.

Мама сказала:

— А я видела тебя по телевизору в цирке вместе с Травкой. Вы сидели среди зрителей. Травка так весело смеялся.

— Ну, это, наверно, тебе показалось. И как мы могли пойти в цирк без тебя? Ты об этом подумала? Успокойся, милая мама, и постарайся поскорее заснуть. Завтра наш сынок, наверно, найдётся.

А ТРАВКА УЖЕ ДАВНО ПРИЕХАЛ В МОСКВУ

Электрический поезд, на котором ехал Травка, прибыл в Москву точно по расписанию, даже немного раньше.

Как только поезд остановился, перрон наполнился приехавшими пассажирами. Не успела толпа пассажиров схлынуть, как пришёл ещё поезд, на этот раз обыкновенный, с паровозом. Опять пошли пассажиры.

Машинист электропоезда Вася приводил в порядок своё хозяйство. Помощник машиниста ушёл. А Травка терпеливо дожидался в углу кабины.

Наконец машинист открыл дверь и вывел Травку на перрон. На другом пути, на той стороне перрона, стоял только что прибывший поезд. Чёрный громадный паровоз фыркал паром и тяжело дышал, будто ему было очень трудно везти за собой столько вагонов и он страшно устал.

— Что, запыхался, старик? — насмешливо крик-

нул машинист Вася. — Знай наших! — Потом он нагнулся к Травке и сказал по секрету:— Ты видел, как я его по дороге обогнал? Я из-за него на две минуты раньше расписания прибыл. Только ты никому не говори. Тебя как?..

— Травка...

— Очень приятно! Будем знакомы, мужичок Травка! А меня зовут Вася. Можно звать и дядя Вася, но не стоит. По званию я техник-лейтенант тяги, а по образованию — ученик капитана Калашникова.

— Будем знакомы, — согласился Травка, снял варежку и пожал протянутую ему руку.

— Сейчас придёт моя смена, — сказал Вася. — Поедем с тобой куда хочешь, хоть на Луну. Полетишь со мной на Луну?

— Потом, может быть, и полечу, — ответил Травка. — Когда подрасту немного. А сейчас, дядя Вася, поедемте поскорее в Петровский парк.

— Ну что же, можно и в Петровский парк, — согласился Вася. — Тоже хорошее место.

— Очень хорошее! Там меня ждёт мама. И папа, наверно, тоже ждёт. Вы только, товарищ техник-лейтенант тяги, пожалуйста, не снимайте погоны, когда приедете к нам.

Вася не успел ничего ответить. К нему быстрыми шагами подошёл человек в форме железнодорожника и тоже в погонах.

Вася вытянулся по-военному:

— Здравия желаю, товарищ инженер-майор!

— Здравствуйте, товарищ техник-лейтенант. Вот какое дело: ваш сменщик заболел. Придётся вам сделать ещё один рейс, пока мы вызовем запасного.

— Слушаюсь, товарищ инженер-майор! Разрешите отлучиться на минутку?

Вася отвёл Травку в сторону и сказал:

— Вот беда! Слышал? Но здесь я ничего не могу поделать. Приказ, сам понимаешь.

— Да я один доеду, — сказал Травка. — Подумаешь — беда!

— А ну, говори точный адрес. Как поедешь?

— Очень просто. На метро до той станции, где бронзовые фигуры.

— Это до «Площади Революции», что ли?

— Ну да. А оттуда на троллейбусе. Петровский парк, Новые дома, корпус «Б», шестой этаж, квартира шестьдесят восемь.

— Великолепно! Теперь я вижу, что с тобой мимо Луны не пролетишь. Деньги-то у тебя на дорогу есть? Тебе и сейчас путь не близкий.

— Есть. Целый рубль,—деловито ответил Травка.

— Неразменный?

— Почему неразменный? Самый настоящий!

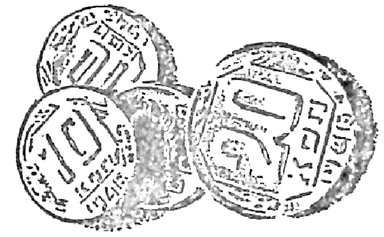
— Ну, пусть он у тебя останется неразменным. Вот тебе на метро и на троллейбус. Может быть, ещё какие-нибудь расходы будут. — И Вася дал Травке горсточку серебряных монет.

Это было как раз кстати. Травке очень хотелось ещё раз попробовать, как будет действовать билетный автомат.

— Но только как я вам отдам эти деньги?

— А вот на Луну вместе полетим, ты и отдашь.

— Это ещё когда будет... — сказал Травка. Он понял, что Вася шутит. — Я лучше попрошу папу, пусть он пошлёт деньги капитану Калашникову, а капитан Калашников отдаст вам.



Вася обрадовался:

— Да ты, я вижу, малый сообразительный! С тобой и правда не пропадёшь.

Конечно, техник-лейтенант Вася проводил бы Травку домой и постарался бы и сам не пропасть и Травку не потерять. Но, как нарочно, им приходилось расставаться. Ничего не поделаешь: заболел товарищ. А поезда должны ходить по расписанию во что бы то ни стало.

* * *

Травка стоял перед кассой-автоматом. Он только что опустил в щёлочку четыре монеты и ждал, когда же выпадет билет.

Но автомат молчал и упорно не выдавал Травке билета.

Травка постучал кулаком в стенку автомата. И опять — ничего.

Что же делать?

И пожаловаться было некому.

Травка хотел уже идти в обыкновенную кассу, где сидела кассирша, но тут проходивший мимо пассажир сказал:

— Что, мальчик, застрял билет? Так ты нажми кнопку!

Травка раньше и не замечал на шкафчике кнопку, рядом с которой было написано, что её нужно нажать в случае отказа автомата. Он нажал кнопку, и в корытце что-то упало с лёгким звоном. Травка стал пальцами доставать билет, но в руке у него оказались четыре монеты по двадцать копеек, только что опущенные в автомат им самим.

— Как же это я сразу не догадался! — громко воскликнул Травка. — Этот автомат не умеет давать сдачи! Если опустишь больше пятидесяти копеек, он просто отдаёт деньги обратно.

И Травка, сообразив, в чём дело, быстро насчитал из тех денег, которые были у него в кармане,

ровно пятьдесят копеек — три гривенничка и двугривенный.

Мальчик опустил в автомат эти монетки и получил билет без всякого отказа.

НОВЫЕ ДОМА

Без всяких приключений он доехал до станции «Площадь Революции».

Здесь его подхватила толпа пассажиров, и не успел он хорошенько посмотреть на знакомые статуи, как вместе с толпой пошёл куда-то вниз. Он и не думал, что если находишься под землёй, то можно опуститься и ещё ниже.

Он шёл вместе со всеми и попал как будто бы на другую станцию. Это был светлый зал, весь из белого мрамора. Здесь у самого потолка были вделаны фигуры танцоров и музыкантов. Кто играл на дудочке, кто на балалайке, а кто ещё на каком-то инструменте — Травка не знал, на каком. Каждая фигура была ростом с большую куклу. Все они были сделаны из белого фарфора и подкрашены золотом.

Подошёл поезд.

Какая-то тётя спросила:

— Тебе куда, мальчик?

— Мне в Новые дома.

— Так садись же скорее, а то сейчас двери закроются! — крикнула тётя, схватила Травку за руку и втащила в вагон.

Двери действительно сейчас же закрылись, и поезд тронулся. Пассажиры в вагоне оттеснили Травку от тёти.

Когда поезд остановился, Травка невольно вышел вместе с теми пассажирами, которые выходили на этой станции.

Здесь не было никаких фигур. Не было и таких колонн, как на станции у дома-великана. Здесь были громадные арки, похожие на серебряные радуги. Между арками стены были облицованы красным самоцветным камнем.

Когда пассажиры ушли, станция стала такой просторной, что Травке захотелось, чтобы здесь оказалось побольше ребят. Тогда можно было бы поиграть в салки или в палочку-выручалочку под серебряными радугами.

Но самое интересное было, очевидно, на потолке.

Посередине станции ходили люди и, запрокинув головы, смотрели на потолок.

Травка тоже начал смотреть.

Над его головой оказалась как бы громадная опрокинутая овальная ваза, и он видел её дно. На дне вазы он увидел картину необыкновенной красоты. Картина блестела и сверкала так, будто была сделана из драгоценных камней. На ней был изображён лыжник в красной фуфайке, как у дяди Лёвы Измайлова. Будто он на лыжах прыгает с горы. Ты глядишь на него снизу, а он через тебя перепрыгивает. А над ним видно синее зимнее небо.

«Эх, жаль, что я не окликнул его тогда! — подумал Травка. — Ну, да ладно! Зато я загадаю ему загадку: как я видел, что он ел шоколад на Московских горах? А потом расскажу, что видел его на картине, на потолке».

Травка видел над собой мозаику — картину, выложенную из кусочков разноцветного стекла.

Он пошёл дальше и в следующей вазе увидел самолёт, прорывающийся сквозь облака, потом дальше — остроносый планёр, летающий без мотора, пловца, прыгающего с вышки, цветущую ветку яблони, потом ту же ветку, но уже с крупными румяными яблоками.

Он шёл всё дальше и рассматривал всё новые картины, пока у него не заболела шея. Он отдохнул немного и снова принялся смотреть.

Травка увидел рабочих, кладущих кирпичи на высокой стене, колхозников, убирающих машиной золотистую пшеницу, самолёты, летящие в виде букв «СССР», и, наконец, гордое красное знамя, развевающееся по ветру.

Он посмотрел бы и ещё немного, но ему было пора ехать домой. Он давно уже догадался, что попал не туда, куда нужно, и лучше всего ему вернуться на станцию «Площадь Революции». А оттуда сесть на троллейбус — вот он и дома.

Поезд в противоположную сторону только что ушёл. Травка решил дожидаться следующего поезда на том месте, где висела вывеска «Посадка пассажиров с детьми».

Он взглянул налево, где высоко на стене были вделаны часы. Большая и маленькая стрелки столкнулись около цифры «9».

Рядом с этими часами были другие, но уже совершенно необыкновенные. На этих часах не было ни стрелок, ни цифр. Вернее, цифры были, но какие!

На часах стояла цифра «1», составленная из светящихся точек.

А вокруг этой большой цифры выскакивали одна за другой, по кругу, светящиеся маленькие цифры: 0, 5, 10, 15, 20, 25, 30, 35.

«Что это за часы такие?» — подумал Травка. А цифры всё выскакивали дальше по кругу: 40, 45, 50, 55... По-

том сразу все исчезли, и вместо них появилась цифра «2», тоже из точек. А вокруг неё сейчас же начали выскакивать маленькие цифирки: 5, 10, 15, 20...

— Ты что, мальчик, гуляешь или едешь куда? — услышал Травка.

Он обернулся и увидел девушку в красной фуражке, но не ту, с которой познакомился раньше, а другую. В руке у неё тоже был жёлтый сигнальный диск.

— Еду. Мне нужно на площадь Революции, а оттуда на троллейбусе к Новым домам.

Она начала ему объяснять:

— Так ты сейчас сядешь на поезд, проедешь одну остановку, там слезай и поднимайся по движущейся лестнице, где висит вывеска «Площадь Революции». Ты читать-то умеешь?

— Умею, — нетерпеливо сказал Травка. — А это что за часы?

— Обыкновенные интервальные часы. Показывают интервалы между поездами. Сколько минут прошло и сколько секунд от поезда и до поезда. Обыкновенная вещь... Отойдите от края! — вдруг по-начальнически крикнула она пассажирам.

А пассажиры и так не заходили за белые квадратики, накрашенные вдоль платформы. Разве уж кто-нибудь очень нетерпеливый выскочит посмотреть, не подходит ли поезд.

Когда поезд подходил, интервальные часы показывали четыре с секундами. Поезд остановился, и цифры на часах разом исчезли.

Травка вошёл в вагон и целую остановку думал о том, что обязательно нужно будет изобрести такие же часы, но только чтобы их носить на руке. Они, конечно, электрические. Вставишь штепсельную вилочку — и сразу видно, сколько сейчас часов и сколько минут. (Вместо секунд пусть лучше будут минуты!)

Поезд остановился.

Травка ничего не перепутал. Он поднялся на эскалаторе с вывеской «Площадь Революции», потом увидел другой эскалатор с такой же вывеской, опустился по нему и попал-таки на свою знакомую станцию с бронзовыми фигурами. И тут спросил у первого же гражданина, который показался ему особенно добрым:

— Скажите, пожалуйста, где садиться на троллейбус к Новым домам?

— Да зачем же тебе на троллейбус? — удивился гражданин и даже развёл руками. — На метро же гораздо проще. Поедешь со мной. Я тебе покажу, где сходить.

Травка знал, что к Новым домам можно проехать и на метро. Правда, идти до них от метро подальше, чем от троллейбуса или от трамвая, но Новые дома видны отовсюду, и он ни за что не заблудится.

Он проехал с добрым гражданином три остановки, и гражданин сказал:

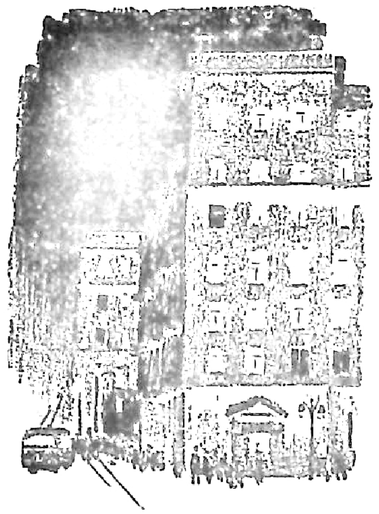
— Вот ты и приехал, слезай. А ты говоришь: троллейбус! Зачем тебе троллейбус?

Травка вышел и попал на новую станцию. Полукруглый потолок здесь был весь усеян яркими электрическими лампами.

При выходе висела мраморная доска с гордыми словами: «Сооружено в дни Великой Отечественной войны».

Травка распростился с этой станцией и пошёл домой.

Он поднялся на эскалаторе, вышел на улицу и удивился: Новые дома высились совсем рядом — стоило только перейти площадь, и ты во дворе Новых домов. Это были величавые, стройные семиэтажные дома. Все их окна светились, и сами они были освещены снару-



жи. Они выделялись на тёмном небе и были видны отовсюду.

Но это были не те Новые дома, в которых Травка жил с папой и мамой...

К Травке подошёл милиционер. Он был в темносиней шинели с красными кантами. На плечах его рдели красные погоны. На голове была чёрная барашковая шапка с синим верхом и с золотой кокардой. За спину был закинут синий башлык с красным кантиком, а на груди сияли золотые пуговицы и вился красный шнур. Справа у него висел грозный пистолет в кобуре, а слева висела сумка.

Такой встанет перед самым страшным нарушителем порядка, и нарушитель сразу испугается. Но он стоял перед Травкой, а Травка не испугался ничуть.

Милиционер спросил:

— Ты что здесь делаешь, мальчик? Куда едешь?

— Мне нужно в Новые дома.

Милиционер прикоснулся рукой к своей шапке и вежливо указал:

— Так вот же тебе Новые дома! Площадь перейдёшь — и там. Переходи только где указано и при зелёном свете.

— Да это не те Новые дома. Мне нужно Петровский парк, Новые дома.

— А, Петровский парк... Так садись на трамвай. Вот трамвай идёт как раз в Петровский парк без пересадки. Деньги-то у тебя есть?

— Есть.

— Ты входи смело через переднюю площадку и садись прямо на детские места. Скажи, что я велел.

Трамвай уже подходил к остановке.

Травка крикнул «Спасибо!» — и побежал садиться.

ТРАМВАЙ ИДЁТ В ПАРК

С передней площадки сходило очень много народу. Ждать, пока все сойдут, было рискованно: только сойдёт последний пассажир, вагон и тронется. Так часто бывает. А садиться на ходу нельзя — Травка это хорошо знал. Поэтому он побежал к задней площадке.

Здесь толпилось тоже много народу. Но садились далеко не все. Трамвайная кондукторша стояла на задней площадке и объявляла громким голосом:

— Трамвай идёт в парк! Трамвай идёт в парк!

«Отлично!» — подумал Травка, схватился за поручни и вошёл в вагон.

Другим пассажирам, видимо, нужно было не в парк, и поэтому внутри вагона пассажиров оказалось немного. Травка протянул кондукторше тридцать копеек.

— Мальчик, трамвай идёт в парк, — предупредила кондукторша.

— А мне и нужно в парк, — сказал Травка.

Сразу было видно, что он разбирается, куда едет. Кондукторша дала ему билет.

Он подошёл к передней площадке, где обыкновенно сидят дети. Детей здесь не было. Кто-то из взрослых уступил ему место в самом уголке. Он взобрался на скамейку, стал на колени и начал смотреть в окно.

Громадные дома с сияющими окнами казались волшебными зáмками. Они уходили в самое небо, в

темноту. Но это, конечно, не были дома-великаны — высотные здания, как их называют в Москве. Это были просто обычные московские дома в восемь, десять и двенадцать этажей. Травка начал считать этажи в домах, но это оказалось очень трудно: дома проплывали мимо. Жаль, нельзя было ставить заметочки, мимо каких домов уже проехал трамвай. Поэтому из счёта ничего не выходило.

Вагон спускался на какую-то большую площадь. В темноте были видны разноцветные огоньки трамваев (у каждого номера свои два цвета), огни светофоров, автобусов и автомобилей. Всё это издали было похоже на упавшие на землю огоньки салюта или на пышное украшение новогодней ёлки, рассыпанное по земле.

Травка вспомнил такой замечательный запах ёлки, темнозелёной, с серебряными звёздочками, и ему почему-то стало немного грустно. Мама так любит украшать ёлку! А Новый год с ёлками уже прошёл, дожидаться следующего очень-очень долго.

— Государственный цирк! — объявила кондукторша, и остатки пассажиров стали сходить на остановке.

Травка увидел белое здание, освещённое большими круглыми фонарями. На здании висели большие картины с рисунками львов, прыгающих в горящие кольца, и акробатов, высоко кувыркающихся над натянутой сеткой.

«Хорошо бы побывать в цирке, — подумал Травка, — или хотя бы посмотреть цирковое представление в телевизор. Жаль, мама не позволяет поздно ложиться спать!»

Травка вспомнил Ниночку в телевизоре, её приветливую улыбку, вспомнил Солнечку, как она его подразнивала, когда они на плечах ехали на Московскую гору, и сам улыбнулся.

Травке стало больно стоять на коленях. Скамейка оказалась очень твёрдой. Травка спустил ноги со скамейки и уселся поудобнее.

«...А как мама смешно пела:

Спи, малышка мой курносый,
Баюшки-баю!..

...А у братика Коли есть учёная галка, ещё ничему не выученный белоногий котёнок Алёшка и ёжик. Ёжик спит чуть ли не с тех пор, как мы переехали в Новые дома. Интересно, проснулся он или всё ещё спит?

Спят котёнок, галка, ёжик —
Видно, время спать.
Ты ложись скорее тоже
В мягкую кровать!..

Хорошо бы сейчас в мягкую, удобную кроватку!..»

Травка подогнул под себя одну ногу.

В глазах у него поплыл ослепительный потолок, сплошь покрытый сияющими лампами, засверкала мозаика — пловцы, лыжники, самолёты, каменщики на высокой стене, ветка цветущей яблони, красное знамя, развевающееся на ветру... Откуда-то взялся рояльный волк и защёлкал чёрными и белыми зубами...

— Уходи, волк! — крикнул Травка и взмахнул ножичком с костяной ручкой. — Уходи! Уходи! Всё равно не отдам тебе Солнечку!

Волк зашипел змеёй: ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш... — повернулся и поехал куда-то на своих трёх сосновых лапах, царапая когтями мозаичный пол. С резким звоном полетели из-под когтей цветные стекляшки: «трррррр-нннн... трррррнннн...» Волк исчез...

Травке стало тепло и уютно, только дуло в ноги. Травка говорил маме: «Мама, закрой форточку!..» Мама закрывала форточку, и снова становилось тепло.

Травка спал.

ГДЕ НОЧУЮТ ТРАМВАИ

Оказывается, вагон шёл не в Петровский парк, где жил Травка, а в трамвайный парк, куда собираются трамвайные вагоны на ночь.

Был ещё только вечер, а этот вагон кончил работу раньше других. Так выходило по расписанию.

Как только вагон вошёл в парк, кондукторша поспешила в контору сдавать билетные деньги. Трамвайный вожатый взял ключи от моторного управления и ушёл, даже не заглянув внутрь вагона. Обоим им хотелось поскорей освободиться. Было воскресенье. У вагоновожатого был билет в театр, и он хотел успеть хоть на второе действие. Кондукторша торопилась в клуб: она сама сегодня участвовала в спектакле.

А Травка в вагоне крепко спал, свернувшись на лавочке. Снаружи его не было видно.

* * *

Ночью в парк стали собираться вагоны.

Пришла ночная смена рабочих.

Уборщица Марья Петровна выметала вагоны и тряпкой протирала стёкла окон. Она первая увидела спящего Травку:

— Батюшки, что же это такое? Мальчик в вагоне спит! Кто же его здесь оставил? Вставай, мальчик! Мальчик!

Травка повернулся и сквозь сон пробормотал:

— Мамочка, я никуда больше не поеду. Только дай мне поспать...

Марья Петровна взяла Травку за плечи и сильно потрясла.

Травка открыл глаза, увидел

незнакомую женщину в сером платке, испугался и громко закричал:

— Мама! Мама!

— Ну что ты, мальчик, не бойся! — ласково сказала Марья Петровна. — С мамой ехал? Как же она тебя забыла?

— Нет, я один ехал, — сказал Травка и всхлипнул.

Ему вдруг стало очень жалко себя. Он вспомнил, что потерялся ещё утром, подумал, что никогда уже больше не увидит маму и папу, и горько заплакал:

— Хочу домой!.. К маме...

Марья Петровна забеспокоилась: что делать с мальчиком глубокой ночью?

Травка плакал всё сильней и сильней.

Тогда Марья Петровна сказала:

— Ах ты, горе ты моё! Ну, не плачь! Утром найдём твою мамочку. Как звать-то её, знаешь?

— Зна-а-а-аю...

— Вот утром встанешь, спросим адрес в справочном бюро, и я отвезу тебя к мамочке.

— Да я сам знаю адрес! — чуть не закричал Травка от обиды. — Что же я, совсем глупый, что ли? Петровский парк, Новые дома, корпус...

— И, батюшка, — перебила его Марья Петровна, — теперь повсюду новые дома. Которые и старые были, и те обновляются. Разве уж совсем подряхлели, так те на слом, а жителей переселяют опять же в новые дома... Пойдём, милый! Ты у меня сейчас отдохнёшь...

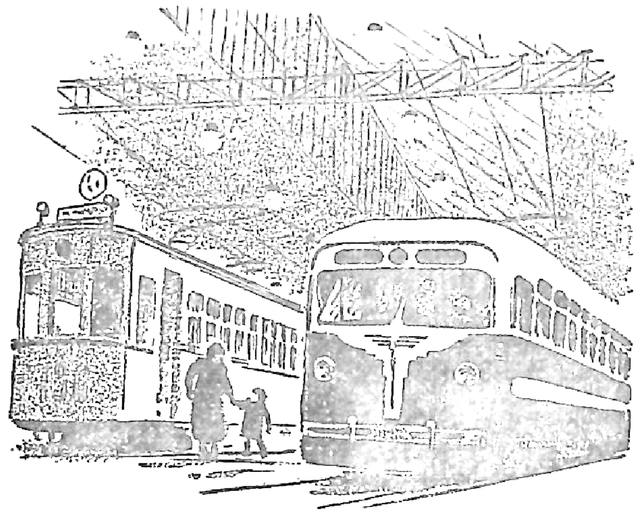
И она повела Травку по трамвайному парку.

Травке очень хотелось спать, но когда он вышел из вагона, и сон и слёзы прошли совершенно.

Ему никогда не приходилось видеть столько трамвайных вагонов сразу.

Вагоны стояли длинными рядами. Куда ни поглядишь — всюду вагоны и вагоны.

Высоко над ними была стеклянная крыша. Над крышей чернело ночное небо. Но в парке было светло, как днём. Под крышей висели громадные фонари. Они светили так, что на них было больно смотреть.



На земле, между трамвайными рельсами, чернели глубокие канавы.

Травка заглянул в одну такую канаву. Там стоял рабочий.

Рабочий крикнул:

— Давай!

Трамвайный вагон двинулся и наехал на рабочего сверху. Травка нагнулся под колёса вагона посмотреть, что будет дальше. Рабочий стоял под трамваем. В одной руке у него была электрическая лампа в проволочной клетке, а в другой — молоток на длинной ручке. Он постукивал молотком, словно доктор, выслушивающий больного.

— Что это он там делает? — спросил Травка.

— Механизмы проверяет, — ответила Марья Петровна. — Проверяет по звуку, не треснуло ли что, не износилось ли, не нужно ли лечения — ремонту, по-нашему говоря... И пойдём-ка мы с тобой, сынок, в тепло, ляжешь ты спать... А то гляди остынешь и сам потребуешь ремонта... А виновата будет Марья Петровна. Недоглядела, скажут, за ребёнком.

Она провела Травку в сторожку. Там было очень жарко. В углу сидел сторож и курил папироску.

— Вот, приёмыша к тебе привела, — сказала Марья Петровна. — Пусти переночевать.

— Откуда ты его взяла-то? В трамвае, что ли, кто забыл? Надо бы позвонить в милицию.

— А что ребёнка ночью по милициям таскать? Проспит здесь до утра, а там видно будет. Утро вечера мудренее.

— Ну что ж, — согласился сторож, — пусть переночует. Погода нынче не очень морозная, мне моя одёжина не потребуется. Вот мы сюда его положим, возле печки.

Сторож постелил прямо на пол свой огромный тулуп.

Марья Петровна сняла с Травки валенки и курточку. Травка лёг на тулуп и положил голову на подушку, сделанную из валенок и курточки. Марья Петровна покрыла его своим большим тёплым платком, сказала: «Ну, спи!» — и ушла.

СТОРОЖ ТОЖЕ ХОРОШИЙ

Травка остался один со сторожем и стал вслух думать:

— Паровоз ходит потому, что там пар. Электровоз — потому, что там электричество. А трамвай почему ходит?

Травка открыл глаза. Сторож смотрел на него и улыбался.

— Что, сынок, не спится в чужом-то месте? Лежишь и сам с собой разговариваешь.

— Я думаю: отчего трамвай ходит?

— Трамвай-то? Это я тебе расскажу. Я его, можно сказать, как свою избу в деревне, знаю. Облазил всё. От дуги до моторов в вагоне. Трамвай ходит от электричества. С электростанции идёт по проводам электрический ток. На трамвае — дуга. По дуге ток проходит, попадает в мотор, а потом уходит в рельсы. Ну, мотор и вертит колёса. Вагоновожатый стоит на передней площадке. Там перед ним аппарат устроен, вроде тумбочки с виду. Контро́ллер называется этот аппарат. Вожатый поворачивает ручку. Больше ручку повернёт — трамвай идёт быстрее. Повернёт ручку обратно — ток не попадает в мотор, трамвай сам под гору катится. Тут уж нужно тормозить. Вот какие дела бывают — без всякого тока трамвай идёт! Не зевай только, останавливай, когда нужно.

Травка заинтересовался: оказывается, можно проехать целую улицу без всякого мотора, если улица хоть чуть-чуть под горку! Или с разбегу проехать, если рельсы хорошие. А если совсем без рельсов?..

— А троллейбус отчего ходит?— спросил Травка.

— Троллейбус, небось, всё равно что трамвай. Вместо дуги у него на крыше две удочки. По одной ток проходит в мотор, по другой уходит из мотора. Рельсы ему не нужны, дороги теперь у нас гладкие. Куда руль повернёшь, туда он и поедет на резиновых шинах. Лишь бы удочки не сорвались с проводов.

— А в метро поезд почему ходит? Там ни дуги, ни удочек на крыше. Одни рельсы.

Сторож был хороший старик. Он любил поразговаривать и с удовольствием отвечал Травке:

— Это ты хорошо сказал, что там одни рельсы. Там есть и третий рельс. По нему-то электричество и идёт, как по проводу. Он помещается сбоку и прикрыт деревянной коробкой. Очень большое напряжение тока в этом третьем рельсе! На коробку, например, без калош становиться нельзя. И работать там нужно в резиновых перчатках. А вместо дуги там есть такая лапка, вроде лопаточки. Она скользит по третьему рельсу, и с неё ток попадает в мотор.

— Вот как? — сказал Травка. — А я и не думал даже...

— Ко́нечно, так, — подтвердил старик. — Да ты, парень, не смотри, что я сторож. Я раньше сам работал помощником слесаря по ремонту моторов. Я медали имею за доблестный труд и за оборону Москвы. Это меня фашист рабочей способности лишил: левые рука-нога плохо слушаются. Как бросил сюда бомбу стервятник — что было! На этом самом месте комната отдыха была и мастерские. А теперь, вишь, моя сторожка стоит. А мастерские — вон они, рядом, лучше прежнего выстроены. А ещё недавно были сплошные развалины. Ты во время войны-то где был? Или ты маленький ещё, не помнишь войны?.. Да ты что, спишь? Эй, паренёк!

Но Травка уже не слышал.

В сторожке стояла электрическая печь. Раскалённые спирали в ней потихонечку гудели, будто напевая колыбельную песенку. Тёплый ветерок из печи гладил Травку по щеке. На тулупе было мягко...

Травка уже давно уснул и даже похрапывал во сне.

* * *

Рано утром Марья Петровна разбудила Травку.

Вставать не хотелось. Но когда Травка вспомнил маму и папу, он сразу окончательно проснулся. Что-то они сейчас делают без него? Мама ведь, наверно, уже очень волнуется.

Он сказал Марье Петровне:

— Тётенька, пойдёмте скорее к маме!

Марья Петровна ответила:

— Потерпи немножко, скоро пойдём. А ты, верно, забыл, что меня Марьей Петровной зовут? Нет, милый, видно и правда без справочного бюро с тобой не обойдёшься. А оно ещё закрыто. Да и чайку нужно попить.

Сторож снял с плитки чайник, достал стаканы, сахар и баранки. Марья Петровна и Травка попили чайку, а потом уже и пошли.

УТРОМ

Снаружи трамвайный парк был похож на обыкновенный трёхэтажный дом, но только без этажей, потому что окон в нём не было, а просто была стеклянная крыша. Дверей тоже не было, а было несколько ворот, из которых без конца выходили трамваи и отправлялись в разные стороны. На остановках их дожидался народ и сразу наполнял все вагоны. Люди спешили на работу.

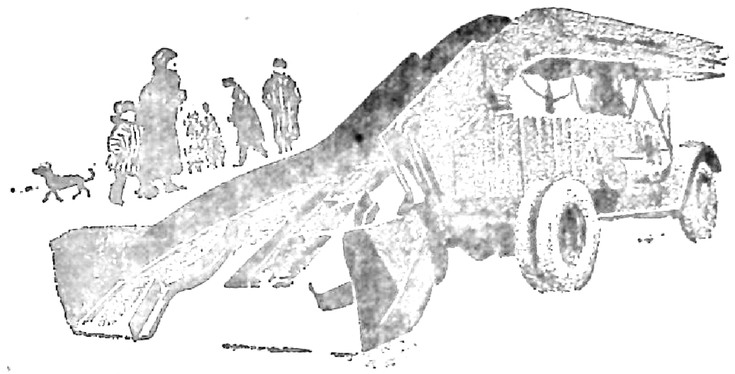
Марья Петровна и Травка вышли на площадь.

Ночью выпал снег, и на площади работали снегоочистительные машины. Их было несколько. Одна машина только соскрёбывала примёрзший к асфальту снег косыми круглыми скребками, другая сгребала его в кучу громадной железной лопатой, а третья совками

подбирала и сваливала на грузовик. Совки были похожи на ступеньки эскалатора в метро. Они шли один за другим, вгрызались в снеговую кучу, потом поднимались вверх и опрокидывали снег в кузов грузовика.

Моторы в машинах рокотали, как автомобильные, и от них пахло бензиновой гарью.

Вдруг над самым ухом Травки раздался гудок. Травка рванулся в сторону, но зря. Он стоял на тротуаре, и ему ничто не угрожало.



К тротуару подошёл закрытый грузовик и сейчас же остановился. К нему были прицеплены два грузовичка поменьше. На большом грузовике было написано «Хлеб», а на маленьких — «Булочные изделия» и «Кондитерские товары».

Из большого грузовика вышел человек и отцепил маленькие грузовички. В грузовичках оказались стеклянные окна, и там сидели продавщицы в белых халатах. Оказывается, это были магазинчики на колёсах. Моторов у них не было, и им приходилось стоять там, где их поставят.

Травка полез в карман. У него вместе с ножичком в кармане хранился новенький бумажный рубль.

Рубль оказался на месте, да ещё от Васиных денег оставалось порядочно.

Травка подошёл к необыкновенному магазинчику и купил две конфетки в виде маленьких куколок и два больших мятных пряника. Можно было купить всего по три, но Солнечка была далеко, и к её приезду можно было купить ещё. Сейчас была только Марья Петровна да он сам.

— Пожалуйста, Марья Петровна, возьмите, — сказал он.

Марья Петровна сначала отказывалась, а потом посмотрела на Травку добрыми глазами, покачала почему-то головой и взяла угощение. Но кушать не стала, а завернула в платок. Может быть, она сама хотела кого-то угостить.

Подошёл трамвай, Марья Петровна взошла на переднюю площадку и Травку взяла с собой.

Вагоновожатый сказал очень строго:

— Проходите, женщина с ребёнком, в вагон! Здесь не полагается стоять.

Марья Петровна показала ему маленький блестящий номерок и сказала:

— Свои. И мальчик со мной.

Больше они не стали разговаривать.

Они ехали по широкой улице мимо высоких новых домов.

Дома попадались розовые, яркоголубые, жёлтые, светлосерые. И каждый из них был по-разному красив: на одном — мозаика из разноцветных кирпичей, на другом — белые статуи, на третьем — каменные вазы, на четвёртом — колонны или балкончики почти под каждым окном...

На передней площадке работал трамвайный вожатый. Левой рукой он то и дело поворачивал рукоятку контро́ллера то в одну сторону, то в другую. А правой

поворачивал медную ручку, под которой была медная дощечка с выпуклыми буквами:

ТОРМОЗ КАЗАНЦЕВА

Раздавалась громкая трель трамвайного звонка: «трррррнннн...» Или шипенье: «ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш...»

Марья Петровна взяла Травку за плечо и сказала:

— Пойдём, нам надо выходить. Вон будка-то стоит — справочное бюро.

Когда они сошли с трамвайных ступенек, Травка заговорил:

— Марья Петровна! А вот трамвайный звонок отчего работает? Как вы думаете, Марья Петровна?

— Не знаю, сынок, — ответила Марья Петровна. — Ведь я простая уборщица. А ты учись хорошенько и сам будешь знать всё на свете.

ВОЛШЕБНИК СПРАВОЧНОГО ДЕЛА

Они подошли к справочной будке. Окошечко было закрыто. Сквозь стекло было видно, что старичок-заведующий читает газету. Чтобы лучше видеть, он надел две пары очков.

Марья Петровна не знала, что делать. Травка тоже не знал, что делать. Постучать в окошко они стеснялись. Они прочли объявление:

ЗДЕСЬ МОЖНО УЗНАТЬ АДРЕС
ЛЮБОГО ЖИТЕЛЯ ГОРОДА МОСКВЫ

А как это сделать, с чего начать — не было сказано.

Прошло немного времени. Наконец старичок-заведующий отложил газету, вскинул одни очки на лоб, а другие оставил на глазах. Он огляделся, заметил Марью Петровну, открыл окошко и спросил:

— Вам что угодно, гражданка?

— Нельзя ли у вас узнать, — сказала Марья Петровна, — правильный ли это адрес: Петровский парк, Новые дома, корпус «Б». Новые-то дома у нас теперь повсюду. Вот я и сомневаюсь...

— Сейчас, гражданка, получите точный ответ, — сказал старичок, надвинул на нос вторые очки и положил перед собой толстенную книгу.

Он начал перевёртывать огромные листы этой книги. На каждой странице было что-то напечатано, написано чернилами и наклеено отдельными листочками.

— Слушай, папаша, — укоризненно сказала Марья Петровна. — Пока ты нужный ответ разыщешь, мальчишечка-то замёрзнет. Видишь, он и то пританцовывать начал. А он от родителей отбился.

— Где мальчишечка? — Старичок вскинул одни очки на лоб, приподнялся, поглядел за стекло и увидел Травку. — Какой мальчишечка? Этот? Так это совсем другое дело! Что же вы мне раньше не сказали!

Он положил перед собой ворох газет, быстро отыскал среди них газету «Московский железнодорожник» и положил её сверху.

— Вот! — И он остановил палец в углу газеты,

где было напечатано: «Пропал мальчик». — А ну, мальчик, подойди-ка сюда поближе!

Травка подошёл к окошечку.

— Необходимо проверить, ты ли тот мальчик, о котором напечатано в газете. У меня, видишь ли, правило: давать только проверенные сведения. Как тебя зовут?

— Травка.

— Правильно. Далее — здесь указаны номера телефонов. Один домашний и два служебных. Скажи мне номер твоего домашнего телефона. Не может быть, чтобы такой большой мальчик не знал номера своего домашнего телефона.

— Номер Д, три, семнадцать, сто.

— Неправильно ты говоришь! — воскликнул заведующий.

Травка смутился:

— Я сам думаю, что немножко перепутал. Потому что я никогда домой не звонил. В детском саду нам позволили позвонить только по одному разу, а потом не позволили и подходить. А у братика Коли телефона нет. У него только учёная галка и ёжик... И ещё всякие цветы и растения...

Старичок его остановил:

— Ты это мне потом расскажешь, и я запишу адрес, где можно видеть учёную галку. А теперь говори: почему ты запомнил такой странный номер телефона — Д, три, семнадцать, сто?

— И вовсе не странный, — сказал Травка. — «Д» — это значит дом; три — это сколько мне было лет, когда я был ещё маленький и не ходил в детский сад; семнадцать — это сколько мне будет лет, когда я окончу школу. А сто — это сколько мне будет лет ещё очень-очень не скоро.

— Тогда, конечно, всё правильно, — примиритель-

но сказал старичок. — Но только запомни раз и навсегда, что телефон твоей квартиры Д 4-18-68.

— Да ты адрес-то, адрес домашний скажи! — взмолилась Марья Петровна. — Не мучай ты, родной, ребёнка!

Старичок вскинул одни очки на лоб, а сквозь другие посмотрел на Марью Петровну:

— Зачем адрес? В справочном деле, матушка, быстрота прежде всего. Мы сейчас позвоним его папе на работу.

И он взял телефонную трубку.

НЕУЖЕЛИ ТРАВКА СНОВА ПРОПАЛ?

Папа сидел в своём рабочем кабинете на службе очень печальный. Целую ночь они с мамой не спали: всё ждали каких-нибудь вестей.

Утром папа всё-таки пошёл на работу, а мама осталась дома совсем больная.

Папа был инженером-технологом на довольно большом заводе. Он указывал, как расставлять станки и машины, с чего начинать работу, когда ковать, когда сверлить, как и когда накаливать, когда и на сколько обтачивать изделия. Он сам придумывал разные усовершенствования, чтобы работа шла лучше и быстрее. Он постоянно думал об этом. Даже тогда, когда был не на работе.

А сегодня он никак не мог сосредоточиться. За что бы он ни принимался, мысли о сыне мешали ему работать.

И он никак не мог справиться с собой.

На папиной службе все уже знали, что Травка потерялся. Все жалели папу и раздумывали, куда мог деться его сын. Одни говорили, что мальчик найдётся,

а другие ничего не говорили, но тоже тревожились вместе с папой.

Вдруг раздался телефонный звонок.

Папа взял трубку и услышал:

— Ваш мальчик нашёлся. Сейчас же поезжайте на Пушкинскую площадь. Туда ходят трамваи, троллейбусы, автобусы и метро: от станции «Охотный ряд» — вверх по улице Горького; от станции «Площадь Маяковского» — по улице Горького вниз. Ясно?

— Ясно... — пробормотал папа. — Но всё-таки где же он сам?

— Он стоит у киоска справочного бюро рядом с гражданкой в сером платке.

— Пожалуйста, не отпускайте его! — взволнованно заговорил папа в телефон. — Если вам не трудно, не отпускайте его ни на минуту! Если можно, не спускайте с него глаз!

Служащие повернули головы к папиному кабинету и слушали изо всех сил. Как только папа положил трубку, все вскочили со своих мест, бросились к нему и разом заговорили:

— Что случилось?

— Неужели нашёлся?

— Я же говорил!

Папа встал и сказал решительно:

— Пока не увижу его собственными глазами, ничего не скажу!

Он быстро вышел в переднюю, схватил пальто и шапку и бегом бросился вниз по лестнице.

Из всех названных старичком способов сообщения ни один не подходил папе. Завод, на котором работал папа, был расположен вне Москвы, довольно далеко от города. Но зато оттуда до самой площади Пушкина ходили заводские автобусы. По дороге они не останавливались.

Папа вскочил в автобус. Пальто он успел надеть только в один рукав, на голове у него оказалась чужая шляпа, калош он не надел совсем — так он спешил. Только в автобусе он немного отдышался.

Но у него всё ещё нетерпеливо билось сердце. Ему хотелось поскорее увидеть Травку.

Автобус шёл уже по городским улицам.

Вдруг папа заметил, что автобус идёт не на Пушкинскую площадь, а куда-то совсем в другую сторону. Папа бросился к кондуктору:

— Скажите, кондуктор, куда это мы едем?

— За бензином, — ответил кондуктор.

— Зачем за бензином? За каким бензином? Почему вы даёте билеты до Пушкина, а сами едете за бензином?

— Вы бы плакатик прочли у водителя на стекле, — сказал кондуктор. — А то я вижу: гражданин скачет на ходу, но молчу. Думаю, ему нужно в нашу сторону, в заезд. Туда машины редко ходят. И пожалел, не стал штрафовать. Да вы не волнуйтесь, гражданин! Куда взяли билет, туда и приедете.

— Да я и не волнуюсь, — попробовал возразить папа, но тотчас замолк, почувствовав, что говорит неправду.

— А без бензина и вовсе никуда не приедете, — продолжал кондуктор. — Мы потому и экономим бензин, что очень много его нашей стране нужно. И на тракторы бензин, и на комбайны бензин, и на всякое другое-иное-прочее опять же бензин. А мы сегодня всё

утро на вчерашней экономии ездим. Наша бригада на первом месте по экономии горючего. Это понимать надо! А вы волнуетесь: «Зачем за бензином? За каким бензином?»

В это время автобус остановился на маленькой площади.

Здесь стоял домик со стеклянными окнами во всю стену, а возле домика — колонка с высокими прозрачными стаканами наверху и с матовым шаром, на котором было написано: «Бензин».

У будки стояла очередь грузовиков, «Москвичей», «ЗИСов», «Побед» и разных других автомобилей. Был даже один грузовик с цистерной для поливки улиц. Зачем он сюда прибыл в зимнее время — неизвестно.

Однако автобус подкатил к бензиновой колонке вне очереди. Шофёр вылез из своей кабины и подошёл к железному баку, который был приделан сзади автобуса. Он отвинтил медную пробку у бака, пошёл к бензиновой колонке и взял там у служащего резиновый шланг с медным наконечником. Наконечник шланга он опустил в бак. Служащий повернул рукоятку, и стало видно, как в стеклянных стаканах колонки танцует и пузырится бензин. Стрелка циферблата показывала, сколько бензина уходит в автобусный бак.

Когда стрелка показала сорок литров, шофёр крикнул:

— Довольно!

Потом он стал проверять мотор — то заведёт, то остановит.

Ждать было для папы мучительно. Он несколько раз подходил к шофёру, наконец не выдержал и попросил его ехать поскорее.

— Ничего, успеете, — ответил шофёр. — Мы по

расписанию работаем. Что потеряли здесь, то наверстаем быстротой езды.

Наконец шофёр залез в свою кабину и дал гудок.

Пассажиры расселись по местам, и автобус тронулся.

* * *

Будка справочного бюро была видна издалека. К окошечку тянулась длинная очередь. Папа подбежал к будке и, расталкивая руками людей, стал искать Травку.

Травки не было. Не было и женщины в сером платке.

Тогда папа извинился и сказал громко:

— Граждане, не видел ли кто женщину в сером платке и с ней мальчика? Маленький такой! Травкой его зовут!

Какой-то гражданин, стоявший в очереди, ответил за всех:

— Нет, не видели.

У папы сразу упало сердце.

А СКОЛЬКО ЕЩЁ ПРИКЛЮЧЕНИЙ ВПЕРЕДИ!

— Позвольто, позвольте... — сказал вдруг человек в меховой шубе и с портфелем в руках. — Они, кажется, в будке телефона-автомата. Я сейчас вызывал для них номер Д 4-18-68. Даже свой собственный пятиалтынный опустил.

Телефон-автомат помещался тут же, рядом со справочным бюро.

Папа подошёл к телефонной будке и увидел через

стеклянную дверь своего Травку. Травка говорил по телефону.

Он заметил папу, отдал телефонную трубку Марье Петровне и выбежал из будки.

Папа поднял Травку на руки, а Травка обнял папу за шею.

Они сначала ничего не говорили — так им было хорошо вдвоём.

Марья Петровна стояла рядом и утирала слёзы своим серым платком.

Наконец Травка сказал:

— Папочка, где же ты был так долго? Я тебя ждал, ждал... А ты всё не едешь. Я замёрз весь. Вот уж ты не во-время потерялся! А было так интересно! Я сейчас с мамой говорил по телефону. Мама здорова, только немного соскучилась без меня. А я ей привёз сосновую лапочку.

Папа попрощался с Марьей Петровной. Он долго благодарил её. Травка тоже с ней попрощался.

Потом они с папой сели на троллейбус и поехали домой, в Петровский парк.

По дороге Травка рассказывал свои приключения, а папа — свои.

Травка спрашивал:

— А мы позовём в гости Солнечку? Я ей обещал.

— Позовём обязательно, — отвечал папа.

— А капитана?

— Ну как же! Его в первую очередь.

— А Николая Ивановича?

— И Николая Ивановича позовём.

— Папа, а я знаю, отчего ходит троллейбус.

— Вот и хорошо.

— Папа, а я знаю, где ночуют трамваи.

— Вот и отлично.

— Папа, скажи, а троллейбус не может ходить там, где нет для него проводов?

— Конечно, не может.

— А автобус?

— Автобус может.

— Папа, а я знаю, что в каждой электрической лампе светит капелька солнца. Но для этого трудились и трудятся очень, очень, очень много людей... Мне это говорил капитан Калашников. А он директор электростанции.

— Сынище! — удивлённо сказал папа и внимательно посмотрел на Травку сквозь очки. — Да ты, я вижу, без меня ещё поумнел! Ну погоди... Я загадаю тебе такую загадку, что ты её ни за что не разгадаешь! Вот погоди!

— Только ты, папка, потом сам разгадывай её подлиннее и поинтересней.

* * *

Когда приехали домой, мама так затискала Травку, что чуть не переломала ему косточки. А слезами вымочила весь полосатый свитер. Папа почему-то тоже стал слишком часто вынимать носовой платок и протирать им очки.

Травка спросил:

— Что же вы плачете? Какие вы смешные!

— А мы боялись, что ты совсем пропал, — ответил папа.

— Ну, — сказал Травка, — как же я пропаду? Я уже не очень маленький. Я средний. Если бы я был совсем маленький, меня всё равно привели бы к вам или принесли на руках. А то я сам чуть не целый день провёл на

плечах у капитана. Даже ноги болят. А потом, у меня столько знакомых...

Папа и мама улыбались.

Травка посмотрел на них и вдруг почему-то сам заплакал. Но быстро перестал.

И они заулыбались все втроём.

ВОТ И ВСЯ ПОВЕСТЬ

Вот и вся повесть о том, как Травка чуть не потерялся совсем.

Травка и сейчас живёт с папой и мамой в Петровском парке.

В этой повести всё правда.

Светит нам могучее солнце. Горят над Кремлём красные звёзды.

А мы учимся, трудимся, строим и заставляем природу служить себе, чтобы было лучше жить всем людям.

Приходит время — мы отдыхаем.

Правда и то, что ходят по земле паровозы и электрические поезда, работают электростанции, несётся по проводам электрический ток, а по трубам идёт горючий газ, и течёт из Волги в Москву-реку свежая речная вода. Мчатся по улицам троллейбусы и автомобили, автобусы и вагоны трамвая. Проносятся под землёй поезда метро, а над землёй летят самолёты. Радиоволны разносят во все стороны музыку и человеческие голоса. При помощи радиоволн можно не только слышать, но и видеть то, что происходит очень далеко.

По ночам печатаются газеты, и в них описано всё, что происходит на земле.

Ни днём, ни ночью не прекращается работа.

Правда и то, что когда наступают сумерки, вся Москва озаряется электрическим светом и ещё ярче начинают гореть кремлёвские звёзды.

Правда и то, что живёт где-то совсем недалеко маленькая девочка Солнечка, которую я люблю и которой посвящаю эту повесть.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Про Травку 3
О том, что произошло со старыми дачами 4
О том, как исполнилось Травкино желание 6
Путешествие по этажам 7
Мамины загадки 9
На троллейбусе под светофорами 12
Травка спускается под землю 16
Подземные чудеса 20
Что может наделать самый обыкновенный воздух 21
Травка ничуть не испугался 24
Путешествие под землёй 25
Дом-великан 27
Ещё высотное здание 28
На вокзале 30
Травка потерялся 33
Что случилось с Травкой 37
Напали на след 42
Травка пускается вдогонку папе 44
Папа действует решительно и быстро 47
Что случилось с мамой 51
Травка, кажется, нашёлся 55
Ученик третьего класса 58
На паровозе 60
Волк 63
Солнечка 66
Новое знакомство 68
Поход на Московскую гору 71
Солнечный день 73
Распоряжения капитана Калашникова 76

Великий город Москва 79
В дремучем лесу 82
Травкин папа попадает в плен 86
Командир четвёртого взвода 90
Измайловы выслежены! Измайловы пойманы! 96
Папа и мама 99
В гостях у капитана 104
Травка едет в Москву 106
Безвыходных положений не бывает 109
Мама осталась одна 110
Травка с папой в цирке 111
Травка, наверно, скоро приедет, если только он был в цирке 112
В редакции 114
Было двенадцать часов ночи... 116
Газета печатается 119
А Травка уже давно приехал в Москву 123
Новые дома 127
Трамвай идёт в парк 133
Где ночуют трамваи 136
Сторож тоже хороший 139
Утром 142
Волшебник справочного дела 145
Неужели Травка снова пропал? 148
А сколько ещё приключений впереди! 152
Вот и вся повесть 155

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва 47, ул. Горького, 43, Дом детской книги.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Романов Сергей Григорьевич

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТРАВКИ

Ответственный редактор
С Е Миримский

Художественный редактор
П И. Суворов

Технический редактор
М Д Суховцева

Корректоры
Е И. Балабан и Т. П. Лейзерович.

*

Сдано в набор 25/III 1954 г. Подписано к печати 30/VI 1954 г. Формат 60 × 841/16 — 10 = 9,13 печ. л. (7,52 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. А04294. Заказ № 351. Цена 3 р. 65 к.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.

Цена 3 р. 65 к.